

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Саратовский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
(национальный исследовательский университет)**

юридический факультет

кафедра политических наук

**Политическая субъектность региональных социумов
и элит: динамика, проблемы и перспективы**

Сборник научных статей по материалам международной научно-
практической конференции

Саратов 2014

УДК 316.3 (082)
ББК 60.56 я 43
П 50

П 50 Политическая субъектность региональных социумов и элит: динамика, проблемы и перспективы. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Саратов, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 30 мая 2014 г.) Ответственный редактор – д-р политических наук, профессор А.А. Вилков. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2014. – 199 с.

ISBN 978-5-91879-444-9

В сборнике опубликованы материалы состоявшейся в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского международной научно-практической конференции «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИУМОВ И ЭЛИТ: ДИНАМИКА, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ». Представлен широкий спектр теоретических и прикладных исследований, отражающих специфику политической субъектности региональных социумов и элит, различных форм и механизмов взаимодействия институтов гражданского общества и власти в различных субъектах Российской Федерации и на территории постсоветского пространства.

Для политологов, социологов, историков, юристов, экономистов, всех интересующихся политической ситуацией в современной России, ее отдельных регионах, в мире в целом.

УДК 316.3 (082)
ББК 60.56 я 43

Статьи изданы в авторской редакции

ISBN 978-5-91879-444-9

© Коллектив авторов, 2014

Предисловие

Уважаемые читатели!

30 мая 2014 г. в Саратове состоялась I Международная научно-практическая конференция «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИУМОВ И ЭЛИТ: ДИНАМИКА, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ», подготовленная кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Были представлены Российская Федерация, Украина; Республика Казахстан, Республика Молдова, Чехия, Республика Ирак. Среди организаторов выступили Саратовское отделение Российского общества политологов, Саратовское отделение Российской Ассоциации политической науки, Общенациональный научно-политический журнал «Власть».

Всего было зарегистрировано свыше 90 участников, среди которых - более 20 докторов и 30 кандидатов наук, практические работники, студенты и аспиранты вузов Саратова и многих регионов России. Были представлены Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Армавирский институт социального образования (филиала) Российского государственного социального университета; Белгородский государственный университет; Волгоградский государственный университет; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований; Кубанский государственный университет; Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева; Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ; Саратовская государственная юридическая академия; Саратовский социально-экономический институт РЭУ имени Г.В.Плеханова; Северо-Кавказский федеральный университет; Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова; Сыктывкарский государственный университет; Тамбовский государственный технический университет; Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина; Ульяновский государственный университет; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва); Южно-Российский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ и другие.

Докладчики акцентировали внимание на многозначности понятия «регион» для выделения предметной сферы научного анализа. Особенно неопределенно его использование для анализа международных отношений и измерения соотношения политической субъектности межгосударственных союзов и суверенитета соответствующих государств. Для России эта тема чрезвычайно актуальна в силу подписанных недавно документов по созданию Евразийского экономического союза.

Важнейшей системой координат для анализа является измерение субъектности в рамках федеративных взаимоотношений по линии Центр-регионы и проблематики разграничения полномочий и ответственности,

оптимального представительства интересов региона. Насколько важна эта тема, свидетельствует наглядный пример современной Украины и Крыма.

Однако большая часть докладов была посвящена проблематике политической субъектности внутри российских регионов. Конфигурация данной политической субъектности имеет множество измерений, часть которых во многом определяет степень демократичности данного региона и политической системы в целом. Этой проблематике была посвящена работа трех секций: 1) «Механизмы партийного строительства и элитообразования в регионах» 2) «Власть и гражданское общество в регионах: проблемы межсубъектного взаимодействия» 3) «Перспективные направления исследований региональной политической субъектности: теория и практика».

Поэтому сборник будет интересен всем, кто интересуется различными аспектами регионального политического развития современной России и других стран, кому не безразлична сегодняшняя судьба страны и перспективы ее демократического будущего.

Заведующий кафедрой
политических наук Саратовского
государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского,
д.п.н., профессор

А.А. Вилков

Барашков Г.М.,
к. п. н., доцент кафедры политических наук юридического факультета ФГБОУ ВПО
«Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Современный этап партийного строительства характеризуется превращением партий в политико-административных агентов государства. Хотя этот процесс носит неравномерный характер и в разной степени касается всех партий, тем не менее, ряд существенных характеристик отрывает партий от исходных интересов формирующегося гражданского общества заставляя говорить о том, что партийно-политическое пространство в России все ближе смыкается с государством. Все это вполне вписывается в концепцию «вертикали власти» и соответствует российской традиции моноцентризма. Роль и влияние политических партий на происходящие политические процессы существенным образом падает. Подтверждением тому может служить создание Общероссийского народного фронта (ОНФ), который должен стать центром притяжения и включения в свою орбиту других партий и движений России. Все это, в перспективе, может привести к ослаблению межпартийной конкуренции и сужению партийного пространства. Таким образом, гражданское развитие происходит не через участие граждан в равноправном диалоге с органами государственной власти, а через процессы задаваемые и управляемые «сверху».

Более того, создание подобного рода объединений является признанием недееспособности или ограниченной дееспособности российских политических партий. Российская партийная система, а, следовательно, и политическая система находится в кризисном состоянии. Смена партийного законодательства в апреле 2012 года [11, с.2 - 8], отход от прежней модели партийного строительства, по нашему мнению, направлены не на развитие партийной системы, а на решение стратегических и тактических задач власти. Тренд на укрупнение партийной системы, обозначенный в законе о партиях 2001 года [12], по сути, был перечеркнут потому, что падение рейтинга «Единой России», коррупционные скандалы, при сложившейся системе, вполне могли привести к тому, что на следующих выборах в Государственную Думу партия «Единая Россия» могла лишиться большинства мест в парламенте. Именно с этой целью было принято решение о создании ОНФ, который в перспективе должен стать супердвижением, и принятие нового закона о политических партиях, который формально выглядит вполне демократичным, но на деле плодит многочисленные маловлиятельные партии, которые с одной стороны не смогут составить конкуренцию «партии власти», а с другой, еще раз подчеркнут значимость и влияние президентской власти, как главного и единственного влиятельного игрока на политическом поле страны.

Современное состояние групп интересов характеризуется ограничением группового плюрализма и превращением наиболее значительных групп интересов в политико-административных и социальных агентов государства (с 2000 года).

К концу 90-х годов XX века в России возник позыв к тому, чтобы провести некоторую структуризацию общественного договора. Решался вопрос о том, какой тип социального контракта возникнет – вертикальный или горизонтальный. Сейчас уже вполне очевидно, что за последние годы происходит становление отношений с преобладанием вертикальных связей, спецификой которых является согласие населения пожертвовать своими правами в обмен на стабильность в политической и экономической сферах.

Современное состояние развития институтов гражданского общества характеризуется заметным укреплением государственности, что нашло свое отражение в ряде мероприятий по преобразованию политико-административной сферы (консолидация центральных политико-государственных институтов, реформа федеративных отношений, административная реформа и т.п.). Тем самым, произошел отказ от прежнего типа лидерства, основанного на слабоструктурированном, внеинституциональном характере политического господства. Президент признается в качестве центра принятия политических решений, главным арбитром в перманентном конфликте различных властных группировок. Возможности влияния на политические процессы представителей групп интересов крупного российского бизнеса также претерпели существенные изменения и ограничения. Это проявилось в формулировании новых, неформальных «правил игры» во взаимодействии государства и бизнеса, по которым большой бизнес должен:

- «- быть лоялен по отношению к государству;
- спонсировать экономические, социальные и политические проекты власти;
- принять на себя социальную ответственность за отрасли и регионы, где он доминирует;
- не поддерживать оппозицию» [5, с. 4].

Таким образом, в результате принятия данного соглашения влияние групп интересов крупного бизнеса на политические процессы не только сократилось, но и произошло фактическое их включение на основе корпоративистских механизмов в действующую политико-административную вертикаль власти.

Президентом В.В. Путиным была сделана ставка на новую модель политико-административного правления, в основе которой находился не «управляемый конфликт» как при Б.Н. Ельцине, а система иерархического подчинения основных политико-административных институтов президентской власти. В результате данная тенденция способствовала объединению на корпоративистских началах большого количества бюрократических групп интересов в единую властно-управленческую вертикаль во главе с президентом страны.

Отметим, также и факт попыток включения властью в управленческую вертикаль массовых, не элитных групп интересов, что выражается в создании по инициативе сверху ряда социально-политических институтов взаимодействия (гражданские форумы, общественная палата, народные фронты и так далее). Их основной целью является инкорпорация наиболее значимых и влиятельных общественных организаций в качестве медиаторов государства в диалоге с обществом. Предполагается, что все наиболее значительные массовые группы интересов будут интегрированы в сформированную в России политико-административную вертикаль власти.

В Саратовской области, начиная с 1990-х годов, так же как и в стране в целом, предпринимались попытки развития гражданских инициатив. Именно, на указанные годы приходится пик регистрации общественных объединений в регионе [10, с. 4]. В результате в Саратовской области была сформирована система общественных организаций, охватывающих фактически все сферы жизни общества.

В 2000-е годы взаимодействие власти с «третьим сектором» нашло свое практическое воплощение в создании широкой сети площадок, на которых ведется диалог власти и общества, развивается система грантовой поддержки общественных организаций. Именно, на этот период приходится создание структур, позволивших в значительной степени раскрыть потенциал общественных организаций в области взаимодействия с властными структурами. Так, например, для проведения оценки общественной экспертизы нормативно-правовых актов и проектов с точки зрения их эффективности и целесообразности для жителей области был создан Экспертный совет по проведению общественной экспертизы нормативно-правовых актов при Правительстве Саратовской области [8].

В рамках реализации этноконфессиональной политики в Саратовской области был создан Совет по взаимодействию с национальными и культурными объединениями [3]. Совет является консультативным органом, в состав которого входят представители органов власти и лидеры крупнейших национальных объединений. В функциональные обязанности Совета входит осуществление предварительного рассмотрения вопросов и подготовка предложений для губернатора области, касающихся реализации государственной политики в национальной сфере, а также осуществление разработки предложений и рекомендаций органам государственной власти по совершенствованию национальной политики в регионе.

В августе 2006 года начал работу Совет по взаимодействию с религиозными объединениями [7], являющийся консультативным органом, осуществляющий предварительное рассмотрение вопросов, подготовку предложений для губернатора области, которые касаются взаимодействия с религиозными объединениями и повышения духовной культуры общества. В работе Совета принимают участие представители органов государственной власти, религиозных конфессий, научного сообщества. Деятельность Совета направлена на взаимодействие исполнительной власти с религиозными

объединениями, укрепление общественного согласия и взаимопонимания в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания.

В октябре 2007 года депутатами Саратовской областной Думы был принят закон «Об Общественной палате Саратовской области» [4], что способствовало усилению одной из важнейших функций гражданского общества по отношению к государству – функции общественного контроля и экспертизы. Деятельность Общественной палаты Саратовской области [2] происходила в условиях, когда процесс политических и социальных реформ выявил потребность населения в структурах правового сопровождения гражданской организации общества. Статус Общественной палаты области в целом соответствует статусу аналогичной федеральной структуры.

На уровне местного самоуправления, при главах муниципальных районов, во всех муниципальных образованиях Саратовской области действуют общественные советы, в состав которых входят представители районных отделений политических партий, общественных организаций, национально-культурных объединений, религиозных конфессий. Деятельность данных советов затрагивает широкий спектр региональных проблем – от обсуждения областных законопроектов и взаимоотношения власти с обществом, до бытовых проблем населения. Именно на местное самоуправление возложены наиболее сложные задачи, связанные с практическим осуществлением значительной части социально-экономических реформ и реформы местного самоуправления, в том числе укрепление институтов гражданского общества на уровне муниципалитетов.

Одной из ключевых задач исполнительной власти региона является оказание содействия в реализации гражданских инициатив, идущих снизу. В данном случае, наиболее действенным механизмом выступает организация конкурсов социальных и культурных проектов. Наряду с финансовой поддержкой деятельности общественного сектора, реализуется комплекс организационных мероприятий, позволяющий развивать коммуникативные функции гражданского общества.

Примером, отражающим качественно новый уровень взаимодействия, выступают Гражданские Форумы Саратовской области (первый Гражданский форум Саратовской области состоялся в ноябре 2008 года). Они способствовали вовлеченности гражданского сектора муниципальных образований губернии в областную систему межсекторного взаимодействия. Данные мероприятия являются долгосрочными ежегодными моделями, способствующими на основе всестороннего учёта интересов современного общества через формирование широкой экспертной деятельности в выработке управленческих решений и привлечения ресурса гражданского общества к реализации совместно принятых решений.

В других сферах жизнедеятельности Саратовской области также задействованы площадки по согласованию социально значимых интересов власти и общества. Так, в частности начали функционировать Совет по реализации национальных проектов при правительстве области, Совет по развитию предпринимательства при губернаторе области и Совет

экономического развития. Данные советы представляют собой консультативные органы, в состав которых входят представители бизнеса, научного сообщества, профессиональных объединений.

Поддержка институтов гражданского общества области осуществляется, прежде всего, через реализацию региональных целевых программ «Развитие гражданского общества Саратовской области» [6] и «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» [9]. Принятие данных программ направлено на развитие институтов гражданского общества, выработку гражданской позиции, способствующей поддержанию мира и согласия между жителями области, противодействию проявлениям экстремизма и ксенофобии.

Таким образом, в Саратовской области созданы благоприятные условия для развития неправительственных общественных объединений. Активно реализуются государственные программы по их поддержке, развивается сетевой принцип взаимодействия общественных объединений области. У населения области, общественных организаций, помимо предусмотренных законами форм коммуникации с чиновниками появился и такой эффективно действующий механизм привлечения общественности к решению таких проблем, как использование различных площадок для диалога власти и общества.

Вместе с тем, несмотря на то, что в последнее время произошла существенная трансформация в принципах социально-политического взаимодействия, в качественном состоянии институтов гражданского общества не произошло существенных изменений. Состояние уровня развития указанных институтов как в России, в целом, так и в Саратовской области, в частности, на сегодняшний день остается все еще крайне низким в сравнении с ведущими демократическими государствами мира. Данное обстоятельство можно определить исходя из фундаментальных факторов, присущих российскому социуму, а именно, «низкий уровень социального доверия и отсутствие эффективных навыков социальной самоорганизации» [1, с. 13 - 18].

Следует также отметить и невысокий уровень вовлеченности российских граждан в институционализированные формы социально-политического участия в деятельности политических партий, общественно-политических движениях, некоммерческих организациях, что самым негативным образом сказывается на процессе демократизации в стране. Причинами такой общественно-политической их пассивности выступают занятость своими делами, разобщенность, неверие в результативность своей общественной деятельности, отсутствие взаимопомощи и сопричастности.

Примечание. В 2012 – 2013гг. автором бы проведен социологический опрос, в котором приняли участие 1600 жителей Саратовской области – Саратова, Балаково, Вольска, Хвалынска, Пугачева. Два вопроса анкеты непосредственно касались политических партий. В результате были получены следующие результаты:

Для чего в современной России нужны партии? Не является ли их существование пережитком прошлого?

- А) Партии обеспечивают связь политической системы и окружающей среды - 0
- Б) Партии выражают интересы части общества - 780
- В) В современной России партии ни на что не влияют - 750
- Г) Затрудняюсь ответить - 70

Чем в России должны заниматься партии?

- А) Партии должны бороться за власть - 40
- Б) Партии должны заниматься проблемами граждан (перечислить какие проблемы) – социально-экономические проблемы, ЖКХ, ипотека, зарплата, рабочие места, безработица, обеспечение достойной старости, дороги, транспорт, воспитание молодежи, жилье; изменение законодательства с целью усиления борьбы с коррупцией – 1280;
- В) Затрудняюсь ответить – 280.

Список использованной литературы:

1. Власть и народ в России: Обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М., 2003.
2. В Саратовской области начала работу Общественная палата. URL: http://www.oprf.ru/ru/about/interaction/region_chambers/431/2008/newsitem/3770 (дата обращения: 18.04. 2014).
3. В Саратовской области создан совет по взаимодействию с национальными и культурными объединениями URL: <http://www.stroysar.ru/v-saratovskoj-oblasti-sozdan-sovet-po-vzaimodejstviju-s-nacionalnymi-i-kulturnymi-objedinenijami/> (дата обращения: 16.04. 2014).
4. Закон Саратовской области от 9 ноября 2007 г. N 243-ЗСО "Об Общественной палате Саратовской области" URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/saratov/167469/> (дата обращения: 18.04. 2014).
5. Мухин А.А. Новые правила игры для большого бизнеса, продиктованные логикой правления В.В. Путина. – М., 2002.
6. Областная целевая программа «Развитие институтов гражданского общества в Саратовской области» на 2010 - 2012 годы» URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/komobotn/papers/detail.php?ID=76688> (дата обращения: 19.04. 2014).
7. О создании Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Губернаторе Саратовской области (с изменениями на 14 марта 2012 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/933008004> (дата обращения: 18.04. 2014).
8. О создании Экспертного Совета по проведению общественной экспертизы нормативно-правовых актов при Правительстве Саратовской области. URL: http://saratov.news-city.info/docs/systems/dok_ierkgb.htm (дата обращения: 12.04. 2014).
9. Постановление от 29.12.2012 г. N 841-П «О внесении изменений в долгосрочную областную целевую программу «Национально-культурное развитие народов Саратовской области на 2011 – 2013 годы» URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=2028901> (дата обращения: 19.04. 2014).
10. Развитие институтов гражданского общества в Саратовской области: состояние и перспективы /под ред. И.И. Брянцева. – Саратов: ПАГС, 2008.
11. ФЗ РФ от 2 апреля 2012 года №28 – ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О политических партиях" //Российская газета, №73. 04.04.2012.
12. ФЗ от 11 июля 2001 года №95 – ФЗ "О политических партиях" //Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html> (дата обращения: 12.04. 2013).

Богданов А.В.,
к. п. н., ассистент кафедры политических наук юридического факультета ФГБОУ
ВПО «Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского»

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Понятие «гражданское общество» является одним из основных в современной политологии. Актуальность изучения специфики функционирования гражданского общества, как на теоретическом, так и на практическом уровне обусловлена все увеличивающейся ролью отдельных граждан и их общественных, добровольных и самостоятельно действующих организаций во всех сферах жизнедеятельности человеческого сообщества – социально-политической, экономической и духовной.

В отличие от таких понятий, как «государство», «политическая система», «политический режим», «правовое государство» и многих других, идея и понятие «гражданского общества» в научной литературе и общественно-политической практике остаются во многом не изученной и не реализованной на практике проблемой. Это связано с тем, что, с одной стороны, данное понятие является достаточно традиционным и имеет свою многовековую историю. С другой, – в российском обществе ощущается острая потребность в выработке научно обоснованной концепции гражданского общества, опирающейся как на лучшие традиции отечественной общественной мысли и практики, так и на достижения западной политической науки.

Сложность в формировании приемлемого теоретического подхода к изучению гражданского общества, отвечающего запросам практической деятельности субъектов российской политической системы, обусловлена, на наш взгляд, тем, что в политологии, как науке сформировалась ситуация, когда реальная практика политического процесса развивается быстрее, чем теоретические методики осмысления этой практики. Это происходит, по нашему мнению, не потому, что гуманитарное сообщество настроено консервативно, а в силу того, что фундаментальные гуманитарные теории требуют определенного ресурса времени, определенных процедур верификации. В результате, пока идет процесс выработки и верификации основополагающих теоретических методик исследования политическая практика заметно меняется и увеличивается несоответствие теории практике.

В этой связи мы бы хотели сосредоточить свое внимание на тех проблемах, которые стоят перед российской политической системой при формировании так называемого третьего сектора, свободно действующих некоммерческих организаций.

Под термином «гражданское общество» мы понимаем всю ту часть общества, которая не охвачена прямым влиянием государства и его структур, и которая функционирует в рамках политической системы без

непосредственного вмешательства и контроля со стороны органов государственной власти. В этом смысле гражданское общество в узком значении выступает оборотной стороной правового государства, они не существуют друг без друга. Идеям гражданского общества о рациональной и справедливой власти, о свободном, благополучном и гармоничном развитии личности соответствуют идеи приоритета и верховенства права и закона, правового и институционально закрепленного разграничения деятельности исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти. Правовое государство можно считать итогом развития гражданского общества и условием его дальнейшего функционирования и совершенствования. Понятие правового государства означает, что само государство и все социальные общности, равно как и отдельная личность, уважают право и находятся в одинаковом положении по отношению к нему.

К идеям и принципам, лежащим в основе гражданского общества, независимо от специфики той или иной страны обычно относят:

- а) экономическую свободу, многообразие форм собственности, рыночные отношения;
- б) безусловное признание и защиту прав человека и гражданина;
- в) равенство всех перед законом и правосудием, надежную правовую защищенность личности;
- г) правовое государство, основанное на принципе разделения и взаимодействия властей;
- д) политический и идеологический плюрализм; многопартийность, представительную и непосредственную демократию;
- е) невмешательство государства в частную жизнь граждан;
- ж) легитимность и стабильность основ конституционного строя, национальное согласие [1, с. 305-307; 2, с. 62-70; 3, с. 189; 4, с. 71-78].

К указанным выше аспектам гражданского общества, на наш взгляд, следует также отнести уровень развития политической культуры общества и личности, как способа и меры реализации возможности участия человека в политике, делах государства, самоуправлении и т. д.

В настоящее время формирование высокоорганизованного гражданского общества является долговременной и одной из актуальных проблем российского общества. Пока же его становление в России сталкивается с существенными трудностями. К ним можно отнести, например, следующие:

1. Исторически обусловленный авторитарный характер власти, которая сконцентрирована в «одних руках». Авторитаризм, присущий развитию российской государственности, пронизывает всю политическую систему, а модернизация в таких условиях осуществляется жесткими методами при использовании огромных человеческих и материальных ресурсов.

2. Лидерский характер политической культуры в России. Эта тенденция находит своё выражение в абсолютистско-монархических основах

политической системы, где во главе может находиться царь, император, генеральный секретарь партии или президент. При этом лидерский тип политической культуры проявляет себя не только на уровне всей страны, но и на местном, микросоциальном уровне.

3. Этатистский характер российской политической культуры, проявляющий себя в ориентации граждан на государство как основной политической механизм решения их проблем. Эта особенность способствует увеличению бюрократического аппарата в результате низкого уровня активности общества и отсутствия индивидуальных форм взаимоотношения между политической элитой и гражданами.

4. Недостаток общественных и национальных интегрирующих основ, а также слабая активность граждан к самоорганизации. Эта характеристика российской политической культуры особенно заметна в периоды кризиса политической системы, когда общество не проявляет активности и настойчивости для защиты своих прав и достоинства.

5. Не правовое восприятие власти российским обществом. Оно выражается в вере слову и обещанию в справедливые решения главы государства, а не в конституцию и юридически закрепленные нормативные акты.

6. Для политической культуры российского общества характерно противоречивое отношение к традиционным ценностям, идеалам наряду с устремленностью в будущее и восприимчивостью к новшествам. Эта тенденция особенно себя проявила после перехода российского общества от коммунистической идеологии к построению капиталистических отношений. В результате перехода граждане активнее стали перенимать «идеалы» капитализма такие, как возведение денег в культ, индивидуализм, спекуляция, которые в предшествующий коммунистический режим считались отрицательными характеристиками в оценке деятельности личности. При этом такие критерии высокой оценки морально-нравственных качеств личности, как патриотизм, альтруизм, социальная справедливость стали восприниматься как устаревшие и даже негативные. Отсюда следует, что большая часть российского общества весьма узко и упрощенно понимает смысл «либеральной свободы», воспринимая ее как свободу от норм, условностей, правил, а не как созидательный фактор в развитии личности.

7. Российской политической культуре присуща разнородность, существование субкультур с различными ценностными ориентациями, взаимоотношение которых носят конфронтационный характер. Это приводит к нестабильности, противоречивости политического процесса, к отсутствию национального согласия по тому или иному политическому решению, к часто возникающим разногласиям между социальными группами.

8. Особенностью российской политической культуры является склонность граждан к крайностям в оценке политических событий и явлений, в политическом поведении. Эта тенденция находит своё выражение в конфликтности и неумении искать точки соприкосновения с политическими

противниками, в использовании черных технологий во время проведения выборов, компромата как способа выстраивания взаимоотношений между политическими субъектами, политическими партиями.

Функционирование гражданского общества также связано и с узкоспециализированными проблемами такими, как:

1. В современном политическом пространстве, особенно на уровне регионов, при формировании стратегии своего развития НКО редко или вообще не прибегают к помощи PR-специалистов, не используются соответствующие технологии и подходы такие как, например, проектный подход. Этот инструмент в совокупности с PR-технологиями позволяет выстроить долгосрочную тактику развития и эффективные взаимоотношения с агентами СМИ. С теми, кто непосредственно формирует повестку дня, кто может осветить те или иные события в деятельности НКО. Но, из-за недостатка специалистов, члены НКО не могут правильно (используя соответствующую стилистику и форму сообщения) предоставить материал в СМИ, не обладают определенными навыками в общении с представителями масс-медиа и не знают какие средства и как можно использовать для пропаганды своих идей и осуществления деятельности. Все это снижает эффективность деятельности НКО и лишает их возможности заявить о себе, наладить каналы обратной связи с населением, привлечь сторонников.

2. Общественные организации используют информационные технологии, в частности Интернет пространство, недостаточно эффективно и продуктивно. У многих НКО существуют свои сайты, но они не обладают необходимым адаптивным по отношению к конечному пользователю, т.е. обществу функционалом. Отсутствует обратная связь и в целом интернет ресурсы не используются НКО как основные для распространения своей информации и взаимодействия с населением.

3. Функционирующие в российском политическом поле НКО не используют методы профилактики, т.е. повышения правового и политического сознания и грамотности общества, их деятельность не затрагивает формирование представлений у населения о важности и значимости активного и компетентного, ответственного политического и гражданского участия. На наш взгляд, это эффективный способ повысить участие граждан России в деятельности НКО с целью выразить свою позицию и реализовать свои интересы.

В целом можно заключить, что в современном российском обществе растет потребность в социальной защите своих прав, но адекватной, адаптивной системы социальных институтов, контролирующей этот процесс, не сформировано. Это объясняется отчасти и особенностями российской политической культуры, и спецификой функционирования самих НКО – отсутствие специалистов по связям с общественностью, недостаточное использование информационных технологий (особенно интернет-пространства) и профилактически-пропагандистских методов по увеличению

активности граждан в выражении и отстаивании своей позиции и интересов легальными методами в рамках правового поля.

Список использованной литературы:

1. *Барашков Г.М.* Проблемы становления и развития гражданского общества в современной России. Вавиловские чтения – 2009: Материалы Международной научно-практической конференции. – Саратов: ООО Издательство «КУБиК», 2009. С. 305 – 307.
2. *Вилков А.А.* Политическое управление и гражданское общество в современной России // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. Выпуск 4. 2010. Т. 10 . С.62-70.
3. *Комкова Г.Н., Вилков А.А., Данилов М.В., Попонов Д.В., Шестов Н.И. и др.* Концептуальная модель взаимодействия власти, гражданского общества и бизнеса в условиях российского региона. Саратов. Издательство: «Саратовский источник», 2011. С. 189.
4. *Шестов Н.И., Барашков Г.М.* Гражданское общество и его аналоговые формы.// Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. 2011. Т. 2. С.71-78.

Вилков А.А.,

д. п. н., профессор, заведующий кафедрой политических наук юридического факультета ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ТРАКТОВКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Сложность и многомерность понятия региональной политической субъектности предопределяет и многообразие теоретико-методологических подходов анализа данной проблематики. Одной из самых распространенных в научном сообществе продолжает оставаться экономикоцентрическая парадигма, базирующаяся на концепциях экономического детерминизма. Специфическими вариантами его в свое время стали такие идеологические антиподы как либерализм и марксизм, одинаково основывающиеся на том, что индивиды руководствуются в своей деятельности осознанными экономическими интересами.

Классовый подход, обоснованный в теории К.Маркса и его последователей (разделившихся впоследствии на несколько направлений), базировался на наличии особых экономических интересов у крупных социальных групп (классов), объединяющих индивидов различающихся отношением к средствам производства, способами получения и размерами доли общественного богатства. Поэтому основными субъектами политики для марксистов являлись классы и те общественно-политические организации, которые представляют их интересы в политике. Последующее мировое развитие показало определенную упрощенность марксистской концепции прямой взаимосвязи классовых социально-экономических

интересов и политического поведения конкретных людей. Кроме того, за прошедшие полтора столетия произошло значительное усложнение социальной стратификации современных обществ. Новые многочисленные линии социальных и политических размежеваний и их институциализация по новому ставят вопрос о ключевых социальных субъектах в политике. Тем не менее, экономический детерминизм марксизма, на наш взгляд, не может быть отвергнут полностью, т.к. за субъективными мотивами различных социальных групп и в современных условиях стоят, прежде всего, реальные материальные интересы.

В рамках либерализма (во всех многочисленных его интерпретациях) основным субъектом общественных отношений провозглашался индивид, а представительство его осознанных интересов в политике предполагалось в рамках самонастраивающейся системы на основе демократических механизмов и рыночных отношений.

Наиболее последовательно данный подход был реализован в рамках теории рационального выбора в виде концепции «рыночной демократии». В соответствии с ней каждый индивид, обладающий неотъемлемыми правами и свободами, вправе осознанно выбирать на «политическом рынке» наиболее подходящий ему «товар» в виде конкретного кандидата или списка партии, которые будут представлять его интересы в сфере политики. Однако, абсолютизация осознанного индивидуального выбора в политике (на основе экономического интереса) в некотором смысле идентична абсолютизации классовой его детерминированности, т.к. не учитывает множества других факторов мотивации политического участия различных субъектов социальных отношений.

В рамках системно-функционального подхода Т. Парсонса и его последователей акцент делается на функциональности политической системы, обладающей внутренней логикой развития, которой объективно подчиняются все ее отдельные структурные элементы. В этом случае каждый субъект политики действует строго в соответствии с предписанной ему совокупностью ролей и функций в рамках данной системы, любое отклонение от которой нарушает ее эффективность. Ключевую роль Т. Парсонс отводит интегративной функции любой социальной системы, а в качестве главных субъектов действия выделяет индивидов, хотя в определенных целях в качестве таковых, по его мнению, «можно рассматривать и коллективы» [3, с. 15]. Для анализа структуры социальных систем и соответственно политической субъектности, Парсонс предложил использовать четыре типа независимых переменных: «ценности, нормы, коллективы и роли» [3, с. 18]. Ценностям он отводит ведущее место в формировании функциональности социальных систем, «так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств» [3, с. 18]. Предназначение норм состоит в том, чтобы «интегрировать социальные системы», они всегда «конкретны и

специализированы применительно к отдельным социальным функциям и типам социальных ситуаций» [3, с. 18-19]. По мнению Парсонса, они не только «включают элементы ценностной системы, конкретизированные применительно к соответствующим уровням в структуре социальной системы, но и содержат конкретные способы ориентации для действия в функциональных и ситуационных условиях, специфичных для определенных коллективов и ролей» [3, с. 19]. «Коллективам», определяемым на основе четкого различения с другими структурами и на основе дифференциации его членов по статусам и функциям, отводится, прежде всего, целедостиженческая задача. Роль, по мнению Парсонса — это такой структурный компонент, который в первую очередь выполняет адаптивную функцию, с помощью которой происходит включение индивидов в тот или иной коллектив и которые «охватывают основные зоны взаимопроникновения социальной системы и личности индивида» [3, с. 19].

В соответствии с таким подходом статус «коллектива», группы, организации, или индивида (а, следовательно, и их политическая субъектность) зависят от способностей оказывать влияние на другие социальные субъекты и политическую ситуацию в данном конкретном регионе. Однако, на наш взгляд, Т. Парсонс несколько переоценил степень групповой солидарности и осознанность действий в интересах «коллективной системы» на основе разделяемых ценностей, и недооценил другие важнейшие факторы, определяющие мотивацию политического поведения отдельных граждан и социальных групп. Прежде всего, в качестве таких факторов выступает многомерная и очень подвижная самоидентификация каждого индивида в сложнейшей структуре социальных отношений, которая предопределяет его одновременную или периодическую включенность в самые различные «коллективы». Кроме того, важно учитывать, что важнейшим фактором мотивации политического поведения выступает не только существующая система социализации, но и информационное воздействие различных субъектов политики, конкурирующих друг с другом. Каждый из них опирается на собственную идеологическую и программно-партийную основу, стремится завоевать симпатии и привлечь на свою сторону важнейшие социальные сегменты и «коллективы», используя самые различные способы воздействия. В результате чрезвычайно актуальной и социально опасной становится проблема манипулирования массовым сознанием и апелляции к иррациональным мотивам поведения людей.

Примером недостаточности подобного подхода для реальной политической действительности может служить выделение в качестве самодостаточного субъекта региональных политических процессов таких «коллективов», как региональные научные сообщества. Они рассматриваются, прежде всего, через призму реализации своего потенциала в качестве аналитических центров, и лидеров общественного мнения. Например, по мнению Д.Г. Зайцева, для Саратовской области характерно

встраивание аналитических сообществ в сложившуюся региональную систему «неформальных процедур и практик, патрон-клиентских отношений», когда они «играют по большей части роль клиента, исполнителя, легитимирующего волю патрона, нежели самостоятельного политического актора» [2, с. 97]. Как представляется, это жесткая и достаточно однобокая и несправедливая оценка деятельности всего саратовского научного сообщества в целом. Например, достаточно посмотреть содержание различных материалов нашего журнала «Известия Саратовского университета», научных сборников трудов преподавателей и аспирантов кафедры политических наук СГУ, чтобы увидеть, насколько критичны и непредвзяты их авторы по отношению к ситуации в различных сферах функционирования действующей власти и ее отдельных институтов.

Другое дело, что потенциал политической субъектности нашего научного сообщества реализуется в минимальной степени. Обусловлено это, прежде всего, тем, что многие научно обоснованные, логически выверенные, эмпирически подкрепленные выводы, оценки, прогнозы исследователей, остаются в достаточно замкнутом пространстве самого научного сообщества. Потенциал субъектности в ходе принятия важнейших политических решений, в формировании общественного мнения, действительно реализуется не в полную силу. Проще говоря, исследователи «варятся в своем собственном соку» и их научная продукция в значительной степени не доходит до широких масс (за исключением части студенчества) и оказывается невостребованной активными субъектами политики.

Объяснить это можно как раз тем, что политическая субъектность научного сообщества определяется не повсеместной апологетикой действующей власти со стороны отдельных ученых, а тем, что они не нацелены на активную включенность своих знаний в политическую практику. Вряд ли их можно винить в некоей отстраненности от реальной региональной политики в силу недостаточного своего участия в избирательных кампаниях, в деятельности региональных отделений политических партий, в общественно-политических организациях, в проведении протестных акций и других подобных политических мероприятиях. Они гораздо более плотно включены в региональные «коллективы» как преподаватели, наставники, научные руководители, члены творческих и научных сообществ, родители, водители, болельщики, рыбаки, дачники и т.д. и т.п. А непосредственно в региональную политическую жизнь наиболее плотно включена как раз та небольшая часть представителей научного сообщества, которая работает «на заказ», фактически становясь частью существующей региональной политической системы. Однако это вовсе не означает, что она определяет характер политической субъектности всего научного сообщества, т.к. большинство его составляют преподаватели вузов, активно реализующие свой политический потенциал в процессе преподавания и проведения воспитательной работы со студентами.

Еще одним оригинальным и достаточно распространенным подходом к анализу политической жизни является постмодернизм. Его представители обосновывают своеобразное понимание «конца политики» и фактически проблему субъектности участников политической жизни подменяют проблемой ее соотнесения с объективно существующей реальностью. В результате абсолютизация гносеологического релятивизма приводит, например, И. В. Соловей, к парадоксальному выводу о том, что «в информационном обществе «трансполитика» существует в семиотическом пространстве знакового производства, которое располагается за пределами действительности политики, традиционно связанной с экономической и идеологической реальностями. Действительная политика представляется «эффектом» знакового производства, где она поглощается тем, что ее производит – средствами массовой информации, где она предъявляется в качестве реальности, произведенной масс-медиа. ... В данном случае подведение реальности «политического» к пределу, актуализируемому в положении о «конце политики», оборачивается «началом», возвращающим «политическое» к субъективному «истоку» [4, с. 49].

Такой подход не только максимально затрудняет восприятие политической реальности, но и фактически делает невозможным ее анализ, т.к. «возвращает» ее понимание к давно, казалось бы, ушедшему в прошлое средневековому схоластическому спору между «реалистами» и «номиналистами». Подведение под парадигму постмодернизма концепции информационного общества ничего не меняет, т.к. релятивистское понимание политической действительности приводит к тому, что она сводится к субъективированному восприятию того, что есть «в головах» у индивидов в результате «знакового производства» в информационном пространстве политики. Однако в этом случае, политика, понимаемая только как относительно познаваемая совокупность имиджей и разнообразных символических знаковых систем, оказывается полностью оторванной от тех материальных основ общественной жизни, по поводу которых, чаще всего, и ведется конкурентная борьба различных субъектов политики. Эти ценности вполне верифицируемы, т.к. измеряются баррелями, тоннами, километрами, кубическими метрами, рублями, долларами и т.д.

Поэтому, именно прагматическая, материальная основа политики позволяет найти опору для анализа среди химер «знакового производства» и релятивизма манипулятивных имиджевых технологий и выявить более или менее адекватно смысл конкретных политических действий конкретных субъектов политики. Особенно важно опираться на многомерное измерение региональной политической субъектности в контексте широкого понимания политики, с учетом конкретной федеративной формы российской государственности как специфической формы «организации воспроизводственного процесса» [1, с. 152].

В соответствии с таким многомерным и полипарадигмальным подходом проблема политической субъектности региональных социумов и

элит имеет множество измерений в различных системах координат. Общим для них является то, что понятие субъекта всегда предполагает наличие осознанного целеполагания, самоидентификации, воли и определенной автономности активных действий. Однако масштаб этой субъектности, ресурсное обеспечение, формы реализации, характер и пределы автономности, мотивация политического участия могут быть различны в зависимости от множества конкретных характеристик данных субъектов как предмета исследования, а также от социально-политических, социально-экономических, социокультурных особенностей региона в целом. Например, пространственно-политические характеристики региона задают систему координат для анализа всей совокупности действующих на его территории политических субъектов.

Например, понятие регион активно используется для анализа международных отношений и измерения политической субъектности различных мировых региональных объединений пределов суверенитета входящих в них соответствующих государств. Для нас эта тема особенно актуальна в силу подписанных в мае 2014 года документов по созданию Евразийского экономического союза.

Еще одна система координат определена проблематикой субъектности в рамках федеративных взаимоотношений по линии Центр-регионы: разграничение полномочий и ответственности, представительство интересов региона. Насколько важна эта тема, свидетельствует наглядный пример современной Украины и Крыма.

Однако наиболее распространенной является система координат, обусловленная проблематикой политической субъектности внутри региона, как территориально целостного политического, социально-экономического и социокультурного пространства, как субъекта Российской Федерации, имеющего свои собственные интересы в рамках единого государства. Конфигурация данной политической субъектности имеет множество измерений, часть которых во многом определяет степень демократичности данного региона. К ним относятся, прежде всего: уровень и характер политической конкуренции в регионе; конфигурация разделения властей на всех уровнях (взаимоотношения между законодательным органом, главой правительства и судебной властью: между губернатором и мэром, областью и городом, проблематика полномочий муниципалитетов и т.д.); субъектность политических партий и общественно-политических движений, характер функционирования институтов гражданского общества; степень социальной активности и вовлеченности населения в политику; характер и уровень политической культуры основных групп населения; степень сбалансированности представительства интересов бизнес-элит и основных социальных групп населения; формы гражданского контроля за властными структурами, политическая функциональность СМИ; уровень социальной ответственности основных субъектов политики; и многое другое.

Наконец, важнейшее значение имеет политическая субъектность индивида и социальных групп, которая, преимущественно, также реализуется на региональном уровне и имеет множество параметров. Это, прежде всего: проблема соотношения правового оформления политического статуса индивида и групп и их и реального воплощения на практике. Это проблема политической субъектности и представительства интересов в политике различных общностей, не имеющих четкой формализованной структуры: само понятие социума, регионального социума, различных этнических, конфессиональных, половозрастных, профессиональных, корпоративных общностей, сетевых сообществ, групп по интересам, трудовых коллективов, и иных общностей, отражающих сложную стратификацию современного российского общества.

Особенно значима и требует изучения проблематика появления сетевых сообществ, которые благодаря новым возможностям коммуникации в Интернет существенно расширяют свои политические ресурсы. Это касается не только разнообразных групп по интересам, но и традиционно локальных сообществ (например, землячества, мигрантские объединения, этнокультурные общества, криминальные группы, и др.). Важное значение имеет проблема соотношения политической субъектности неформализованных социальных групп и институтов гражданского общества, претендующих на представительство их интересов в политике. Другой важнейшей проблемой является соотношение гражданской и политической субъектности и функциональности тех институтов, для которых сфера политики является лишь одним из направлений деятельности. Соответственно это проблематика политического лидерства и различных моделей взаимоотношений лидера и его последователей. Важнейшей теоретической и прикладной проблемой являются субъект-объектные отношения в сфере политики, когда одни и те же общности или институты могут выступать одновременно и в качестве субъекта и объекта воздействия.

Не подлежит сомнению актуальность и социальная значимость изучения разнообразной проблематики механизмов реализации политической субъектности: механизмов рекрутирования элит, избирательных и партийных систем, механизмов принятия политических решений, механизмов разрешения социально-политических конфликтов, механизмов формирования общественного мнения, публичной повестки дня, механизмов взаимодействия между различными субъектами политики, и т.д. Важное значение имеет также проблема соотношения горизонтальных и вертикальных отношений в сфере политики, механизмов превращения неполитических общественно значимых проблем в политические проблемы.

Обозначенные аспекты многомерности изучения региональной политической субъектности позволяют учитывать и отражать не только сложную структуру российской политической системы, но и конкретные особенности политического устройства и функционирования отдельных российских регионов, обусловленных географическим положением,

этноконфессиональным составом, уровнем экономического и социального развития, социокультурными характеристиками, и многими другими факторами.

Список использованной литературы:

1. Бекбосынов М.Б. Политические проблемы субъектности регионов в структуре федеративных отношений в РФ // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2009. № 4. С. 152.
2. Зайцев Д.Г. Политическая субъектность аналитических сообществ: факторы среды // Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики / [редкол. : Н. Ю. Беляева (отв. ред.), Ш. Ш. Какабадзе, Д. Г. Зайцев]. — М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2012.
3. Парсонс Т. Система современных обществ/ Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998.
4. Соловей И. В. Философские смыслы поля политики. Монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». 2012.

Галкина Е.В.,

**д. п. н., профессор кафедры общей социологии и политологии
Северо-Кавказского федерального университета**

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ЮГЕ РОССИИ

Современное гражданское общество создается с помощью определенных форм самоконституирования и самомобилизации. Построение гражданского общества в современной России тесно связано с активной позицией граждан в управлении обществом, с гражданским участием и инициативами, исходящими от самих россиян.

Гражданское общество определяется нами как совокупность негосударственных институтов (общественные объединения и движения, некоммерческие организации, политические партии, фонды, ассоциации, СМИ, бизнес-ассоциации и т.д.), функционирующих на основе принципов добровольности, равноправия, реализации законных прав и свобод личности [1, с. 20-21]. Одним из главных институтов гражданского общества являются общественные объединения, которые являются добровольными, самоуправляемыми, некоммерческими формированиями, созданными по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения [2].

Независимые добровольные гражданские ассоциации являются основными контрагентами государства по представительству организованных гражданских интересов [3, с. 110-111]. Речь идет об инициативных, самодеятельных, самоуправляемых объединениях граждан,

единый интерес которых не связан с получением прибыли, с завоеванием власти, а направлен на совместное решение общих проблем, защиту коллективных интересов, которые никак не угрожают интересам других людей или групп.

Современное гражданское общество различных стран мира состоит из огромного числа самостоятельно действующих групп людей, имеющих различную направленность. Оно включает добровольные ассоциации граждан, творческие и корпоративные объединения, религиозные, общественные организации и союзы, которые отражают разнообразные социальные, групповые интересы. Эти организации и объединения имеют собственные механизмы саморегуляции и самоуправления, позволяющие им функционировать без вмешательства государства [4, с. 86-87].

В Российской Федерации общественные объединения могут создаваться в одной из следующих организационно-правовых форм: общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности, политическая партия. В Федеральном законе «Об общественных объединениях» (1995 г.) четко сформулировано, что «вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и вмешательство общественных объединений в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом. Государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов общественных объединений, оказывает поддержку их деятельности, законодательно регулирует предоставление им налоговых и иных льгот и преимуществ» [2].

В свою очередь, для осуществления своих уставных целей, общественное объединение имеет право свободно распространять информацию о своей деятельности, участвовать в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносить предложения в органы государственной власти и др. [2].

На наш взгляд, абсолютное большинство российских общественных объединений конструктивно настроены на решение конкретных практических вопросов в сфере своей деятельности, владеют дополнительной профессионально значимой информацией, не имеющейся у государственных организаций, объединяют квалифицированных специалистов в своей сфере, бескорыстно мотивированы на достижение общественного блага.

Государство в новых условиях, в свою очередь, несколько ограничено в своих возможностях. Оно вынуждено отказываться от некоторых своих прежних функций и претензий в пользу гражданского общества. Так, оно уступает часть политической инициативы экономическим субъектам и некоммерческим организациям. На современном этапе развития государства

необходимо направлять свои усилия на то, что связано с повышением человеческого потенциала [5, с. 98].

Важно отметить, что общественные организации, как правило, открыты для общения с государственной властью и заинтересованы в конструктивном сотрудничестве, поскольку множество вопросов, которые составляют цель их объединения, их уставные задачи в области образования, здравоохранения, трудоустройства матерей с больными детьми, организации рабочих мест для инвалидов, поиска жилья для беженцев, принятия экстренных природоохранных мер, невозможно без участия государства.

Поэтому, чрезвычайно необходимо, чтобы сложилась гибкая система взаимодействия государства и институтов гражданского общества, выражающих конкретные, значимые для общества в целом интересы через участие во всевозможных консультативных органах, комитетах, форумах, палатах, при подготовке как управленческих, так и нормативных решений и рекомендаций.

Большой значение и резонанс в обществе приобрела инициатива Президента РФ В.В. Путина по созданию Общественной палаты. Власть испытывает необходимость в том, чтобы социальные и экономические интересы общества были представлены на федеральном уровне. Так, Общественная палата призвана способствовать взаимодействию усилий гражданского общества и государственной власти, отладить механизм контроля за властью и т.д.

В феврале 2005 г. руководством страны было принято решение о создании Общественной палаты, финансируемой за счет средств федерального бюджета. С 1 июля 2005 г. соответствующий закон вступил в силу [6]. Задача Общественной палаты – существенно расширить спектр возможностей для участия граждан в управлении государством и осуществлении общественного контроля за деятельностью органов власти. Одними из главных целей Общественной палаты можно назвать выдвижение и поддержка гражданских инициатив, имеющих общероссийское значение и направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и общественных объединений; способствовать развитию толерантности (религиозной национальной и т.д.). В свою очередь, Общественная палата воспринимается гражданскими ассоциациями и союзами как орган, в котором они могли бы легитимно позиционироваться в высших эшелонах власти и по закону влиять на принятие государственных решений [7].

В регионах отрабатывались свои версии, кто и на каких основаниях будет входить в Общественную палату, призванную отстаивать народные интересы. 18 ноября 2005 г. окружная конференция Южного федерального округа избрала представителей в Общественную палату России. Форум представителей общественности ЮФО проходил в Ростове-на-Дону. Участники собрания приняли решение о выдвижении 13 кандидатов – по одному от каждого субъекта – в Общественную палату России [8].

Изначально представителями Южного федерального округа в Общественную палату при Президенте РФ от общественных организаций были избраны 6 человек: Шолохов М.М. (Ростовская область, «Всевеликое войско Донское»), Солтагереев Х.Г. (Совет профсоюзов Чеченской Республики), Машбаш И.Ш. (общественная организация «Союз писателей Адыгеей»), Алиева Ф.Г. (общественная организация «Женщины Дагестана»), Лебедева Л.Д. (общественное движение «Союз женщин Калмыкии») и Епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан [9].

В ряде регионов РФ инициативные группы выступили за создание Общественных палат соответствующих краев, областей и регионов. Так, Общественная палата Ставропольского края была создана в конце 2005 г. Создание этого органа дало возможность проведения палатой всесторонней общественной экспертизы принимаемых в крае законов, в том числе на стадии их подготовки.

В целом, Общественная палата РФ провела экспертизу законопроекта о некоммерческих организациях (НКО), внесла целый ряд поправок, направленных на либерализацию данного документа. Общественная палата настаивала, чтобы правоприменительная практика деятельности НКО должна быть под ее контролем. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Так, была создана специальная группа при Общественной палате, которая будет отслеживать нарушение при регистрации НКО, предлагать изменения в закон [10]. И Президент РФ, прежде чем подписать закон об НКО, прислушался к мнению общественности и внес в законопроект серьезные изменения.

20 июня 2012 г. был принят новый закон, регламентирующий деятельность иностранных некоммерческих организаций в России – «Закон об иностранных агентах» [11]. Согласно нему, «иностранными агентами» признаны российские НКО, получающие денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их госорганов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан. После внесенных Президентом РФ поправок, в частности, нормы закона не получили распространение на религиозные организации, государственные корпорации и госкомпании, созданные ими некоммерческие организации, а также государственные и муниципальные учреждения. Тем не менее, закон привёл к очередному ужесточению контроля властей по отношению к иностранным некоммерческим организациям. Теперь такие НКО будут чаще предоставлять финансовые документы и отчитываться перед Минюстом. За непредоставление требуемых сведений или их сокрытие вводится уголовная ответственность до трех лет заключения [12].

Обращаясь к полиэтничному региону, каким является Юг России, важно учитывать, что в нем добавляются сложности во взаимодействии власти с национально-культурными объединениями, казачьими структурами (достаточно разрозненными и слабыми в Ставропольском крае, по сравнению, например, с казачеством на Кубани и Ростовской области) и др.

Что касается казачества, то отметим, что его права не признаны государством как самобытного народа. Отсюда следует разрозненность, деление казаков на реестровых (входящих в государственный реестр) и общественных (в составе общественных организаций).

Реестровые казаки приступили к несению службы по охране правопорядка совместно с полицейскими сначала в Краснодарском крае, а затем с конца 2012 г. – в Ставропольском крае и т.д. Казаки не подменяют полицию, а помогают ей. Как отметил атаман Ставропольского казачьего войска Союза казаков России Д. Стригунов: «Казаки-«общественники» заинтересованы в том, чтобы их возможности были широко задействованы в интересах Ставрополя... Мы нацелены на конструктивное сотрудничество с властями всех уровней, с общественностью» [13].

Одни казаки обвиняют других в зависимости от государственной власти и несвободе в принятии решений. Вольность и свободный казачий дух свойственны природе казачества. Возникло противоречие, которое послужило поводом к расколу в их рядах, в том числе, в Терском и Донском казачьих войсках.

Трудности во взаимоотношениях власти и казачества состоят и в том, что казаки требуют от государства наделения их землей за службу, однако собственность в плодородных регионах Юга России уже повсеместно занята новыми собственниками (обрабатывающими эту землю или нет), делить и перераспределять её власть не желает, чтобы навлечь на себя новые проблемы. По этому поводу терские казаки написали письмо Президенту РФ В.В. Путину летом 2013 г., в котором подвергли критике полпреда в СКФО А. Хлопонина и попросили выделить 100 тыс. га сельхозугодий. Председатель комитета Государственной Думы по СНГ и связям с соотечественниками, член Президентского совета по делам казачества Л. Слуцкий назвал требования казаков «непомерными» [14]. Это пример того, что власть и общественные объединения не всегда находят компромисс, однако обе стороны настроены на диалог.

Представляется важным отметить, что общественные объединения граждан, рост их влияния и инициативы на Юге России создают дополнительные возможности влиять на принимаемые органами власти решения и разделять ответственность за реформы, осуществляемые в полиэтничном макрорегионе и в стране, в целом. Взаимодействие государственной власти и общественных объединений – это новая широкая демократическая площадка для откровенного диалога между гражданским обществом и государством.

Список использованной литературы:

1. *Галкина Е.В.* Гражданское общество в политическом пространстве современной России: Автореферат дис. ... доктора полит. наук. Краснодар, 2010. 65 с.
2. Об общественных объединениях. Федеральный закон Российской Федерации № 82–ФЗ от 14 апреля 1995 г. Ст. 5, 17.
3. *Беляева Н.Ю.* Гражданские ассоциации и государство // Социс. 1995. № 11. С. 110-111.
4. *Галкина Е.В., Косов Г.В., Паслер О.В.* Гражданское общество в современной России: модели, традиции, тенденции развития: Монография. / Под науч. ред. Г.В. Косова. Ставрополь: Ставролит, 2010. 288 с.
5. *Подберезкин А.И., Абакумов С.А.* Гражданское общество и будущее Российского государства: в поиске эффективного алгоритма развития. М., 2004.
6. Об Общественной Палате Российской Федерации. Федеральный закон Российской Федерации № 32–ФЗ от 4 апреля 2005 г.
7. Стенографический отчет о встрече с представителями консультативных органов при Президенте по вопросу формирования Общественной палаты 3 августа 2005 г. [Сайт]. URL: <http://www.president.kremlin.ru> (дата обращения: 04.08.2005).
8. Конференция Южного федерального округа избрала кандидатов в Общественную палату России [Сайт]. URL: <http://regnum.ru/news/546692.html> (дата обращения: 08.03.2014).
9. Члены Общественной палаты Российской Федерации от межрегиональных и региональных общественных объединений, избранные 23 декабря 2005 г. [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 08.03.2014).
10. Официальный сайт Общественной палаты. [Сайт]. URL: <http://www.oprf.ru> (дата обращения: 08.03.2014).
11. Федеральный закон РФ от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ.
12. *Галкина Е.В.* Новые политические реалии в развитии некоммерческих организаций в России // Вестник СКФУ. 2013. №2 (35). С. 131-132.
13. Губернатор встретился с казаками // Вечерний Ставрополь. 2013. № 160(5321). 5 сентября.
14. *Подосенов С.* Сильно размахнулись // Известия. – 2013. – 10 июня.

Головченко А.В.,

к. п. н., доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ИНВЕРСИИ ЛИБЕРАЛИЗМА В РАМКАХ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Трансформация многопартийности в России в 2012-2014 гг. привела к тому, что в определенном смысле фактически была воспроизведена фрагментированность партийно-идеологического пространства периода 90-х годов прошлого столетия. Уже в рамках электорального цикла осени 2012 года в предвыборных кампаниях различного уровня и масштаба приняли участие кандидаты от 21 новой партии [2]. Анализ программ

зарегистрированных партий и их предвыборных материалов позволяет говорить о том, что имела место определенная инверсия идеологии либерализма, которая нашла свое отражение и на организационном уровне.

Обозначившаяся на предыдущем этапе тенденция ослабления партий право-либерального сегмента в формально институциональном своем выражении была приостановлена. Были зарегистрированы партии, которые открыто или завуалировано заявляли о своей приверженности ценностям либерализма. Наиболее четко об этом заявила ВПП «Гражданская сила» [6], в отличие от партии «Правое дело», главным лозунгом которых стал тезис «капитализм для всех» [4], основанный на принципах демократии и рыночных механизмов. Однако данный сегмент «социального либерализма» давно занят представителями РОДП «Яблоко», которое по ряду заявленных социальных позиций, по сути, выступает конкурентом «Справедливой России».

К либеральным партиям в большей или меньшей степени, открыто или содержанием своих программ отнесли себя также «Гражданская платформа», «Гражданская позиция», «Гражданская инициатива», «РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ПАРТИЯ РОССИИ – ПАРТИЯ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ (РПР-ПАРНАС)», «Демократическая правовая Россия», «УМНАЯ РОССИЯ», «Против всех», «Партия Духовного Преображения России», «КОЛОКОЛ» [8].

Анализ материалов данных партий показывает, что все они апеллируют к востребованности либеральных ценностей в российском обществе и надеются получить поддержку российского среднего класса. Однако сама структура праволиберального сегмента свидетельствует о том, что уроки из опыта прошлых лет извлечены не были и лидеры либеральных партий продолжают достаточно жестко конкурировать на одном и том же политическом пространстве. Вольно, или невольно, но их стремление доказать избирателю, что только данная партия представляет собой «реальную» либеральную оппозицию существующему «авторитарному режиму» в современной России приводит к тому, что у избирателя укрепляется сомнение в способности российских либералов сформировать такую оппозицию.

Кроме того, простой анализ информационно-коммуникационной активности данных партий свидетельствует о том, что даже в региональном интернет пространстве она проявляется очень слабо. Например, на запрос в поисковике о лидере Саратовского регионального отделения ВПП «Гражданская сила» Р.Ю. Гаркуше отсутствует какая либо информация о его деятельности кроме того, что он обозначен региональным руководителем на официальном сайте партии.

То же самое можно сказать о лидере регионального отделения политической партии «Демократическая правовая Россия» Н.П. Царевой. Она известна в регионе своей адвокатской деятельностью, своим активным участием в общественной жизни в качестве руководителя Саратовского

представительства Общероссийского Общественного Движения за равноправное участие женщин в управлении обществом «Женщины во власть», в качестве члена Общественной палаты Саратовской области и Председателя комиссии по вопросам социальной сферы и контроля за реализацией социальных проектов Общественной палаты. Но о ее деятельности в качестве члена РОДП «Яблоко», а затем регионального лидера ДПР информации практически нет. Думается, это свидетельствует о том, что в своем стремлении сформировать работоспособные региональные отделения, партии стремятся опереться на инициативных граждан уже известных своей деятельностью в определенных сферах общественной жизни. Естественно, что их вовлечение в партийно-политическую деятельность всегда носит конкретный характер, но, как представляется, данная мотивация не всегда является существенной и партийное участие нередко носит номинальный характер.

Практически нет никакой информации в рунете о региональном отделении в Саратовской области партии «Умная Россия», что свидетельствует о том, что оно фактически бездействует и никак не заявляет о себе потенциальным сторонникам либеральных ценностей.

Партию РПП-ПАРНАС постоянно сопровождают внутренние скандалы как на общефедеральном, так и на региональном уровне. Например, в мае 2014 года разгорелся конфликт между руководителем Саратовского реготделения партии А. Лукьяновым и Д. Игнатьев, назначенным, «по его словам, федеральным политсоветом Республиканской партии России-ПАРНАС ответственным за перерегистрацию действующих членов регионального отделения» [5]. В свою очередь, А. Лукьянов назвал предстоящую процедуру перерегистрации членов партии «очередным рейдерским захватом», а Дмитрия Игнатьева – «фейковой личностью в саратовской политике». Кроме того, Лукьянов заверил, что у Игнатьева не может быть его заявления о выходе из партии [5]. Очевидно, что данный конфликт не добавил авторитета партии в Саратовской области.

Периодически предпринимаются попытки консолидации оппозиционных политических сил в рамках отдельных общественных инициатив, которые, по замыслу организаторов, должны продемонстрировать потенциальные ресурсы праволиберальных партий. Примером тому могут послужить проведенные лидерами либеральной оппозиции выборы в «Координационный Совет Оппозиции» в октябре 2012 года. Главной целью данной политической организации была продекларирована борьба за честные и «прозрачные» выборы, а также дальнейшее взаимодействие с гражданами в целях консолидации масс для оказания влияния на власть.

Участие в указанной «избирательной кампании» приняло около 100 000 человек (в основном представители аудитории ТК «Дождь»). Сама процедура голосования изначально сопровождалась технологическими проблемами и скандалами. Например, блогер В. Леванов зарегистрировался

на сайте под именем скандальной порнозвезды и успешно проголосовал от ее имени. Этот «эксперимент» показал, что верификация (подтверждение личности) избирателя на сайте КСО достаточно сомнительна и проголосовать может кто угодно и сколько угодно раз. Поэтому процедуры и результаты выборов были поставлены под сомнение[9]. Впоследствии информация о фактах фальсификации голосов на выборах КСО подтверждалась неоднократно [1], что еще раз продемонстрировало расхождение между главным тезисом праволибералов о борьбе «за честные выборы» и реальной практикой данного негосударственного политического органа. Граждане еще раз могли убедиться в несостоятельности и незначительности попыток либералов консолидировать свои силы в борьбе за власть. Тем самым, по сути, провалилась очередная попытка создать новый «виртуальный» механизм институционализации и легализации организационного объединения сторонников праволиберальной идеологии.

Это подтвердила и ситуация на выборах мэра Москвы, когда расчет на максимальную концентрацию либерального протестного электората в столице (потенциально имеющего максимальный ресурс в сравнении с другими регионами) не оправдался в той мере, чтобы представлять серьезную конкуренцию кандидату от «партии власти».

«Партия прогресса» [3], неформальным лидером которой является Алексей Навальный, основной акцент делает на изменении политической системы современной России и борьбе с коррупцией [7]. Однако председатель Саратовского реготделения "Партии прогресса" Э. Байрамов, по данным регионального УФССП, сам оказался замешан в скандале по неуплаченным страховым взносам. Согласно сведениям судебных приставов, он задолжал свыше 200 тыс. рублей[10].

Подводя итоги, можно констатировать, что партийное строительство на праволиберальном фланге в условиях плюрализации российской партийной системы последних лет характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, существенно возросло количество зарегистрированных партий либерального спектра, что привело к дальнейшей фрагментации данного сегмента политического пространства современной России. Соответственно возросла внутренняя конкуренция либеральных сил, претендующих на один и тот же электорат, что уменьшает шансы на успех новых партий и неизбежно ослабляет позиции «старых» партий данного спектра.

Во-вторых, на региональном уровне такая фрагментация нередко приводит к ситуации, когда отделения партий существуют лишь номинально, не имея реальных сил для работы с населением не только в виде прямых контактов и агитационных мероприятий, но даже для фиксации своего присутствия в информационном интернет пространстве.

В-третьих, потенциал праволиберальных партий существенно снизился в связи с особой позицией их лидеров, которую они заняли по вопросу возвращения Крыма в состав Российской Федерации и в связи с

трагическими событиями на Юго-Востоке Украины. В условиях обострения отношений России с США и их союзниками, апелляция к общеевропейским либеральным ценностям и моделям демократии, не находит широкой поддержки у российского населения, особенно на региональном уровне.

В-четвертых, попытки организационной консолидации либеральных сил в очередной раз не увенчались успехом, что еще более дискредитировало либерализм как политическое движение в современной России.

Однако обозначенные тенденции вовсе не означают окончательное поражение либеральных ценностей и принципов. Об этом свидетельствует тот факт, что многие из этих ценностей закреплены в программах и уставах ведущих политических партий, в том числе и «Единой России». Кроме того, победа Евгения Ройзмана на выборах мэра Екатеринбурга, а также прохождение либеральных кандидатов в ряд региональных законодательных собраний (в Калмыцкий народный Хурал и в Иркутское законодательное собрание), показали потенциальную возможность успешного участия отдельных представителей данных партий в политической жизни современной России. Для этого необходимы реальная консолидация либеральных политических сил, использование более широкого спектра методов политической борьбы, кроме тех, которые доминируют у них сегодня и нацелены преимущественно на разоблачение деятельности федеральных и региональных элит властной элиты, провокациях и организации митингов. Все это невозможно без создания хорошо структурированных региональных отделений, способных выдвинуть кандидатов не только по партийным спискам, но и по округам на выборах различного уровня.

Список использованной литературы:

1. Власть всерьез восприняла выборы в Координационный совет оппозиции // Газета Ведомости, октябрь 2012г. //URL Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/news/5226701/vzлом_vyborov#ixzz2PguSpYB4 (дата обращения 12.04.2014 г.)
2. Выборы по новым правилам: интриги и прогнозы электорального цикла 2012 года. Доклад Фонда развития гражданского общества // URL Режим доступа: <http://forumnov.com/index.php?showtopic=3466764&hl=> Дата обращения 16 октября 2012 г.
3. Итерфакс, Минюст России подтвердил регистрацию оппозиционной партии Навального // URL Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/361903> (дата обращения 1.04.2014г)
4. Капитализм для всех». Программа Всероссийской политической партии «ПРАВОЕ ДЕЛО» // URL: Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/node/2269> Дата обращения 25.08. 2013 г.
5. Перерегистрация членов регионального отделения РПР-ПАРНАС: комментарии Дмитрий Игнатьева и Алексея Лукьянова // URL: Режим доступа <http://nversia.ru/news/view/id/53465> Дата обращения 16 июля 2014 г.
6. ПРОГРАММА ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «ГРАЖДАНСКАЯ СИЛА» // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/node/2340> Дата обращения: 25.08. 2013 г.

7. Программа политической партии «Партии Прогресса» // Министерство Юстиции РФ // URL Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/node/6073> (дата просмотра 4.05.2014 г)
8. Список зарегистрированных политических партий // <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> Дата обращения 10. 09. 2013 г.
9. Стешин Д. Выборы в совет оппозиции завязли в «кознях врагов» // URL Режим доступа: <http://kaliningrad.kp.ru/daily/25970.5/2907376/> Дата обращения 27 июня 2014 г.
10. УФССП: лидер "партии Навального" задолжал свыше 200 тысяч рублей // URL Режим доступа: <http://www.vzsar.ru/news/2014/04/24/yfssp--lider-partii-navalnogo-zadoljal-svyshe-200-tysyach-ryblei.html> Дата обращения 16 июля 2014 г.

Данилов М.В.,
к. п. н, доцент кафедры политических наук юридического факультета ФГБОУ
ВПО «Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского»

ПОЛИТИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОТ КОНКУРЕНЦИИ К МОНОПОЛИИ?

Важнейшим направлением политизации общественных отношений является процесс аффилирования гражданского общества политическим структурам. Это может выражаться посредством придания деятельности гражданских организаций политического значения, наделения их качествами политической субъектности или в любых иных формах, которые «считываются» как имеющие отношение к политике.

Для чего политизируется гражданское общество? Так называемый «третий сектор» играет важную роль в вовлечении граждан к политической деятельности. Поддержка гражданскими ассоциациями каких-либо политических проектов придает последним видимость общесоциальной значимости, неконъюнктурности и беспристрастности. «Испорченная репутация» политики, представление о ней, как о «грязном деле», заставляет лидеров и партии искать опору во внеполитических сферах.

Попытки политизации гражданского общества и привлечения его в качестве одной из опор политических организаций предпринимались и в Советском Союзе, и в 1990-е годы. Стремление подкрепить легитимность власти «гражданским поясом» было характерно для советской эпохи. Разнообразные молодежные, женские, ветеранские, творческие, спортивные, профессиональные и прочие структуры, образуя «гражданскую» составляющую блока «коммунистов и беспартийных», по сути, обеспечивали вовлечение граждан в политическую деятельность. Поэтому вполне логичной выглядит линия аффилирования партиями различных НКО уже в 1990-е и 2000-е годы.

Существенными отличиями по сравнению с советским периодом являются, во-первых, конкурентность этого процесса, а во-вторых, изменение природы цикличности политизации неполитических структур. В

условиях постсоветской России цикличность политизации «третьего сектора», очевидно, связана с электоральными циклами. Именно выборы актуализируют привлечение ресурсов гражданского общества на службу борющимся за власть партиям и кандидатам. Однако реальная эффективность политизации «третьего сектора» в разные годы была различной. Достаточно сильно она отличается и в зависимости от того, кто инициирует политизацию.

Самый эффективный и масштабный проект политизации гражданского общества – Общероссийский народный фронт. Зачем был нужен ОНФ? Понимание причин создания Общероссийского народного фронта кроется в той общественно-политической ситуации, которая сложилась в России накануне парламентских выборов 2011 года. «Единая Россия» официально находилась в статусе правящей партии, начиная с 2003 года, то есть с момента выборов 2003 года в Государственную думу, а фактически, с 2001 года, когда произошло слияние движений «Единство» и «Отечество – вся Россия».

За эти годы был накоплен значительный негативный потенциал. Как и во всякой масштабной политической структуре, в партии, столь значительное время находящейся у власти не только в центре, но и в регионах, стали происходить отчетливо выраженные олигархические тенденции, связанные с внутренней борьбой за влияние. Все это отрицательным образом сказывалось на ее рейтинге. Подобное происходило и ранее, когда властные партийные проекты к моменту окончания срока легислатуры практически полностью утрачивали поддержку электората и требовалась их «перезагрузка», «ребрендинг».

Однако масштабность проекта «Единая Россия», его надполитический статус делали невозможным реализацию уже проверенного временем сценария перехода политической элиты из одной партии в другую. Требовалась политическая инновация. Таким нововведением стала идея создания для «Единой России» надполитической оболочки, состоящей из структур гражданского общества, которая могла быть ассоциирована в массовом сознании как новый политический институт. Такой оболочкой стал Общероссийский народный фронт. В результате, обеспечивая надполитичность «Единой России», ОНФ стал инструментом политизации гражданского общества.

Механизм реализации проекта «Общероссийского народного фронта» по политизации гражданского общества имел два аспекта. Первый – организационный, направленный на широкое привлечение разного рода НКО и трудовых коллективов в состав фронта, в том числе на основе коллективного членства. В качестве «награды» за членство в ОНФ предлагалась возможность участия в предварительных выборах (праймериз) для выдвижения кандидатов на депутатские мандаты. Второй аспект – идеологический, выразившийся в формировании так называемой «Народной программы».

Технология работы Общероссийского народного фронта по вовлечению групп интересов в политический процесс под патронатом партии «Единая Россия» строилась на максимально широком охвате гражданской аудитории. Так коллективными участниками ОНФ на всероссийском уровне стали почти 200 общественных организаций. Аналогичные процессы проходили и в регионах.

После придания ОНФ в июне 2013 года официального статуса в качестве Общероссийского общественного движения «Народный фронт за Россию» линия привлечения неполитических фигур в качестве заявленных лидеров была продолжена как на федеральном, так и на региональном уровне.

Основной технологией участия групп интересов в электоральном процессе под эгидой ОНФ стало предварительное голосование, так называемые праймериз. Процедура праймериз (предварительное голосование) была осуществлена ОНФ совместно с партией «Единая Россия» на выборах в Государственную Думу 2011 года.

Всего по стране было выдвинуто 4705 участников предварительного отбора кандидатов в депутаты. По Саратовской области – 67. Процедура в Саратовской области, как и во всех других регионах, была организована следующим образом: 22 «площадки», с равным числом выборщиков (по 150), на которых выступали со своим видением проблем и их решений участники праймериз. В данном случае нас в большей степени интересуют не столько технические детали организации данной процедуры, сколько ее смысл, который заключался в том, чтобы политизировать как можно более широкий круг общественных объединений. При этом их политизация должна быть не стихийной, органической, а строго управляемой, технологичной и проходить под контролем партийного («Единой России») руководства.

Таким образом, стратегия реализации организационного механизма политизации гражданского общества под эгидой Общероссийского народного фронта состояла в максимально широком привлечении участников во фронт. Организаторам и особенно исполнителям данной стратегии на местах казалось, что чем больше НКО и трудовых коллективов вступят в это объединение, тем больший электоральный эффект получит «Единая Россия» на выборах 4 декабря 2011 года.

Для того, чтобы придать механическим процедурам вступления в ОНФ смысл и реальное содержание, был инициирован проект создания так называемой «Народной программы», которая должна была аккумулировать предложения, идущие от гражданских структур. «Народная программа» стала воплощением идеологического механизма политизации гражданского общества в формате ОНФ. Содержание данной программы, которая легла в основу проекта предвыборной программы В.В. Путина на президентских выборах 2012 года, состоит из актуализированных неполитических тем. Лучше всего об этом свидетельствуют сами заголовки соответствующих разделов программы: Духовность и единство российского народа, Развитие человека – ключевая ценность, Будущее России – в ее регионах, Достойные зарплаты и пенсии, Семью – в центр государственной политики, Навести

порядок в ЖКХ, Наша новая школа, Здоровье человека – наш приоритет, Инвалидам – полноценную жизнь, Модернизация экономики, Приоритет – инновациям, Справедливая и эффективная налоговая политика, Наше новое село, Дороги развития.

Существовал в программе и почти политический раздел, который носил название «Эффективная власть под контролем народа». Однако, речь шла не о политической системе как таковой, не о совершенствовании механизмов властвования, не о базовых политических ценностях. Содержание данного раздела составляли два тезиса. Первый посвящен расширению доступа граждан к государственным услугам, предоставляемым в электронной форме, а второй – охране и поддержке законного предпринимательства. Таким образом, «Народная программа» стала квинтэссенцией политизации гражданского общества.

Таким образом, ОНФ стал мощнейшим фактором монополизации участия гражданского общества в политической жизни. Другим проявлением монополитистических тенденций в политизации гражданского общества стало кооптирование лояльных гражданских активистов в общественные палаты федерального и регионального уровня, а также включение в них своего рода «квазиобщественников», под которыми мы понимаем людей авторитетных в той или иной профессиональной области, но не являющихся представителями «третьего сектора», некоммерческих и неправительственных организаций в чистом виде.

Законодательство об общественных палатах в российских регионах в подавляющем большинстве случаев копирует федеральную модель, которая предполагает, что четверть членов палаты назначается губернатором, еще четверть – региональным законодательным собранием, которые в свою очередь избирают вторую половину. Такой способ формирования явно делает данный орган политически ангажированным. Принадлежность губернаторов к «Единой России», монопольное положение партии власти в региональных парламентах практически исключают возможность проникновения в палаты несогласованных кандидатов. Оппозиционно настроенные общественники включаются в них по своего рода «квоте», чтобы не утрачивалась видимость дискуссии¹. Происходит очевидная политизация общественных палат, а, следовательно, и наиболее заметной части гражданского общества.

Идея политизации гражданского общества посредством его вовлечения в электоральный процесс казалась на тот момент настолько продуктивной, что оппоненты «Единой России» пошли по этому же пути. В противовес Общероссийскому народному фронту коммунисты намеревались создать "народное ополчение". Обвинив партию власти в плагиате, лидер российских коммунистов Геннадий Зюганов, напомнил, что еще в 90-е годы по

¹ Ярким примером может служить ситуация в Саратовской области, где Председателем региональной Общественной палаты стал А.С. Ландо, бывший до этого одним из основных спикеров регионального отделения «Единой России» и депутатом от этой партии в Саратовской областной думе.

инициативе КПРФ был создан Фронт национального спасения, а затем Народно-патриотический союз России, в который, по его словам, входили "более 200 партий и общественных движений". Аналогичная тактика была применена «Справедливой Россией», которая создала вокруг себя достаточно широкий фронт организаций-сателлитов, каждая из которых была призвана работать в определенной электоральной нише и своими, на первый взгляд, неполитическими действиями (благотворительными, культурными, просветительскими и т.д.) привлекать избирателей на сторону партии. Вместе с тем, широкая полоса «гражданского» обеспечения политической деятельности была призвана создавать иллюзию массовой поддержки партии со стороны широких народных масс. Такая полоса «Справедливой России» в середине 2000-х годов насчитывала более двух десятков структур различного масштаба и разной направленности, например, движение «Хартия жизни», молодежное движение «Лига справедливости», Всероссийское общество инвалидов, движение «Лучик надежды», Российский зеленый крест, Российский земельный союз, движение «Чернобылец», «Интеллектуальная Россия», Российский союз молодых ученых, Российский союз за здоровое развитие детей, «Женский диалог», Союз женщин Военно-морского флота и др.

В отличие от масштабного проекта ОНФ, создание партиями такого рода связанных с ними структур можно назвать квазиполитизацией гражданского общества. Основанием для этого служит тот факт, что подавляющее большинство организаций не существуют и не существовали вне контекста партийной деятельности. Поэтому их правильнее было бы рассматривать как одну из партийных избирательных технологий.

Гораздо более интересно реакцией оппозиционных сил на политизацию значительной части гражданских структур стало возникновение в последние годы первого десятилетия XXI века феномена незарегистрированных партий. По сути, они представляют собой наиболее политизированную часть гражданского общества, которая в иных условиях функционировала бы как часть партийного спектра и была бы занята участием в выборах. В отсутствие легальных каналов участия в электоральном процессе они превратились в несистемную оппозицию, вызывавшую наибольшее раздражение у власти, и сосредоточились на протестных и несанкционированных акциях противостояния режиму.

На условном правом фланге: Республиканская партия России В.Рыжкова, Российский народно-демократический союз М.Касьянова, Объединенный гражданский фронт Г.Каспарова. На левом фланге: Российский коммунистический союз молодежи, ряд потерявших регистрацию коммунистических партий (РКРП, РКП), Авангард красной молодежи, Национал-большевистская партия Э.Лимонова. В результате внутренних процессов к 2011 году на правом фланге стала самой влиятельной из незарегистрированных Партия народной свободы (ПАРНАС), объединившая в своих рядах многих знаковых лидеров оппозиции

(М.Касьянов, Б.Немцов, В.Рыжков, С.Алексащенко), а на левом к лимоновской НБП добавился Левый фронт С.Удальцова.

Однако, события, последовавшие за парламентскими выборами 2011 года, привели к либерализации партийного законодательства и практически все перечисленные структуры получили официальный партийный статус, а вместе с ним и возможность участия в избирательном процессе. Тем самым, накал неконтролируемой политизации некоммерческого сектора был явно снижен и вновь взят властью под свой контроль.

Логика развития и перспективы политизации гражданского общества в России могут быть описаны в терминологии корпоративизма. Нарастание же корпоративистских тенденций имеет волнообразный, циклический характер. Начавшиеся с формальных договоров о сотрудничестве и взаимной поддержке между гражданскими ассоциациями и доминирующей партией «Единая Россия», отношения между «политическим» государством и «неполитическим» обществом продолжились строиться по классическому для государственного корпоративизма сценарию.

Это и особая роль Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), ее абсолютное доминирование над независимыми профсоюзными организациями, и создание «сверху» массовых молодежных движений («Наши», «Молодая гвардия», «Сталь», «Россия молодая», «Новые люди»), выполнявших одновременно функции мобилизации для превентивной реакции на возможную угрозу «оранжевой революции», демонстрации поддержки курсу президента, минимизации конкурирующей оппозиционной политизации молодежи. Апогеем же данного тренда стало создание Общероссийского народного фронта, при одновременном снижении входных барьеров для оппозиции в легальную партийную систему. После этого должна наступить стабилизация.

Таким образом, политизацию гражданского общества можно представить как столкновение двух начал социума: политического и неполитического. В реальной жизни в структуре гражданского общества отчетливо выделяются политические компоненты, к которым можно отнести общественные движения, ставящие перед собой цель политическими средствами добиться реализации определенной инициативы. Не менее четко могут быть обозначены и неполитические элементы гражданского общества, концентрирующиеся в своей деятельности на неполитических сферах, не преследующие политических целей, не оперирующих политическими средствами. Однако такая деполитизированность этих сегментов не является вечной и содержит в себе потенциальную возможность быстрой политизации как органического (естественного), так и технологического свойства. Политизация конкретных структур и институтов – явление технологического порядка, осуществляемое ради достижения политической цели, связанной с завоеванием власти либо достижением экономических результатов посредством политического инструментария. Именно этим можно объяснить достаточно тесную связь цикличности политизации гражданских структур и электоральными циклами.

Дыльнова З.М.,
д. с. н., профессор кафедры социологии регионов социологического факультета
ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского»
Семенова Ю.А.,
к. с. н., доцент кафедры социологии коммуникаций и управления
социологического факультета ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В современных условиях социально-экономического развития экономики нашей страны и ее регионов, в том числе и Саратовской области, важное место занимает развитие предпринимательской деятельности. Так как от эффективности производства, возможностей региональных предприятий производить конкурентную и доступную продукцию в решающей степени зависит уровень развития российской экономики и ее регионов.

Рассматривая предпринимательство как особый стиль хозяйственного поведения, в основе которого лежат поиск новых возможностей для развития бизнеса, ориентация на инновации, умение привлекать и использовать для собственного развития ресурсы из самых разнообразных источников, можно сказать, что именно развитие предпринимательства в регионе является основным фактором в достижении цели экономического и социального развития регионов. Очень важно проводить постоянный анализ и исследование предпринимательской деятельности в регионах, чтобы выявить проблемы, касающиеся развития предпринимательства, и чтобы своевременно применить меры по решению этих проблем, а также меры, направляющие развитие предпринимательства в нужном направлении в целях достижения наилучших результатов.

Предпринимательство и предпринимательская деятельность — это инициативная и самостоятельная деятельность граждан или их объединений, направленная на получение прибыли и личного дохода, осуществляемая на свой страх и риск и под свою имущественную ответственность в определенных пределах. Предприниматель может осуществлять любые виды хозяйственной деятельности, если они не запрещены законом, при этом государство обеспечивает ему правовые гарантии и поддержку. Предпринимательство, как одно из конкретных форм проявления общественных отношений, способствует не только повышению материального и духовного потенциала общества, не только создает благоприятную почву для практической реализации способностей и талантов каждого индивида, но и ведет к единению нации, сохранению ее национального духа и национальной гордости.

Если рассматривать предпринимательство в Саратовской области, то можно заметить, что оно имеет свои характерные черты и особенности.

Наравне с крупными федеральными компаниями и корпорациями в Саратовской области существует ряд региональных предприятий, которые характеризуют в большей мере хозяйственную и экономическую деятельность нашего региона. Эти предприятия добились больших успехов, упрочили свое место в предпринимательском бизнесе и являются успешными и перспективными, принося стабильный доход каждый год. Традиционно экономика нашего региона базируется на деятельности крупных предприятий, но в последние годы, можно сказать, стремительно развивается малое и среднее предпринимательство и его можно считать уже неотъемлемым и важным элементом экономики. В регионе развито производственное предпринимательство, особенно в таких отраслях как производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, химическое производство, агропромышленное производство, производство пищевых продуктов, производство транспортных средств, производство машин. Коммерческое предпринимательство представлено разными рынками, торговыми площадками, магазинами оптовой и розничной торговли. Большими темпами развивается консультативный бизнес, где процветает юридический консалтинг, налоговый консалтинг, оценочная деятельность, услуги в области финансового управления. Также ряд крупных предприятий, к которым относятся банки и страховые компании, занимаются финансовой деятельностью.

Согласно приложению к закону Саратовской области «Об утверждении Программы социально-экономического развития Саратовской области до 2015 года» основными проблемами предпринимательской активности по-прежнему являются барьеры для развития малого и среднего бизнеса: ограниченный доступ к инфраструктурным, земельно-имущественным и финансово-кредитным ресурсам; избыточная нагрузка со стороны надзорных, регулирующих и контролирующих органов.

Государственная политика в сфере развития предпринимательства будет осуществляться в соответствии с Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», Законом Саратовской области «О развитии малого и среднего предпринимательства в Саратовской области», государственной программой Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» и подпрограммой 3 «Развитие малого и среднего предпринимательства в Саратовской области» государственной программы Саратовской области «Развитие экономического потенциала и повышение инвестиционной привлекательности региона до 2020 года» при тесном взаимодействии органов исполнительной власти области, органов местного самоуправления муниципальных образований и объединений предпринимателей.

Приоритетные задачи данной программы следующие :

обеспечение благоприятных условий для развития предпринимательства на территории области;

повышение конкурентоспособности субъектов малого и среднего предпринимательства;

активизация инновационной и экспортной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства;

модернизация производственной базы субъектов малого и среднего предпринимательства;

активизация деятельности органов местного самоуправления области, направленной на развитие малого и среднего предпринимательства на территории муниципальных образований.

Пути реализации:

финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, направленная на модернизацию производственной базы, развитие экспортно ориентированного и инновационного предпринимательства;

финансовая поддержка потребительских и сельскохозяйственных потребительских кооперативов, предоставляющих займы субъектам микропредпринимательства и малого предпринимательства;

развитие инфраструктуры поддержки предпринимательства и увеличение объемов услуг, предоставляемых субъектам малого предпринимательства организациями инфраструктуры поддержки (Гарантийный фонд для субъектов малого предпринимательства Саратовской области, Фонд микрокредитования субъектов малого предпринимательства в Саратовской области, Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Саратовской области, Региональный фонд посевных инвестиций, бизнес-инкубаторы);

финансовая поддержка муниципальных программ развития малого и среднего предпринимательства, в том числе в монопрофильных муниципальных образованиях;

снижение административных ограничений для осуществления предпринимательской деятельности, а также ограничений при подключении к коммунальной инфраструктуре;

совершенствование законодательства, в том числе в сфере налогообложения;

поддержка начинающих субъектов малого предпринимательства, в том числе содействие созданию бизнеса на условиях аутсорсинга и использования франшизы;

поддержка молодежного предпринимательства;

содействие доведению объема услуг, оказываемых малым и средним бизнесом в социальной сфере, до 10 процентов от общего объема услуг в социальной сфере;

организация подготовки и переподготовки кадров для субъектов малого и среднего предпринимательства;

информационная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства;

формирование положительного имиджа предпринимателя Саратовской области.

Ответственный исполнитель - министерство экономического развития и инвестиционной политики области.

Индикаторы предпринимательской деятельности [1]

Показатели	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год
1	2	3	4	5
Количество малых (включая микропредприятия) и средних предприятий, тыс. ед.	26,8	28,3	29,8	31,4
Доля среднесписочной численности работников субъектов малого и среднего предпринимательства в среднесписочной численности работников всех предприятий и организаций области, в процентах	25,7	26,5	27,3	28,5
Объем инвестиций в основной капитал субъектов малого и среднего предпринимательства, млрд. рублей	4,6	5,2	5,8	6,5
Объем налоговых поступлений от субъектов малого и среднего предпринимательства области, применяющих специальные режимы налогообложения, млрд. рублей	3,6	4,2	4,8	5,5
Средняя заработная плата в субъектах малого предпринимательства, тыс. рублей	12,4	14,0	17,1	20,0

Предпринимательство — это процесс создания новых товаров, работ, обладающих ценностью для потребителей; процесс удовлетворения постоянно растущих потребностей; процесс, осуществляемый на основе постоянного комбинирования факторов производства, эффективного использования имеющихся ресурсов для достижения наилучших результатов.[2] Именно предпринимательство способствует развитию экономики в стране и ее регионах, а также росту уровня жизни населения в целом. В нашем регионе предпринимательство занимает не последнее место в структуре экономики. И с каждым годом в Саратовской области предприятий, реализующих собственную продукцию, становится все больше и больше, количество малых предприятий также увеличивается, а это хороший залог экономического процветания и социального благополучия. Крупные предприятия традиционных отраслей модернизируются, но вместе с тем появляются новые предприятия, которые производят инновационную продукцию. Предприятия осуществляют различные виды предпринимательской деятельности: производственную, коммерческую, финансовую, консультативную.

В итоге можно сделать вывод о том, что для преодоления препятствий и развития предпринимательства в Саратовской области нужно предпринять конкретные меры, которые должны включать:

создание стабильного хозяйственного законодательства;

образование государственно-общественных инвестиционных, страховых и информационных фондов для содействия предпринимателям;

построение региональной рыночной инфраструктуры (учебные, консультационные, сертификатные центры);

введение соответствующего налогового, валютно-ценового и антимонопольного регулирования;

активизация деятельности самих предпринимателей и др.

Однако, несмотря ни на что саратовские предприниматели постепенно завоевывают твердые позиции на межрегиональной арене, и наверняка через какой-то промежуток времени они будут лидировать, так как по своим качествам они не только не отстают, но и во многом опережают предпринимателей других регионов России.

Примечания:

www.srd.ru/ Программа социально-экономического развития Саратовской области до 2015 года (20.05.2014 г.)

Симонов Ю.Ф. Экономика предпринимательства: учеб. Пособие/ Ю.Ф. Симонов, Н.Н. Лебедева, А.А. Гусев и др.- Ростов н/Д: Феникс, 2008.- С. 88

Ефанова Е.В.,

к. п. н., доцент кафедры политологии

Волгоградского государственного университета

МОЛОДЁЖНЫЙ РАДИКАЛИЗМ В РФ: ЭФФЕКТ СОЦИОСТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНДИФФЕРЕНТИЗМА?

Молодёжный радикализм в РФ сформировался в условиях социальной трансформации российского общества, которая привела к диспропорциям, сужающим социально-мобильный потенциал молодёжи. Разнообразие рыночных социально-профессиональных ниш и нарастающая ограниченность рынка труда, территориальные разделения определяют социальное позиционирование молодёжи как группы с ограниченным социальным воспроизводством и с усилением тенденций социального отчуждения и изоляционизма, понижения интереса к межгенерационному диалогу, что стимулирует радикализацию молодёжной среды в отношении к общественным интересам и диалогу с другими социально-возрастными и социальными группами российского общества [7].

Изменение социально-политической ситуации в стране, в период социально-культурного и политического разлома 1990–2000-х годов, привело к критическому переосмыслению опыта предшествующих поколений и основаниям для формирования новых общественно-политических объединений с последующей их радикализацией. Радикальные настроения молодёжи в 1990-2000-е годы формировались, опираясь, в первую очередь, на представления о силе массы, отрицающей предшествующий опыт и традиции. В связи с тем, что долгое время самореализация молодёжи в общественно-политической сфере страны рассматривалась лишь в рамках деятельности официально разрешенной молодежной организации – ВЛКСМ, после её распада в молодёжной среде возникли объединения самого различного идеологического спектра [8, с. 30].

Вместе с тем, с учетом особенностей взаимоотношений молодёжных общественных объединений с органами государственной власти, О. Коряковцева отмечает, что в российском обществе наметилось две тенденции: «С одной стороны, это встраивание в политическую систему молодёжных общественных и политических организаций с потерей ими статуса выразителей интересов общества и подконтрольным государству положением (Российский союз молодёжи, «Наши», «Молодая гвардия»). С другой стороны, это исключение из процесса принятия и реализации политических решений тех молодёжных организаций, которые не интегрированы в политическую систему и осуществляют относительно независимую от власти деятельность (Авангард красной молодёжи, Национал-большевистская партия, «Оборона»). Данные организации молодёжи приобретают характер политических маргиналов, аутсайдеров, деятельность которых постепенно сходит на нет» [5, с. 27-29].

Сам процесс возникновения молодёжных объединений, ориентированных на участие в общественно-политической сфере далеко неоднозначен. Причин их появления множество: от стремления решить актуальную общественно-значимую проблему, иных контактов с более крупными политическими или государственными структурами до карьеристских устремлений, привносящих элементы сужения социально-ориентированного функционального поля, появления лидерских групп, ориентированных на личностное продвижение. То есть, речь идёт либо о желании молодёжного объединения громко заявить о себе, либо о совместном поиске эффективных и оригинальных путей решения той или иной общественно-значимой проблемы. То есть, к основным мотивам этого процесса следует отнести значимые политические события [8, с. 34].

Для 90-х годов XX века это были избирательные кампании различных уровней. Именно для поддержки определенных политических сил в период выборов создавались - «Революционный Коммунистический Союз Молодёжи (РКСМ (б))» (1996г.), «Молодежное Правозащитное Движение (МПД)» (1999г.), «Авангард Красной Молодёжи» (1999г.). В середине 2000-х

годов образованию движений «Наши», «Оборона», «Пора» предшествовала серия «цветных» революций в различных странах мира.

Молодёжными объединениями провозглашалась: «борьба против попыток построения в России авторитарного и тоталитарного государства» («Молодежное Яблоко»), «мобилизация молодёжи для борьбы за свои права» («Оборона»), «борьба с противоестественным союзом олигархов и либералов, стремящихся к отказу от суверенитета и независимости России» («Наши»), «борьба против посягательства власти на права человека, свободу слова» («Мы»). Их основополагающий метод борьбы – становится системой воспитания молодёжи. К тому же происходит насаждение идей, будто общество находится в периоде разрушения, в связи с чем требуется: «...проведение в России «кадровой революции» для прихода во власть нового поколения управленцев, поскольку управляющее страной с 1980-х поколение утратило веру в Россию и её перспективы» (из устава движения «Наши») и в окружении врагов: «Враг подступает к границам вплотную. Он вовне, он внутри. Чтобы дать отпор внешнему врагу, надо разделаться с внутренним. Внутренний враг – «сторонники США, глобалисты, спящие обыватели, конформисты всех мастей. Это резидентура внешнего врага...» (из Программы Евразийского Союза Молодёжи) [2]. Обозначенное составляет основной идеологический каркас всех современных молодёжных объединений в РФ, участвующих в общественно-политической сфере.

Необходимо отметить, что для российской молодёжи, членов и активистов молодёжных общественно-политических движений характерно противоречивое отношение к радикализму. С одной стороны, отсутствует готовность принять участие в радикальных акциях на личностном или групповом уровнях, то есть не сложился коллективный субъект радикализма. С другой стороны, присутствует равнодушие или позитивное отношение к проявлению молодёжного радикализма как справедливой и обоснованной реакции молодёжи на неудовлетворенность своим положением не только в сфере материального производства, но и в социально-политической жизни. Особенность молодёжного радикализма состоит в недоверии или озлобленности по отношению к государству (низкий авторитет государственных институтов) и стихийности или конфликтности отношений на уровне межличностного взаимодействия.

Радикальные идеи являются, своего рода, формой замещающей интеграции, так как механизмы и условия социально-профессиональной интеграции, социального включения молодёжи (образование, профессия, территориальная мобильность) в российском обществе снижены. И в этом смысле нужно отличать демонстративный радикализм как способ подчеркивания самостоятельности молодёжи и деятельностный, связанный с попытками не отчуждения существующей системы общественных отношений и ценностей, а их радикального разрушения или переустройства [7].

Молодёжный радикализм выступает как совокупный эффект социоструктурных изменений в российском обществе. Социоструктурные детерминанты молодёжного радикализма выражаются в социальных разрывах, в той степени социальных неравенств, которые воспринимаются молодёжью как несправедливые, как чуждые, как барьеры на пути социальной и политической активности молодёжи. Социоструктурные изменения повлияли на рост недоверия молодёжи к государственным и общественным институтам, в результате вырастает степень допустимости антиобщественных радикальных поступков и явлений. К радикализму способны не только бедная, обездоленная молодёжь, но и молодые люди со средним уровнем обеспеченности, с социальными и политическими амбициями, которым не соответствует коридор институциональных и структурных возможностей. Радикализация взглядов молодого поколения проявляется в отрицательной оценке постсоветского периода, который характеризуется бездуховностью (81,8 %), социальной несправедливостью (85,6 %), межнациональными конфликтами (84,8 %), бюрократией (65,2 %) [1, с. 143] – такое общество может быть подвергнуто разрушению.

В историческом сознании молодых россиян, во-первых, выключены барьеры молодёжному радикализму, не актуализировано представление о радикализме как тупиковом и требующим человеческих жертв пути достижения социальных целей; во-вторых, осмысление истории не приводит к осознанию преемственности с предшествующими этапами развития страны, желанием найти синтез традиции и современности, то есть молодёжный радикализм закрепляется на уровне исторического негативизма, вырастает из чувства исторической разорванности.

В историческом сознании молодые россияне черпают аргументы или для политического индифферентизма (государство всегда относилось плохо или использовало в качестве винтика своих граждан), или для радикализма (в России способом утверждения социальной справедливости может являться только борьба против власти). Радикализм находит резонансность в ценностном плюрализме, точнее, в ценностном нигилизме, в котором исторические события, которые играют, казалось бы, консолидирующую роль, лишены ценностного основания. Отношение молодёжи к праву как форме принудительного воздействия, внешнего контроля, расширяет границы восприятия радикализма, так как при инструментальном отношении к праву или правовом нигилизме нарушение правовых норм воспринимается возможным, если отсутствует неотвратимость наказания или право воспринимается исключительно как несправедливое. А так как определение социальной справедливости в молодёжной среде связано в немалой степени с негативной оценкой государства, возникает риск смыкания понятий справедливости и радикализма.

Поступки против государства и отдельных его представителей могут рассматриваться как справедливые. Это не означает, что все молодёжные общественно-политические организации склонны к радикализации. Другое

дело, что отношение к российскому государству, как не совсем правовому, высказанное практически половиной молодёжи, оставляет простор легитимации радикализма и отношение к радикальным настроениям как вполне обоснованным несправедливостью законов. Только 23,8 % молодых людей полагают, что сопротивление милиции, а это характерный эталонный момент в отношении радикализма, не может быть оправдано [1, с. 139]. Что же касается остальных, можно предположить, что для них допускается возможность сопротивления государственным правоохранительным структурам или уклонения от сотрудничества с ними. Для 11,1 % молодёжи радикализм мыслится как выход за пределы серых будней, как экстремальная форма самовыражения, как привлекательность ярких жизненных впечатлений, что создает дополнительный ресурс мобилизации в радикальные сети молодёжи.

Российская молодёжь достаточно практична, и её ценностные ориентации свидетельствуют об индивидуализме, но в этом есть риск расширения радикализма, поскольку доминирующие ценностные ориентации могут смениться радикализацией социальной активности, если молодые люди ощущают невозможность действовать легитимными способами.

По классификации М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги только 3,4 % молодёжи состоят в маргинальных радикальных молодежных организациях [1, с. 138], но большинство радикальных групп не зарегистрированы, являются мобильными, организованными по сетевому принципу, что может снижать уровень реальной оценки радикализма. С другой стороны, радикальные настроения и поступки могут совершаться в самоорганизованной или социально стихийной форме. Большинство молодых людей неотрефлексировано являются несознательными радикалами, готовы признать, одобрить или даже участвовать в радикальных действиях по логике ситуации.

Среди определенной части радикально настроенной современной молодёжи («сознательные радикалы») проявляются идеологические традиции русского радикализма, анархизма и «нечаевщины», переплетаясь с эмоциональными иррациональными установками и современной тематикой. Сознательная часть молодых радикалов, разделяющая радикальные мировоззренческие идеи, оторвана от большинства молодых россиян и заключена в узкие рамки, что не означает существование непроницаемой границы между радикальными течениями и настроением большинства молодёжи.

Основная причина высокого потенциала радикализма – наличие «молодёжи горячей, энергичной, совершенно без места в жизни, без видов на карьеру, без выхода. Кому не на что надеяться, тому нечего бояться. Кому не удастся жить, работая, тот думает о том, чтобы умереть с оружием в руках, тот несет непримиримую ненависть к обществу» [4, с. 38]. Поскольку в современной России значительная часть молодёжи находится «без видов на карьеру», то внутренний психологически-неосознаваемый потенциал

радикализма высок и под влиянием определенных внешних факторов может быстро перерасти в стихийный или осознанный радикализм не только мыслей, но и поведения.

В повседневной жизни радикализм молодёжи существует преимущественно в форме настроений, представляя собой систему взглядов и эмоциональных состояний экстремистской направленности. Разделяют взгляды радикальных «левых» организаций, выступающих за социальное равенство, против «богачей и эксплуататоров», 20 % молодёжи, в том числе высокий уровень экстремальности проявили 5,5 % респондентов [3, с. 44]. Действия власти, чиновников вызывают даже больше молодежного протеста (47 %), чем действия богачей, бизнесменов. Неудовлетворенность жизнью у части молодёжи вымещается в форме неприязни к иммигрантам, этнической вражды, правого радикализма (64 %).

Анализируя структурные и ценностно-деятельностные основания молодежного радикализма, отметим, что радикализм молодёжи выступает как форма социального самоопределения и активности молодёжи, как альтернатива повседневности и как способ достижения социальной справедливости в оппозиции государству и конкретным властным структурам, но следует учитывать, что радикализм выступает как деструктивная социальная энергия молодёжи, как реакция на рост социальных противоречий.

Молодёжный радикализм в российском социуме является состоянием молодежной среды, связанным с политической псевдосубъектностью, как следствием политического индифферентизма и недоверия к государственным и политическим институтам. 33,9 % молодёжи считают, что внутренняя политика государства не совпадает с интересами молодёжи. Если молодёжь не в состоянии иметь каналы легального влияния, то молодёжь должна стать либо самостоятельным субъектом политической деятельности, что может квалифицироваться только как радикализм по отношению к взрослым системным партиям и движениям, либо отстраниться от политики, уходя в приватное неполитизированное пространство.

Радикализм становится замещающим вариантом гражданско-политической активности молодёжи, способом политической презентации, который является также неэффективным, как и социальная пассивность, но может внести серьезные элементы политической дестабилизации. Для молодёжи радикальные идеи представляются привлекательными как идеал более или менее чистой политики [6, с. 277]. Действующие оппозиционные молодежные организации и движения, выступая как уличная протестная сила, пытаются вообразить себя либо лидерами будущих «оранжевых» революций, либо революционных путчей, что, несмотря на крайний популизм и «самоотверженность» её участников не приводит к мобилизации широких масс молодёжи, но может быть квалифицировано как внесистемный организационный радикализм.

Список использованной литературы:

1. Горшков М.К. Шереги Ф.Э. Молодёжь России: социологический портрет. М., 2010.
2. Евразийский союз молодёжи. Программа. URL: <http://www.rossia3.ru/programma.html> (дата обращения 12.05.2014)
3. Зубок Ю.А. Чупров В.И. Молодёжный экстремизм: сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5.
4. Кириллова Е.А. Очерки радикализма в России XIX в. (Философско-исторические концепции 40–60-х гг.). Новосибирск, 1991.
5. Коряковцева О.О. взаимоотношения органов государственной власти с молодежными общественно-политическими организациями // Власть. 2009. № 6.
6. Модернизация и политика в XXI веке. М., 2011.
7. Столяренко Е.В. Внесистемная молодежная оппозиция: тенденции радикализма // Теория и практика общественного развития. Серия. Социологические науки. 2012. №2.
8. Шуюкова Е.Н. Молодежные объединения России в общественно-политическом измерении // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2.

Казаков А.А.,

**к. п. н. доцент кафедры политических наук юридического факультета ФГБОУ ВПО
«Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»**

Савинов А.В.,

**студент 321 гр. направления «Политология» юридического факультета ФГБОУ
ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»**

Шестов Б.Н.,

**студент 521 гр. специальности «Радиофизика и электроника» факультета
нелинейных процессов ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского»**

МАТЕРИАЛЫ СМИ ОБ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ В РЕГИОНАХ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА

Региональные электоральные процессы традиционно привлекают к себе большое внимание прессы. Каждое серьезное издание так или иначе стремится как можно полнее отразить то, что происходит накануне, в ходе и после дня голосования, а также то, каким образом в это насыщенное событиями время трансформируется политическая субъектность региональных социумов и элит. По большому счету, мы полагаем, что в период избирательных кампаний определенные изменения претерпевает и характер субъектности самих масс-медиа. Ведь именно в это время они порой на самом деле становятся «четвертой властью»: за доступ к ним конкурируют непосредственные участники выборного процесса, повышенный интерес к материалам прессы проявляют избиратели.

Столь весомая роль СМИ, приобретаемая ими в ходе выборов, нередко вполне закономерно становится предметом научного анализа. Специализирующиеся в сфере политической коммуникативистики ученые пытаются исследовать самые различные аспекты освещения электоральной

тематики журналистами. Однако при этом, на наш взгляд, зачастую возникают, как минимум, две проблемы: отсутствие четко определенного, теоретически обоснованного методологического инструментария и субъективизм трактовок и оценок. Изучая тексты масс-медиа, ученый, как правило, самостоятельно решает, какой характер имеет то или иное высказывание, какова главная мысль или тема статьи, коннотация упоминания конкретного политика и т.д. При этом собственное мнение на этот счет будто по умолчанию воспринимается ученым как абсолютно объективное, непредвзятое и правильное, что, разумеется, не всегда так.

В результате имеем множество фрагментированных трудов, выполненных в соответствии с абсолютно различными, «авторскими» подходами и опирающихся на во многом субъективные интерпретации данных. Следовательно, отсутствует возможность сравнивать результаты схожих исследований, сопоставлять использовавшиеся алгоритмы, выявлять наиболее эффективные из них и, в конечном итоге, – развивать методологический аппарат отечественной коммуникативистики.

Устранить часть из этих проблем, на наш взгляд, способна достаточно распространенная в США функциональная теория анализа сообщений масс-медиа, автором которой является профессор университета Огайо В. Бенойт [1, 2]. В данной статье мы постараемся раскрыть ее содержание, показать возможности, которые она предоставляет, и обозначить возникающие при ее использовании ограничения.

В общем и целом, суть данной теории состоит в следующем. Прежде чем анализировать материалы масс-медиа о выборах (в том числе – и региональных), каждую попавшую в выборку статью необходимо разделить на ряд тезисов (themes) – частей текста, содержащих изложение одной, более или менее независимой от других идеи². Затем каждый из выделенных тезисов должен быть оценен, или «закодирован», по трем параметрам.

1. Тема (topic) тезиса. В соответствии с функциональной теорией В. Бенойта, все многообразие тем условно может быть разделено на шесть видов:

- а) политические инициативы, идеи и предложения кандидатов (policy);
- б) личные качества кандидатов на пост главы государства» (character);
- в) реакция избирателей на те или иные события (voter's reaction);
- г) скандалы вокруг и в ходе выборов (scandals);
- д) информация о ходе избирательной кампании: деятельность ЦИКа, формирование корпуса доверенных лиц и наблюдателей и т.д. (election information);
- е) «предвыборная гонка» (horse race). Данная тема, в свою очередь, может быть разделена на 4 подблока³:

² Как правило, по объему это один абзац или – в случае, если в нем содержатся сразу несколько автономных идей, – меньше.

³ На самом деле, в своем оригинальном варианте функциональная теория В. Бенойта предполагает наличие не четырех, а восьми подблоков в рамках «предвыборной гонки»: помимо четырех уже упомянутых, это «сбор средств на кампанию» (fundraising),

- «предвыборная гонка – стратегии»: анализ планов и замыслов кандидатов по ведению предвыборной кампании (horse race – strategy);
- «предвыборная гонка – события»: освещение мероприятий с участием нескольких кандидатов (horse race – events);
- «предвыборная гонка – опросы общественного мнения» (horse race – polls);
- «предвыборная гонка – прогнозы результатов выборов»: рассуждения о вероятном исходе голосования (horse race – predictions).

2. Источник (source) тезиса. Предполагается, что источником (т.е. автором) конкретного тезиса может быть либо журналист (reporter), либо кандидат (candidate), либо его сторонник (supporter), либо кто-то другой (other).

3. Тон (tone) тезиса. Согласно функциональной теории В. Бенойта, тон высказывания может быть позитивным (acclaims / positive statements), негативным (attacks / negative statements) или «оборонительным» (defenses / refutations of attacks). Учитывая то обстоятельство, что в статьях российской региональной прессы последний вид практически не встречается, мы считаем возможным заменить «оборонительный» тон на нейтральный.

Важной составной частью методологии В. Бенойта является использование процедуры независимого кодирования статей. Она предполагает создание коллектива кодировщиков и разработку специального кодировочного бланка, в котором должно быть четко прописано, что понимается под каждой из разновидностей темы, источника и тона тезиса. Кроме того, в бланке должна содержаться таблица, которую необходимо заполнить каждому кодировщику. Перед тем, как каждый из участников процедуры проанализирует попавшие в выборку статьи, для отработки механизма кодировки и выявления потенциальных проблем рекомендуется провести тестовое исследование. И только после устранения неминуемо возникающих при этом проблем можно переходить непосредственно к работе с основными статьями.

Нужно отметить, что, согласно функциональной теории В. Бенойта, выводы, получаемые «кодировщиками» текстов, тем надежнее, чем больше степень совпадения между их оценками. Для расчета этого параметра можно использовать каппу Флейса⁴. Если между кодировщиками полное согласие,

«финансовые траты кандидатов» (spending), «определение избирателей со своим выбором» (vote choice) и «публичная поддержка» (endorsements). Однако, так как в статьях российских изданий подобные сюжеты практически не встречаются, считаем возможным не брать их в расчет.

⁴ Эта статистическая величина показывает уровень согласия с учетом возможного случайного согласия. В качестве входных данных задается таблица с необходимым количеством тезисов (themes) и категорий, присваиваемых этим темам. В итоге мы получаем, насколько наблюдаемый уровень согласия превышает уровень, если бы все кодировщики обозначали все темы абсолютно случайным образом. Формула для

то $\kappa=1$, если нет согласия кроме того, которое может быть достигнуто случайно, то $\kappa \leq 0$. Надо признать, что на сегодняшний день единой трактовки показателей κ нет. Дж. Ландис и Г. Кох, например, предложили следующую таблицу интерпретации значений κ [3, с. 162-163]:

<0	Плохое согласие
0.01 – 0.20	Слабое согласие
0.21 – 0.40	Удовлетворительное согласие
0.41 – 0.60	Среднее согласие
0.61 – 0.80	Значительное согласие
0.81 – 1.00	Почти полное согласие

Существуют также и другие варианты интерпретации κ Флейса, но все они сходятся в том, что значения выше 0.6 являются достаточно надежным уровнем согласия.

Оценивая общий исследовательский потенциал функциональной теории В. Бенойта, мы склонны полагать, что, как и у практически любой другой методологической конструкции, у нее есть свои достоинства и недостатки.

Ее сильной стороной, вне всяких сомнений, можно считать возможность получения более объективных результатов. Использование механизма независимого кодирования элементов текстов позволяет значительно снизить влияние личностных предпочтений и установок ученого. При этом, представляется, что чем больше кодировщиков работают с текстом, тем более надежными получаются результаты. При условии, разумеется, что все кодировщики одинаково понимают условия оценки анализируемого материала.

Также функциональная теория анализа медиа-текстов дает возможность вычленения единых показателей (темы, источника и тона тезисов) и тем самым – выработки общего алгоритма исследования. Как следствие, появляется возможность проведения «типовых» научных изысканий различными коллективами авторов, сравнения получаемых ими результатов и – в перспективе – совершенствования самой теории.

Более того, иногда методологический подход В. Бенойта позволяет определить общую «политическую направленность» конкретного СМК – выявить политиков, которым издание симпатизирует или, напротив, склонно критиковать, вычленить особенности формируемой журналистами информационной повестки дня, сделать выводы относительно предпочитаемого ими способа изложения материала и используемого подстиля языка масс-медиа.

вычисления каппы выглядит следующим образом $\kappa = \frac{\bar{P}_a - \bar{P}_e}{1 - \bar{P}_e}$. $1 - \bar{P}_e$ показывает степень

согласия, достижимую над случайным. А $\bar{P}_a - \bar{P}_e$ показывает реально достигнутую степень согласия над случайным уровнем.

Однако, несмотря на все это, абсолютизировать данную теорию тоже нельзя. Прежде всего, она чрезвычайно трудоемка. Как уже отмечалось, для получения объективных выводов необходимо задействовать нескольких (минимум – троих) независимых кодировщиков. Предварительно с ними нужно провести подготовительную работу и осуществить пробное исследование. В дальнейшем для определения степени совпадений их оценок требуется использование математических расчетов коэффициентов совпадений (например, каппы Флейса).

К тому же, на наш взгляд, использование функциональной теории особенно оправданно в том случае, если анализу подвергаются либо несколько источников (тогда появляется возможность их сравнения между собой), либо одно издание, но в динамике – для выявления тенденций и фиксации закономерностей. Однако все это делает проведение исследования по данной методике еще более энерго- и ресурсно-затратным.

Важно понимать также, что, учитывая специфику российской политики, иногда придется корректировать отдельные компоненты теории В. Бенойта. Например, отказываться от тех «тем», которые практически не встречаются в отечественных электоральных кампаниях регионального уровня (или, по крайней мере, не находят своего отражения в прессе) и вводить корректировки, которые позволили бы выявить зачастую присущие местным изданиям «склонность» или симпатию к тому или иному политику. Словом, в чем-то эту теорию приходится подстраивать под условия, отличные от тех, для анализа которых она изначально предназначалась.

Вместе с тем, в целом, несмотря на определенные ограничения и издержки, мы убеждены в том, что функциональная теория анализа материалов масс-медиа может быть весьма эффективным механизмом получения нового знания о политике. Полагаем, что ее применение позволило бы по-новому взглянуть в том числе и на динамику, проблемы и перспективы политической субъектности региональных социумов, элит и средств массовой коммуникации.

Список использованной литературы:

1. *Benoit W., Hemmer K., Stein K.* New York Times' Coverage of American Presidential Primary Campaigns, 1952-2004 // *Human Communication. A Publication of the Pacific and Asian Communication Association.* Vol. 13, No. 4. 2010. Pp.259 – 280;
2. *Benoit W., Stein K., Hansen G.* New York Times Coverage of Presidential Campaigns // *Journalism and Mass Communication Quarterly.* Vol. 82, No. 2. Summer 2005. Pp. 356-376.
3. *Landis J., Koch G.* The measurement of observer agreement for categorical data in *Biometrics.* Vol. 33. 1977. Pp. 159–174.

Карипов Б.Н.,
к. и. н., доцент кафедры философии Кокшетауского государственного
университета имени Ш. Ш. Уалиханова, Республика Казахстан

ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАВНОВЕСИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ МЕЖДУ ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Русские политические мыслители и ученые второй половины XIX – начала XX века внесли значительный вклад в разработку идеи гражданского общества. В работах крупнейших представителей либерального направления впервые было сформулировано требование гражданских прав и свобод, их автономного существования по отношению к обществу и государству. Сфера гражданской жизни людей выделялась в качестве предмета изучения, наряду с государством и его институтами. Российские ученые предложили рассматривать понятие «гражданское общество» в двух значениях: широком и узком. В широком смысле оно характеризовало конкретно-историческое состояние общества, в узком – выражало существенную сторону или сферу общественной жизни. Правоведение рассматривало гражданское общество как субъект гражданского права и как сферу правового регулирования, а зарождающаяся политическая наука – как целостный феномен социальной жизни в отношении к ее политическим структурам и, прежде всего к государству.

Оригинальность собственных позиций неолиберализма была связана с разработкой идеи взаимных прав и обязанностей между человеком и государством. Если старый, классический либерализм настаивал на невмешательстве государства в дела гражданского общества, хозяйственную деятельность, то «новый» либерализм утверждал «правопритязание» каждого по отношению к государству и соответственно государства по отношению к своим гражданам. Так, каждое лицо имеет право требовать от государства известного минимума социальных благ: получение образования, вспомоществование в случае старости, болезни, массовой безработицы и пр. В свою очередь «государство обязано не только не вмешиваться в частную жизнь граждан, но и помогать им положительным образом в ряде определенных случаев».[2, с. 271]

Как следствие переосмысления понятий свободы, равенства и собственности вытекал тезис о необходимости расширения сферы деятельности государства. Представители неолиберализма подчеркивали, что обеспечение права на достойное существование, борьба с монополизмом требуют от государства решительных действий по отношению к тем, кто нарушил эти фундаментальные права человека. В решении таких задач государство могло рассчитывать не только на собственные силы, но и на поддержку народа. С этим расчетом связано и новое отношение к демократам. В отличие от предшествующего либерализма, который сводил демократию к чисто формальному принципу представительства, полагая, что

таким образом и может быть выражена воля народа, «новый» либерализм весьма скептически относился к понятиям «всеобщая воля» или «воля большинства», видя в них фикции, используемые в игре разных политических сил.

Позитивное право и гражданское право, основанные на принципах естественного права, относились к двум важнейшим сферам правового регулирования – государству и гражданскому обществу. Гражданское право как одна из самых древних форм права регулировало отношения между людьми как членами гражданского общества. Понятие «гражданское общество» впервые возникло как обозначение сферы приложения гражданского права. Гражданское право зафиксировало существенные признаки и конкретный состав гражданского общества. Поскольку право относится, прежде всего, к сфере внешней свободы людей, то последняя выступает в качестве необходимого атрибута гражданского общества. Таким образом, сторонники классического естественного права рассматривали свободу как смысл существования общества.

Представители «возрожденного» естественного права расходились с мыслителями традиционной школы естественного права как раз в понимании гражданского общества. В частности, для П. И. Новгородцева гражданское общество являлось не только идеалом, который выражал свободу и разнообразие частной жизни, но и исторической формой сотрудничества, основанной на совместной деятельности и взаимных интересах людей, формой, утверждающей возможность достойного человеческого существования.[7, с. 322] В этом его позицию разделяли другие сторонники «новой» школы.[1, с. 42; 4, с. 328 - 330] Историческое развитие гражданского общества и его институтов сопровождается, с их точки зрения, сменой принципов естественного права.

С. Л. Франк рассматривал гражданское общество в качестве самостоятельного объекта социально-философского анализа. Характеризуя организацию общественной жизни, он приходил к принципиальному выводу о ее расчлененности на два взаимосвязанных и противоположных начала (дуальности). С одной стороны, общество образуется под воздействием планомерности, выраженной в принудительной организации осуществления идеи; с другой стороны, оно выражает себя в спонтанности, означающей стихийное, произвольное взаимодействие отдельных индивидов и частей общества. Следовательно, общество создается как сознательно – планомерно и организовано, так и складывается стихийно, вырастает «само собой» из реального процесса жизни. Соответственно «эти два необходимых и относительных начала общественного бытия» – сознательность и стихийность – «получают конкретное выражение в двух формах общественной жизни: в государстве и гражданском обществе».[8, с. 36]

В своей концепции гражданского общества С. Л. Франк пытался преодолеть как методологический индивидуализм, свойственный индивидуалистическим концепциям, так и телеологизм, характерный для

социалистических учений. Он определял сущность гражданского общества с позиций своеобразного функционального подхода, рассматривая «индивидуалистический момент в структуре общества, – согласно которому общество должно являться расчлененным на ряд отдельных, не зависимых друг от друга, частных центров активных сил» не как «цель общественной жизни», а исключительно как необходимую *функцию* единства как «сверхиндивидуальной цели общества».[8, с. 142] Существенными чертами гражданского общества являлись, с точки зрения философа, свобода личности и сотрудничество между людьми.

Свободу личности С. Л. Франк понимал не как прирожденное первичное право, вытекающее из естественных состояний общества, но как общественную обязанность, имеющую функциональную ценность. Не субъективное право личности вообще, а интересы служения обществу составляли для него содержание личной свободы и предопределяли ее функциональное назначение. В свою очередь независимость членов общества, их самостоятельность представляла собой необходимую форму взаимной связи, общественного единства. Индивиды связывались между собой посредством свободного соглашения частных волей. Гражданское общество как сфера реализации личной свободы являлась одновременно «системой свободного взаимодействия и соглашения частных волей». Соответственно свобода личности предполагала столь же свободное взаимодействие между членами гражданского общества. Многое в этом взаимодействии зависело от отношений между гражданами и властью.

Большинство либеральных российских мыслителей являлись сторонниками концепции равновесия и взаимодополнения в отношениях между гражданским обществом и государством, что позволяло сдерживать произвол последнего. По мнению Б. Н. Чичерина, общество как единое целое проявляло себя в деятельности общественных союзов. Государству как одному из этих союзов принадлежала верховная власть в обществе. Однако государственными формами не исчерпывалось всё многообразие общественной жизни; «в пределах единства» всегда имелось необходимое «место для отдельных лиц и для частных союзов; и те, и другие требуют свободы и самостоятельности».[9, с. 214] Нарушение же такой самостоятельности со стороны государства и его органов вело к деспотизму. Следовательно, именно свобода являлась необходимым условием сосуществования гражданского общества и государства. Она предполагала одновременное развитие той и другой институциональных парадигм в принадлежащих им сферах деятельности.

Государству, выступающему в качестве субъекта законодательной деятельности, не следовало злоупотреблять своим исключительным положением. Напротив, устанавливая нормы и принимая законы, оно было обязано руководствоваться началами, лежащими в основе частных союзов и институтов гражданского общества. Государству принадлежала охранительная функция, назначение которой состояло в закреплении и

защите гражданско-правовых институтов, в том числе институтов частной собственности, семьи, наследственности, обязательств и т. д. Б. Н. Чичерин являлся одним из первых русских мыслителей, искавших обоснование принципа органичности отношений государства и гражданского общества, суть которого сводилась к *примирению* «начала свободы с началом власти и закона».[10, с. 122] Такое понимание роли государства позволило исследователям общественно-политических, теоретических взглядов Чичерина Б. Н. впоследствии утверждать, что именно этому мыслителю принадлежала определяющая роль в создании концепции т. н. «охранительного», консервативного, либерализма.[3, 392 с.; 5, 374 с.]

Таким образом, потребности личности удовлетворялись как в государстве, так и в гражданском обществе. Последнее, с традиционной для либералов точки зрения, представляло собой союз, репрезентирующий «интересы всей совокупности граждан не только в области защиты внешней и внутренней, составляющей по преимуществу функцию государства, но и в области взаимного пользования услугами граждан». Государство, продуцируя и охраняя права отдельных граждан, делало «это не на основании отвлеченных построений, выводимых из разума», но принимало «во внимание потребности и уровень культуры всей совокупности граждан».[6, с. 186] Иными словами, в гражданском общественном союзе закреплялся и утверждался социально-политический и правовой статус личности. Тем самым государству навязывались и важные для его эффективного функционирования ограничительные стандарты. К внутренним механизмам ограничения государственного произвола российские либеральные мыслители относили связанность государства правом – конституцией как средством формального ограничения пределов деятельности государства; установленными в конституции и других законах формами деятельности государственной власти; пределами, устанавливаемыми явлениями социально-психологической жизни; ограничениями, налагаемыми правовыми свободами.

Список использованной литературы:

1. *Гессен В. М.* Возрождение естественного права. - СПб.: Изд-во: «Типография Санкт-Петербургского Общества Е. Евдокимова», - 1902, - 43с.
2. *Гессен С. И.* Проблемы правового социализма (Эволюция либерализма). // Современные записки. Т. 22. - Париж, - 1924. - С.257–293.
3. *Голиков А. К.* Личность и государство в русской социально-философской и политической мысли (XIX – начало XX века): Диссертация д-ра филос. наук. - СПб., - 2006. - 392с.
4. *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. - СПб.: Изд-во: «Русский христианский гуманитарный институт», - 1999, - 800с.
5. *Китаев В. А.* Либеральная мысль в России (1860 – 1880 гг.). - Саратов: Изд-во: «Саратовского государственного университета», - 2004. - 374с.
6. *Нечаев В. М.* Гражданское право и гражданское правописание. // Введение в изучение социальных наук. Сборник статей: 9-е бесплатное приложение к журналу

«Вестник и библиотека самообразования» на 1903 г./ Под ред. проф. Н. И. Кареева. - СПб.: Изд-во: «Брокгауз - Ефрон», - 1903. - 233с.

7. *Новгородцев П. И.* Право на достойное человеческое существование. // П. И. Новгородцев. Сочинение. - М.: Изд-во: «Раритет», - 1995. - 448с.

8. *Франк С. Л.* Духовные основы общества. - М.: Изд-во: «Республика», - 1992. - 510с.

9. *Чичерин Б. Н.* Собственность и государство. В 2-х ч. Ч. 1. - М.: Типо-литография Товарищества «И. Н. Кушнерев и Ко», - 1882. - 267с.

10. *Чичерин Б. Н.* Различные виды либерализма. // Общественные науки и современность. - 1993. - №3. - С.116–123.

Ковалёв В.А.,

**д. п. н., профессор кафедры политологии и международных отношений
ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет»**

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ныне довольно затруднительно говорить о политической субъектности в РФ на региональном уровне. Разумеется, масса людей в субъектах федерации вовлечена в политику: делает карьеру, выступает с заявлениями, баллотируется на выборах, подсиживает конкурентов, интригует и пр., но сколь либо существенным образом повлиять на проводимый в стране политический курс и изменить формальные и неформальные правила игры они не могут. Российские «акторы» из «политической регионалистики» - это, скорее, воспоминания о 1990-х годов, то есть о периоде, когда губернаторы, региональные движения и отделения партий порой представляли из себя реальную политическую силу. Например, многие в тогдашнем составе Совета Федерации выступали против самого президента Ельцина. Сейчас вряд ли можно себе представить даже тень подобной критики. Российская политика формируется в Кремле (или в околоскремлевских структурах) и «спускается вниз», в регионы, которые являются здесь не субъектом, а объектом. Губернаторы и мэры очень редко выступают в политическом качестве, скорее им приходится изображать политику, а занимаются они, (легально) в основном, бюрократическим администрированием.

Поэтому в текущий период мы бы предпочли говорить не о самостоятельном региональном политическом процессе, а о региональных аспектах политического процесса в РФ, и, конечно, о фактах и факторах, которые характеризуют нынешнее состояние.

Положение таково, что несмотря на принятые в последние годы решения реальная политическая конкуренция и реальная политическая субъектность не возвратились на региональный уровень. Не реальная конкуренция и выбор избирателей определяет успехи тех, кто баллотируется в качестве кандидатов на выборах.

В этой связи, уместно посмотреть на предпринимаемые в последнее время меры. Так, «возвращение» губернаторских выборов не означает

возврата к политической конкуренции и, следовательно, поиску вариантов ответа на проблемы того или иного субъекта федерации. Аналогичным образом «возвращение» к выборам по одномандатным округам в Думу, казалось бы, даёт возможность населению регионов выбрать своего депутата для продвижения региональных интересов. Но при существующей практике, это, скорее всего, будет решаться не населением, а опять-таки администрациями или, в лучшем случае, позволит разыграть предвыборный спектакль со скандалами, с политтехнологами и т.д., но без реальных политических возможностей для региональных депутатов на федеральном уровне. Возможности представительства и конкуренции реально и существенно сокращаются ныне на муниципальном уровне, а ведь выборы мэров в последнее время были одними из немногих островков плюрализма. Но сейчас, скорее всего, не будет и их.

В то же время, отказ от реального, хотя и очень болезненного выстраивания политических институтов, в том числе на уровне регионов, привел к существенному сокращению экономических, политических и иных возможностей губернаторского корпуса (а также его отбора) для реагирования на ситуацию в условиях вероятного обострения кризиса или гипотетического ослабления центральной власти.

В силу этого, интересно посмотреть на те действия московской власти и обстоятельства, влияющие на принятие решений, которые привели к такому положению дел. Любопытно, в этой связи, использовать ряд положений теории модернизации, ведь о «модернизации» так много говорилось в конце прошлого и начале нынешнего десятилетий.

Некоторое время назад, в годы временно сохранявшего президентское кресло Д.Медведева, стал весьма популярен концепт «модернизации» и - даже применительно к политической сфере. Отечественные обществоведы по старой советской привычке с энтузиазмом бросились трактовать начальственное слово и «развивать» очередную перспективную (в плане публикаций и диссертаций) теорию.

Потом, также быстро про российскую «модернизацию» стали забывать, особенно в связи с украинскими событиями, которые на несколько месяцев затмили собой всё остальное. Есть много оснований полагать, что слова о «модернизации» были очередным «пиар ходом», за которым не скрывалось каких-либо действительно серьезных намерений, что-то вроде риторического «свобода лучше, чем несвобода». Но можно и отвлечься от конкретных обстоятельств появления слов о модернизации и рассмотреть модернизационную проблематику не как лозунг, а как действительно важную проблему, которая имеет давнюю теоретическую историю и которая, несмотря на порой пренебрежительную критику до сих пор сохраняет свою актуальность.

В ставших уже классическими западных разработках модернизация не сводится только к совершенствованию техники, но включает в себя совершенствование всех сторон жизни, в том числе и политику. В свою очередь политическое развитие понимается как демократизация. В качестве

предпосылок и условий модернизации называются урбанизация, повышение уровня образования, распространение универсальных и рациональных ценностей и т.д. в различных вариациях. Но помимо этого Карл Дойч связывал модернизацию с тем, что он называл «мобилизацией». «Социальная мобилизация – это то, что происходит с большим количеством людей в ареалах, переживающих модернизацию, т.е. там, где вводятся и в значительных масштабах принимаются развитые, нетрадиционные практики в сферах культуры, технологии и экономической жизни. Следовательно, она не тождественна процессу модернизации в целом, но охватывает один из его основных аспектов, или, лучше сказать, повторяющийся кластер его последствий» [1, с. 116].

Конечно, было бы наивным сегодня применять эти давние разработки один к одному, но ход мысли одного из ведущих политологов прошлого столетия выглядит очень интересным. В наших условиях, несмотря на массу факторов, которые, по случаю, уместно называть демодернизационными (как известные шаги российского правительства в области науки и образования и т.п.), предпосылки для политической модернизации в РФ остаются актуальными. По уровню культурного развития Россия вполне (была) способна на модернизацию – это же не бывшая африканская колония. Но препятствия для модернизации носят субъективный, политических характер, имеющий корни в экономической заинтересованности господствующих групп в сохранении нынешнего положения, которое можно назвать «неозастоем». Властвующая элита современной РФ всеми силами стремится не допустить массовой мобилизации населения, особенно, его наиболее «креативных» слоев с целью недопущения изменения статус-кво. Верно и обратное: сами по себе предпосылки модернизации не реализуются без активности социальных и политических акторов, без массового изменения отношений в разнообразных кластерах – от политики до культуры.

Мы говорим здесь о региональных аспектах российской модернизации, но сейчас надо понимать, что сами по себе они не могут проявиться без изменения ситуации на общероссийском уровне. С начала нулевых годов региональные политики не способны были на активные самостоятельные действия, по крайней мере, в существующем правовом поле. Поэтому, когда мы видим, как на улице провинциального города толпа полицейских охраняет одиночного пикетчика, а попытка устроить митинг воспринимается наподобие землетрясения, то, разумеется, это является отражением нынешней московской ситуации. То есть на федеральном уровне политические институты упростились до того, что не могут длительное время выдерживать ситуации политической конкуренции и т.п. (Такое уже было в нашей стране в период тоталитарной диктатуры и застоя, который при попытке реформ обернулся «геополитической катастрофой»). Естественным следствием подобного положения сейчас является стремление властей атомизировать общество, снизить уровень его мобилизации. Это не только и столько политика «суверенной демократии», «борьбы с экстремизмом» и переключение внимание россиян с нечестных выборов и

проделок «жуликов и воров» на «геополитику» и «происки американского империализма». Такая политика имеет естественное экономическое основание, когда самостоятельный бизнес вести очень трудно, а получать большую прибыль возможно лишь в связи с государственно-коррупционной «вертикалью». Не может в таких условиях формироваться и устойчивый и независимый средний класс – помимо отсутствия институциональных условий для более-менее честной конкуренции и единых правовых стандартов. На такое положение работает создание помех развитию науки и образованию, когда сверхбюрократизация этих сфер, постоянно ужесточающиеся, да к тому же, постоянно меняющиеся правила гиперрегулирования, ведут к подрыву основ существования данных институтов. К слову сказать, наиболее болезненные и разрушительные последствия таких подходов относятся именно к региональным учреждениям науки и образования, которые с трудом приходят в себя, и порой и не могут восстановиться после очередного приступа «реформ».

Но своя логика в проводимом курсе присутствует. Состояние социальных институтов надо привести к проводимому политическому курсу. А институциональная деградация уже, в свою очередь, заставляет предотвращать малейшие проявления недовольства и реального массового объединения, и делать это все более жестко. С.Хантингтон еще более полувека назад предупреждал: «Если мыслить политическое развитие как заключающее в себе мобилизацию людей в политику, то нужно также принять во внимание, возможность того, что может произойти откат развития вспять (...) и люди будут из политики демобилизованы. Может произойти структурная дифференциация, но возможна и структурная гомогенизация. Национальный распад – не менее возможный феномен, чем национальная интеграция» [2, с. 152].

Операцию политической демобилизации осуществить гораздо легче, чем снизить, скажем, уровень культуры. Понижение интеллектуального уровня телепередач или ЕГЭзация дадут результаты не сразу, а вот последствия отмены избрания губернаторов и выхолащивание института выборов вообще сказываются очень быстро. Таким образом, укрепляется существующий политический порядок и достигается чаемая многими стабильность. Но остается вопрос о перспективах ситуации, в которой перемешиваются институциональная деградация и культурное одичание. Что это будет за «политическая культура»?

Здесь уместно заметить, что можно трактовать перипетии российской федеральной и региональной политики последних десятилетий в других терминах и с другой оценкой. Хочется лишь обратить внимание, что если начинают говорить о модернизационной парадигме, то уместно помнить, что в ней «сложность рождает стабильность». И – наоборот. Критиковать старую теорию легко и некоторым авторам (особенно демонстрирующим приверженность ценностям «традиционного общества»), несомненно, приятно. Но если стать на точку зрения сторонников теории модернизации, то нельзя не видеть опасности для таких ценностей, как Порядок и

Стабильность на всех уровнях, которая состоит в том, что, в упрощившейся системе политически они сосредоточены в фигуре национального лидера, в экономической сфере – в ценах на углеводороды, а в культурной – в интенсивности телепропаганды.

Противоречивые следствия из такого положения также понятны. Ослабевшие институты не выдержат реальных противоречий, если они вырвутся наружу; следовательно, этот момент надо оттягивать всеми доступными способами. С другой стороны и сторонники демократии должны ясно отдавать себе отчет в том, что в таких условиях демократизация приведет не к немедленному торжеству либеральных свобод и демократических принципов, а к новому варианту «катастрофы» – интенсивной, длительной, с непредсказуемыми последствиями. Так что, как говорится, «и хочется, и колется».

Здравый смысл обывателя также открывает ему подобную перспективу. Так что, несмотря на широко распространенное недовольство существующим положением, россияне не спешат «модернизироваться» (что невозможно без массовой мобилизации). Любопытно сравнить нынешнее положение с ситуацией уже упоминавшейся перестройки. Ведь тогда тоже произошла своеобразная «мобилизация». Миллионы советских людей резко изменили и свой образ мысли, и свой образ действий. Но четверть века назад, помимо резкого ухудшения материального уровня и уровня безопасности, сыграл свою роль и идеологический шок, т.н. «гласность». Сейчас последний фактор может иметь лишь локальное воздействие. И нельзя все списывать на «телевизор». Информация в интернете вполне доступна, но разоблачения и критика не вызывают сейчас широкого отклика, не приводят к значительному подъему протестных действий. Протест по политическим мотивам в современной России пока обречен на неудачу, что и показал крах выступлений «болотных хипстеров» в 2011 – 2012 гг. Массовая протестная мобилизация возможна лишь как реакция на резкое ухудшение материального положения или какой-нибудь другой сверхординарный внешний вызов (сейчас заговорили о влиянии украинского кризиса, но может быть и что-то иное). В случае подобного сценария деградирующие российские институты адекватно не смогут среагировать в режиме «вызов-и-ответ» (спародируем А.Тойнби).

Актуальным сегодня является вопрос о том, а можно ли «спустить ситуацию» на тормозах, подготовиться к возможному кризису и т.д. В политической плоскости стремление «подстелить соломки» кажется нереальным. Те, кто контролирует сейчас российскую политическую систему, просто не могут (в силу императива собственного сохранения, комфорта власти и доступа к сверхдоходам) пойти на усложнение системы. Без структурной же дифференциации возможности системной адаптации будут только понижаться. В этой связи не кажется невероятным и сценарий распада страны, кошмар которого вроде бы отступил после преодоления наиболее вопиющих явлений, характерных для отношений Центр – регионы в «лихие девяностые». Не будем опять ничего выдумывать, а воспользуемся

темами, которые стали весьма популярны в последние годы – об «агентах влияния», «пятой колонне» и т.п. Разумеется, в мире есть силы, которые желали бы ослабления России и в перспективе её распада. На кого они, при случае, могут опереться внутри страны? Для теоретика модернизации ответ на такой вопрос не представляет особых сложностей: «В высокоразвитой политической системе политические организации обладают самостоятельностью, которой в менее развитых системах у них нет. В какой-то мере они изолируются от влияния неполитических групп и процедур. В менее развитых политических системах они в высокой степени уязвимы перед внешними влияниями... Политические организации и процедуры, которые уязвимы для идущих изнутри общества неполитических влияний, также обычно уязвимы и перед влияниями, идущими извне общества. В них легко просачиваются агенты, группы и идеи из других политических систем» [2, с. 160-161]. Нынешние квазиполитические акторы, привыкшие к командам сверху и разнообразным спонсорам, во многом автономным от населения, лишённого реальной возможности выбора, они - в силу своей природы просто неспособны в критической ситуации осознать, выразить и защитить общий интерес как общегосударственный, так и общенациональный. (Не говоря уже о том, что коррумпированный чиновник или политик является идеальным объектом для вербовки неприятелем). Наиболее вероятная линия поведения для них в сложной ситуации – это спастись самим и искать частную выгоду. Поэтому, для нынешних региональных квазиэлит в случае ослабления собственного государства будут весьма привлекательными другие полюса притяжения: исламский, китайский, финно-угорский, натовский – какой угодно! Это уже имело место в ельцинский период, подспудно существует сейчас (особенно в мусульманских регионах) и вполне может повториться вновь с более разрушительными последствиями для государства российского. Ведь осознание общего интереса не выстраивается само по себе, только как результат пропаганды и выпущенных указов. «Способность к сознанию политических институтов – это способность к созданию общественных интересов» [2, с. 172]. Столь же верно и обратное.

Особенно тяжёлыми следствиями такого положения дел могут быть именно для региональных социумов в РФ, если действующие институты для выражения их интересов так и не будут созданы.

Список использованной литературы:

1. Дойч К.В. Социальная мобилизация и политическое развитие // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории 1950-1960 гг. М.: ИНИОН РАН. 2012.
2. Хантингтон С.Ф. Политическое развитие и политический упадок // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории 1950-1960 гг. М.: ИНИОН РАН. 2012.

Койбаев Б.Г.,
д. п. н., зав. кафедрой новой, новейшей истории и исторической политологии
Северо-Осетинского государственного университета
имени К.Л. Хетагурова

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ - АЛАНИЯ

Проблема политической структуризации в субъектах Российской Федерации является одной из ключевых в исследовании и понимании ряда взаимосвязанных между собой социально-политических процессов, происходящих в настоящее время в регионах.

В рамках данного исследования попытаемся провести анализ избирательных тенденций в контексте формирования законодательной власти в Республике Северная Осетия-Алания (РСО-Алания).

Первые выборы в Верховный Совет СОАССР состоялись 26 июня 1938 года, с этого времени депутаты в Верховный Совет СОАССР избирались 12 раз. Начало реформирования постсоветской избирательной системы в субъектах РФ было положено принятием Указов Президента РФ № 1765 от 27.10.1993 г. «Об утверждении основных положений о выборах в представительные органы государственной власти края, области, городов федерального значения, автономной области, автономного округа» и № 1797 от 29.10. 1993 г. «Об утверждении основных положений о выборах в органы местного самоуправления» [4,с.69-70]. Таким образом, впервые регионам России было предоставлено право самостоятельно регулировать многие жизненно важные вопросы избирательного права и избирательного процесса.

После принятия Конституции РСО-Алания в ноябре 1994 года был принят закон «О Выборах в Парламент РСО-Алания». Выборы депутатов Парламента РСО-Алания первого созыва состоялись 26 марта 1995 года. В высший законодательный и представительный орган республики было избрано 73 депутата. Национальный состав Парламента: осетин – 63 человека; русских – 7 человек; других национальностей – 3 человека. В числе депутатов три представителя НДР, два представителя КПРФ, один – ВКПБ, четыре представителя АПР и 63 депутата беспартийных [1,с.125].

В профессиональном отношении среди депутатов Парламента РСО-Алания первого созыва были представлены: директора производственных и торговых предприятий – 26%, главы органов местного самоуправления – 13%, руководители колхозов и совхозов – 8%, управляющие банков – 5% [1,с.125]. Одним из важных отличий нового парламента от последнего созыва Верховного Совета республики стало отсутствие в его составе рядовых «тружеников производства» при увеличении доли руководителей предприятий и снижение доли работников сельского хозяйства за счет минимизации участия «тружеников села», интересы которых теперь, в основном, представляли председатели колхозов. Очевидно, что приход на смену выборам по разнарядке демократических процедур формирования

законодательного органа обусловил ожесточенную предвыборную борьбу, победу в которой могли одержать кандидаты, заручившиеся массовой поддержкой и располагающие необходимыми ресурсами.

В апреле 1999 года состоялись выборы в Парламент РСО-Алания второго созыва. В высший законодательный орган власти было избрано 75 депутатов. Национальный состав Парламента мало отличался от состава Парламента первого созыва: осетин – 66 человек, русских – 7 человек, один армянин и один кумык. Впервые было избрано 47 человек, 28 депутатов являлись депутатами первого созыва Парламента. Примечательно, что вторые выборы продемонстрировали превращение депутатского звания в профессию, так как среди избранных депутатов более 1/3 имели опыт парламентской работы. Кроме того, значительную долю депутатов в законодательном собрании Северной Осетии второго созыва составляли главы администраций районов и городов республики – 12% [1,с.126].

На выборах в Парламент РСО-Алания второго созыва своих кандидатов выдвигали избирательные блоки «Северо-Осетинская республиканская организация КПРФ» и «Северо-Осетинская республиканская организация ЛДПР». Внутри парламента сформировалось несколько депутатских объединений «Коммунисты Осетии», «За достойное будущее», «Строитель», «Отечество», «Единство». Вместе с тем, роль партий в формировании и функционировании законодательного органа Северной Осетии оставалась незначительной: депутаты могли не заявлять о своей партийной принадлежности, а численность фракций не могла быть заметна ни при каком голосовании [3,с.321].

Выборы в Парламент РСО-Алания третьего созыва, которые состоялись 11 мая 2003 года, еще четче обозначили сложившиеся, в целом, в северокавказском регионе тенденции. Избирательная кампания прошла в два тура, было избрано 68 депутатов. Депутатский корпус Парламента обновился менее чем наполовину: впервые были избраны 29 человек, 36 представителей входили в состав Парламента РСО-Алания второго созыва. Значительная часть депутатских мандатов пришлась на «директорат» крупных предприятий – 36%, работники образования составили 6%, специалисты в области сельского хозяйства – 5% [1,с.1126].

Образовательный уровень республиканской политической элиты в указанный период был довольно высок. Подавляющее большинство депутатов закончили высшие учебные заведения, причем не только в республике, но и за ее пределами многие имели ученую степень или второе высшее образование.

Анализ изменений депутатского корпуса трех созывов Парламента Республики Северная Осетия-Алания позволяет отметить специфические черты каждого из них, которые определили реальную внутреннюю трансформацию представительной власти республики. Уже в составе первого созыва так же, как и в других республиках Северного Кавказа, наметился рост доли руководителей предприятий, организаций, колхозов за счет снижения участия рядовых граждан. Это изменение было и естественным, и

неизбежным следствием смены политического режима. Вторые выборы, в целом, в республике выявили победу депутатов предыдущего созыва, которые наряду с «директоратом» и главами районных и городских администраций, составили костяк в новом составе парламента. То, что большая часть парламентариев сохранила свои позиции в законодательном собрании нового созыва, свидетельствует, с одной стороны, об ослаблении ротации депутатского корпуса, с другой, о стабилизации политического режима.

Принятый в 2002 г. новый Федеральный закон о гарантиях избирательных прав граждан содержал требование, согласно которому половина депутатов парламента субъекта РФ должна избираться по партийным спискам, причем в выборах могли участвовать только региональные отделения центральных политических партий. Еще в ходе выборов в Парламент РСО-Алания третьего созыва кандидаты от «Единой России» получили 20 мандатов из 68, второе место заняли выдвиженцы от «Аграрной партии России», которые получили 12 мест. К 2006 году в Парламенте Северной Осетии сформировалась мощная фракция «единоросов», насчитывающая 35 депутатов. Вторую по численности фракцию составили сторонники «Российской партии жизни» (8 депутатов). В октябре 2006 года на внеочередном съезде политической партии «Родина» было объявлено о слиянии трех партий: «Родины», «Российской партии жизни» и «Партии пенсионеров» в единый блок «Справедливая Россия». Итак, налицо возрастание роли политических партий в функционировании парламента республики, что могло способствовать появлению среди депутатов политиков-профессионалов, представляющих интересы определенных социальных групп.

В ноябре 2006 года на очередном заседании Парламента РСО-Алания третьего созыва был принят новый закон о выборах депутатов парламента. Среди кардинальных нововведений: срок полномочий депутатов, который возрос до пяти лет, а также количественный состав депутатского корпуса: семьдесят депутатов, а не семьдесят пять, как было ранее. Причем, половина установленного числа должна избираться в соответствии с Федеральным законом о выборах пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутых политическими партиями и избирательными объединениями. Усиление роли центральных партий в региональных выборах должно постепенно привести к замене ключевых каналов пополнения представительной власти республики, которыми до недавнего времени были «директорат» и органы государственного управления.

Главной интригой парламентских выборов, состоявшихся 2 декабря 2007 года в РСО-Алания, было голосование по пропорциональной и мажоритарной системам. «Единая Россия», за которую проголосовало 60,7% избирателей РСО-Алания, набрала голосов на 25 депутатских мандатов, «Коммунистическая партия Российской Федерации», набравшая 14,3% - на 6 мандатов, и «Справедливая Россия», получившая 8,9% голосов – на 4. Осетия

в этом смысле выглядела более зрелой, чем некоторые соседи по региону, «продемонстрировавшие до 99% верноподданности» [7]. Однако, потенциальный избиратель в своем выборе чаще руководствовался не рациональными доводами – программой партии или даже лозунгами, а симпатией или антипатией к ее лидеру. Отсюда, чем более узнаваемо лицо лидера, тем больше внимание к партии. Не следует забывать, что партийные выдвиженцы шли и по одномандатным округам, и именно они стали решающей резервной силой в доминировании «единороссов».

Партия власти получила, так называемое, конституционное большинство в Парламенте РСО-Алания четвертого созыва, которое теоретически давало право единолично изменять Конституцию республики. Намного упростился процесс законодательного обеспечения проводимой политики, стройность вертикали власти и её управляемость. А на практике это означало беспрепятственное принятие любого закона, предложенного фракцией «единороссов». Таким образом, Парламент РСО-Алания четвертого созыва состоял из 70 депутатов: депутаты от партий получили 35 мандатов, столько же у депутатов, избранных на мажоритарной основе. 24 депутата входили в состав предыдущего Парламента [7].

По профессиональному составу в Парламенте РСО-Алания четвертого созыва, как и в большинстве регионов СКФО, продолжал доминировать «директорский» корпус: половина депутатов занимала должности генеральных директоров, директоров, начальников или заместителей. Наиболее существенной тенденцией эволюции региональной политической элиты стало вхождение в ее состав представителей бизнеса и значительный рост политического влияния бизнеса на региональном уровне. На современном этапе все большее число представителей бизнес-элиты стремятся войти во властные структуры. Данная тенденция характерна в целом для большинства регионов России, в том числе и для РСО-Алания. В качестве распространенных форм участия бизнеса в региональной политике политолог Ю.В.Усова выделяет две: во-первых, избрание представителей бизнеса в качестве глав исполнительной власти регионов, что влечет за собой волну назначений выходцев из бизнес-элиты на руководящие должности в структурах исполнительной власти. Во-вторых, избрание представителей бизнеса в качестве депутатов региональных парламентов, а также делегирование в Совет Федерации ФС РФ выходцев из деловых кругов в качестве представителей регионов [9,с.191]

Рекрутирование в элиту людей из научной сферы стало достижением демократического развития элиты и общества [2,с.32]. Представителей интеллектуальной элиты (ректоров, проректоров и президентов ВУЗов) в составе Парламента РСО-Алания четвертого созыва - 5 человек. Двое из них занимали высокие должности в структурах местного самоуправления, двое – в высшей законодательной власти прежнего созыва.

Женщины по-прежнему представлены в законодательной власти весьма слабо. При определении тенденций формирования политических элит во всех северокавказских республиках большое значение имеет гендерный аспект.

Все этнократические элиты Северного Кавказа являются андроцентристскими, т.е. мужскими по своему составу. Традиционная психология кавказских горцев не позволяет женщинам участвовать в политической жизни общества наравне с мужчинами. Немногие известные примеры участия северокавказских женщин в политике, как правило, относятся к советскому периоду и связаны с их выходом за пределы регионального политического пространства [5].

Что касается Парламента РСО-Алания четвертого созыва, то среди 70 депутатов было всего шесть женщин (4% состава). Однако, это в несколько раз больше прежних показателей, где женщины составляли от 1% до 2% депутатов в разные годы [6].

14 октября 2012 г. в РСО-Алания прошли выборы в законодательное собрание республики пятого созыва. Они стали первыми с момента изменения законодательства о политических партиях, при этом участие в выборах приняли не шесть партий, как было ранее, а девятнадцать политических объединений. Такая либерализация законодательства, несомненно, в целом повысила уровень демократизации общества, но, в то же время, и усложнила процедуру голосования. На усложнении процедуры сказалось и то, что состав депутатов парламента РСО-А уже второй раз формируется двумя путями: по партийным спискам в едином общереспубликанском округе и из кандидатов в одномандатных округах.

По итогам парламентских выборов в высший законодательный орган республики вошли представители четырех партий. РСО-Алания оказалась единственным регионом РФ, где «Единая Россия» ухудшила свой результат. Если на думских выборах в 2011 г. партия власти набрала в республике 67,9%, то на выборах в законодательное собрание пятого созыва ее результат оказался ниже и составил 64,3 % голосов избирателей. Занявшие же второе место «Патриоты России», напротив, кардинально улучшили свой результат – с 0,35 % на думских выборах до 20 % на выборах в региональный парламент. «Патриотам» удалось обойти КПРФ и «Справедливую Россию», набравших по 7,1 % голосов [8]. Таким образом, «Единая Россия» получила сорок четыре мандата из семидесяти возможных, шестнадцать мандатов у представителей регионального отделения партии "Патриоты России". Коммунисты и эсеры получили по пять депутатских мест.

По сути, 20 % голосов избирателей, набранных «Патриотами России», отдано не партии, а лидеру списка, оппозиционеру, экс-депутату Госдумы РФ, олимпийскому чемпиону А. Фадзаеву. Согласно мнению аналитиков, на сегодняшний день значительная часть жителей Северной Осетии находится в поиске нового героя, и «Патриоты России» такого героя предоставили. На региональных выборах по-прежнему личности продолжают играть большую роль. В одиннадцати округах республики прошло повторное голосование по выборам депутатов парламента и это тревожный сигнал, который партии власти предстоит серьезно осмыслить. Однако уже сегодня можно отметить, что позитивным аспектом является тот факт, что в республиканском парламенте пятого созыва присутствует оппозиционная сила,

представляющая те слои населения, которые не всегда и не во всем согласны с политикой «Единой России». Несмотря на то, что формально «единороссы» выиграли выборы, изменения в политической ситуации должны последовать.

Качественный анализ состава депутатского корпуса РСО-Алания пятого созыва позволяет говорить о том, что подтверждаются некоторые тенденции, обозначившиеся в предыдущие годы, а именно, преобладание доли «директората» и представителей бизнеса. В составе научной элиты: три профессора, академик, четыре доктора и один кандидат наук. В Парламент РСО-Алания избраны два Героя России и два двукратных чемпиона Олимпийских игр. Большинство депутатов будут работать в законодательном собрании впервые, тем не менее представителей прежних созывов Парламента – двадцать восемь человек.

Количество женщин в законодательном собрании пятого созыва увеличилось до восьми человек.

Условия, при которых предстоит работать избранным депутатам, отличаются от тех, в которых работал Парламент предыдущего созыва. Это и жёсткая избирательная кампания, и новые вызовы, и необходимость отвечать на запросы быстро меняющегося общества. Парламент был и остается местом для острых дискуссий.

Таким образом, можно выделить следующие особенности регионального элитогенеза, оказывающие непосредственное влияние на его институциональное и функциональное своеобразие:

- отсутствие прямой электоральной процедуры по выборам главы республики в связи с угрозой политической и национальной дестабилизации в случае всенародного голосования;

- основной элитообразующий вектор - формирование и циркуляция политических элит региона по этническому, родственному и клановому признаку;

- андроцентристский характер состава политических элит, связанный с особенностями традиционного уклада осетинского и других народов республики;

- преобладание руководителей производственных и торговых предприятий, госслужащих, выходцев из других институтов власти и управления, имеющих большой опыт управленческой работы и достаточные финансовые ресурсы для обеспечения победы на выборах в органы законодательной власти республики;

- увеличение количества «профессиональных» депутатов в составе органов законодательной власти, имеющих опыт парламентской работы и реальные возможности для дальнейшего продвижения внутри системы государственных органов;

- вхождение в состав политической элиты представителей бизнеса и значительная роль влияния бизнеса на республиканском уровне;

- повышение роли законодательного собрания как институционального канала прохождения в исполнительную власть и органы местного самоуправления;

- высокий образовательный уровень, обязательное наличие высшего образования у представителей республиканских политических элит, увеличение числа депутатов, имеющих ученую степень кандидата или доктора наук;

- незначительная роль системы образования, науки, культуры, здравоохранения, СМИ, общественных и профессиональных организаций в качестве каналов рекрутирования политической элиты;

- повышение роли политических партий, связанное с новыми требованиями политической модернизации.

В процессе трансформации структуры общероссийских элит отчетливо проявились наиболее существенные различия между федеральными и региональными элитами: медленный процесс обновления региональной политической элиты; незначительное политическое влияние на региональном уровне лидеров общественно-политических партий и движений, руководителей СМИ, интеллигенции.

Вышеобозначенные тенденции укладываются в общую картину трансформации властной элиты северокавказских республик. Усиление роли партий должно привести к замене ключевых каналов рекрутирования политической элиты. Согласно оптимистическим прогнозам, присутствие партий в республиканском законодательном органе будет способствовать политической стабилизации, росту профессионализма депутатов. В соответствии с пессимистическим прогнозом, встраивание партий в сложившуюся систему формирования представительной власти никак не скажется на ее качестве, а наоборот будет способствовать замыканию парламентариев на своих карьерных и узкогрупповых интересах.

Список использованной литературы:

1. Койбаев Б.Г., Усова Ю.В. Политическая элита Северной Осетии: трансформация в постсоветский период. – Владикавказ, 2009. – С. 125
2. Кудярова Н.Ю. Первые изменения постсоветской элиты // Мир России. – 1995. – Т.4.- № 3.- С. 32
3. Литвинова Т.Н. Представительная власть на Северном Кавказе и Парламент Северной Осетии (изменение состава в ходе политических трансформаций) // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы Международной научной конференции./ Под ред. В.В.Дегоева.- М., 2007. – С. 132.
4. Мохов В.П. Региональная политическая элита: к определению содержания понятия // «Экватор» 90-х. – Пермь, 1995.- С. 69-70.
5. Новиченко А.И. Региональные этнократические элиты: тенденции формирования и специфика политической деятельности (на примере ЮФО)./ Дисс...канд.полит.наук. Ростов- на-Дону, 2009.
6. Северная Осетия. – 2007. – 14 декабря.
7. Северная Осетия. – 2007. – 15 декабря.
8. Северная Осетия. – 2012. – 16 ноября.
9. Усова Ю.В. Политические элиты современной России: динамика и позиционирование. Владикавказ, 2013.с.191

Колесников К.Ю.,
соискатель кафедры политических наук юридического факультета ФГБОУ ВПО
«Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ШКОЛЫ КАК СУБЪЕКТА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Задачи политической социализации молодежи в современной России и воспитания патриотизма являются одними из самых социально значимых. Актуальность данной проблематики обусловлена, прежде всего, осложнением международной обстановки в связи с воссоединением Крыма с Россией и трагическими событиями на Юго-Востоке Украины.

Среди различных агентов политической социализации (СМИ, общественно-политические организации, партии, спортивные общества, религиозные организации, учреждения культуры, вузы, армия, и другие) общеобразовательная школа занимает особо значимое место. Оно обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, тем, что школа своим социализирующим воздействием охватывает практически всю подрастающую молодежь. Во-вторых, тем, что данное социализирующее воздействие происходит в том возрасте (6-17 лет), когда оно может быть наиболее эффективным с точки зрения результата. В-третьих, структурирование педагогического процесса в школе позволяет легко систематизировать патриотическое воспитание по различным группам, с учетом их возрастных особенностей и психологических характеристик. В-четвертых, в школах сосредоточен большой контингент профессиональных педагогов, способных заниматься патриотическим воспитанием не только в рамках внеклассных мероприятий, но и в ходе преподавания своих учебных дисциплин.

Кроме того, важно учитывать, что в школе процесс патриотического воспитания может синтезировать в себе два очень важных начала. С одной стороны, он должен включать в себя единые методические рекомендации в рамках государственных образовательных стандартов [3] подготовки педагогов в вузах и единые программные требования для преподавания конкретных учебных дисциплин в различных классах. С другой стороны, педагоги в рамках данного процесса могут творчески подходить к реализации обязательных программ, выдвигать собственные инициативы, проводить собственные мероприятия с учетом особенностей истории конкретного города или поселка, с учетом контингента учеников и их родителей и родственников.

В своем послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации прямо подчеркнул, что «Нам нужны школы, которые не просто учат, что чрезвычайно важно, это самое главное, но и школы, которые воспитывают личность. Граждан страны - впитавших её ценности, историю и традиции. Людей с широким кругозором, обладающих высокой внутренней культурой, способных творчески и самостоятельно мыслить» [4]

Поэтому не случайно, что в рамках региональной политики направлению патриотического воспитания молодежи отводится важное место и выделяются достаточно серьезные ресурсы. Например, для обеспечения долгосрочной целевой федеральной программы в декабре 2012 года Правительством Саратовской области было принято соответствующее постановление «Патриотическое воспитание молодежи Саратовской области» на 2012-2015 годы, подкрепленное целевыми ресурсами (табл.1).

Таблица 1[5]

Ресурсное обеспечение программы «Патриотическое воспитание молодежи Саратовской области» на 2012-2015 годы

«Источники финансирования и направления расходов	Объем финансирования на 2012 -2015 годы	в том числе:			
		2012 год	2013 год	2014 год	2015 год
Областной бюджет – всего, в том числе:	17394,2	3705,7	4553,8	4352,6	4782,1
Развитие содержания и форм патриотического воспитания:	2077,7	128,7	691,5	524,0	733,5
-духовно-нравственное направление;	282,0	-	94,0	94,0	94,0
-культурно-историческое направление;	75,0	-	25,0	25,0	25,0
-гражданско-патриотическое направление;	427,5	-	142,5	142,5	142,5
-военно-патриотическое направление	1293,2	128,7	430,0	262,5	472,0
Научно-методическое обеспечение патриотического воспитания	144,0	-	48,0	48,0	48,0
Военно-профессиональная ориентация и подготовка молодежи к военной службе	6811,3	1676,3	1640,0	1640,0	1855,0
Кадровое обеспечение патриотического воспитания	554,0	20,0	178,0	178,0	178,0
Информационное обеспечение патриотического воспитания	7807,2	1880,7	1996,3	1962,6	1967,6».

Данное постановление предусматривало целый ряд направлений работы. Среди них важной место занимали: проведение ежегодного областного конкурса на лучшую организацию военно-патриотической работы и подготовки молодежи к военной службе в областных образовательных учреждениях образования; организация и проведение в образовательных учреждениях «Уроков мужества» в дни воинской славы России с участием ветеранов армии и флота, участников локальных военных конфликтов и антитеррористических операций, заслуженных спортсменов, деятелей науки и искусства; проведение ежегодного областного конкурса на лучшую организацию работы школьных музеев в патриотическом воспитании учащихся; проведение ежегодного конкурса среди учащихся и педагогов образовательных учреждений, молодёжных, детских и ветеранских общественных организаций в области патриотического воспитания «Растим патриотов России» [5].

Кроме того, школы области принимают активное участие в проекте Приволжского федерального округа по проведению военно-спортивной игры «Зарница Поволжья», реализуемого при поддержке полномочного представителя Президента РФ в ПФО и направленного на военно-патриотическое воспитание молодежи. Его целью является вовлечение подростков в занятия военно-прикладными видами спорта, укрепление их физического развития, воспитание чувства взаимовыручки и товарищеской поддержки, подготовка к службе в Вооруженных силах. Лучшая команда представляла Саратовскую область на окружном финале «Зарница Поволжья» в Оренбургской области [1].

Еще одним направлением работы является организация и проведение научно-практических конференций по патриотической проблематике, в которых принимают участие представители областного правительства, мэрии, члены Совета высших офицеров при губернаторе области, представители Военного комиссариата региона, представители вузов Саратова, ветеранских организаций, Саратовского окружного казачьего общества, специалисты органов местного самоуправления, осуществляющих управление в социальной сфере, педагоги и учащиеся. Например, в декабре 2013 года в средней общеобразовательной школе № 43 Саратова прошла научно-практическая конференция на тему: «Военно-патриотическое воспитание молодежи области». Мероприятие проходило в рамках Гражданского форума под председательством министра – председателя регионального комитета общественных связей и национальной политики Б. Шинчука. Инициатором мероприятия стал Совет высших офицеров при губернаторе Саратовской области. В ходе мероприятия обсуждались формы и методы военно-патриотического воспитания молодежи Саратовской области; особенности использования системы воспитания учащихся казачьих и кадетских классов в образовательном пространстве школы; формирование общегражданского мировоззрения граждан как средства утверждения общероссийской идентичности, воспитания культуры межнационального общения и патриотизма; роль и место поисковых отрядов в системе военно-

патриотического воспитания молодежи Саратовской области. По результатам конференции была принята резолюция по военно-патриотическому воспитанию молодежи, которая была направлена в структурные подразделения правительства Саратовской области, занимающиеся данным вопросом [2].

Таким образом, в реализации стратегии патриотического воспитания общеобразовательной школе государством отводится важнейшая роль, обусловленная ее организационным, интеллектуальным, методическим потенциалом. На региональном уровне эта стратегия находит свое практическое воплощение в виде различных программ патриотического воспитания, где возможности школы подкрепляются участием многих других субъектов политической социализации. Координацию их совместной деятельности, а также финансирование мероприятий осуществляют структурные подразделения правительства Саратовской области. Своим официальным участием они повышают статус мероприятий, активно привлекают СМИ для расширения информационного воздействия, повышения интереса к проводимым мероприятиям и соответственно их результативности.

Список использованных источников и литературы:

1. 21-22 июня состоится финал областной военно-патриотической игры «Зарница» // URL Режим доступа: <http://www.gfi64.pfo.ru/?id=79192> (Дата обращения: 3.08.2014 г.)
2. В Саратове принята резолюция о военно-патриотическом воспитании молодежи // URL Режим доступа: <http://www.vzsar.ru/news/2013/12/25/v-saratove-prinyata-rezoluciya-o-voenno-patrioticheskom-vospitanii-molodeji.html> (Дата обращения: 3.08.2014 г.)
3. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: «Просвещение». 2009.
4. Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 2013 года // URL Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/12/12/poslanie.html> (Дата обращения: 3.08.2014 г.)
5. Постановление правительства Саратовской области от 14 декабря 2012 года № 736-П «О внесении изменений в долгосрочную областную целевую программу «Патриотическое воспитание молодежи Саратовской области» на 2012 - 2015 годы» // URL Режим доступа: http://minobr.saratov.gov.ru/docs/68/1113/?sphrase_id=43686 (Дата обращения: 2.08.2014 г.)

Коротков Д. С.,

к. п. н., доцент кафедры философии и политологии Харьковского национального экономического университета им. Семена Кузнеця (Украина)

ИНСТИТУТ ВЫБОРОВ В УКРАИНЕ КАК МЕХАНИЗМ ЭЛИТООБРАЗОВАНИЯ

Изучение политической элиты находится на пересечении сразу нескольких полемик в политологической науке. Главным образом это

дискуссии, которые ведутся сегодня в современном украинском политологическом дискурсе, о завершенности или незавершенности процесса институционализации украинской политической элиты, основные механизмы рекрутинга политической элиты, а также о характере ее структуризации. Следующий аспект актуальности изучения политической элиты определен тем фактом, что трансформация политической системы Украины привела к нестабильному развитию всех институтов власти, как исполнительных, так и законодательных. Постоянные изменения форм правления в Украине, а также постоянные изменения избирательной системы обусловили потребность в постановке четких целей и задач, которые стоят перед нашим государством. Субъектом этих действий выступает политическая элита Украины, которая в период трансформации является одним из главных акторов в политическом пространстве государства. Процесс демократизации часто зависит именно от качества и мотивов действий политической элиты.

Несмотря на глубину социально-экономических преобразований, произошедших в 1990-е гг., и существенное изменение модели элитообразования, необходимо отметить, что политическая элита по-прежнему является приоритетным фактором политического процесса. Формирование политической элиты является первоочередной задачей для государства, особенно для посткоммунистических государств. Процесс элитообразования длительный и даже при благоприятных условиях насчитывает многие десятилетия. Процессы глобализации, изменения и усложнения социальных структур, повышение мобильности обществ привели к заметному усилению значимости фактора власти, элитных групп в политическом процессе, качества управленческих решений, которые они принимают.

Необходимо отметить, что термин “элита” отражает латинскую коннотацию “*eligere*”, что подразумевает “отбор, выбор с разборчивостью”. В основе исследования трансформации политической системы - изучение процесса ее формирования. Характер, состав и ориентации правящей элиты - важнейший элемент политической системы, определяющий ее качество. В целом качество элиты зависит от способов ее рекрутинга. Вопрос отбора элит является, по сути, одним из ключевых в процессе трансформации политической системы Украины. От этого зависит способность страны к реформам. Ротация кадров, глубинная смена элит является показателем политической чуткости, способности современной политической системы отвечать на социальные запросы, устойчивости и стабильности государства. Система формирования элиты чрезвычайно важна для политической системы; она может либо обеспечивать достаточно развитые возможности доступа к власти всем гражданам или ограничивать, или же вовсе ликвидировать эти возможности. Формирование политической элиты связано с процессом привлечения к кругу элит лиц из других социальных групп, а также с возможностью самовоспроизводства элиты.

Основным институтом демократических режимов, электорального процесса и элитаобразования являются выборы. С нашей точки зрения институт выборов – это главный демократический механизм с помощью которого происходит на регулярной основе процесс рекрутинга и ротации персонального состава правящей политической элиты и с помощью избиратели имеют возможность влияния и контроля на политическую деятельность законодательных и исполнительных органов государства. В результате выборов состав властной элиты меняется в соответствии с предпочтениями общества и власти адаптируют свою политику в соответствии с общественными требованиями. Но следует отметить, что при отсутствии действенных демократических механизмов контроля за действиями элиты со стороны избирателей политическая элита в стране может превратиться в самостоятельного распорядителя политической репрезентации.

Изучение электорального процесса и процесса элитаобразования в Украине для политологов все еще остается тем направлением анализа, концептуально-методологическая база которого и исследовательский инструментарий разработаны далеко не в полном объеме. Необходимо подчеркнуть, что в отечественной политологической науке пока нет достаточного количества специальных работ, где бы формирование политической элиты исследовалось через призму избирательного процесса и акцентировалось внимание на функции рекрутинга политической элиты на основе института выборов. Хотя говорить о том, что эта проблема вообще не рассматривается в политологическом дискурсе Украины не приходится. Например, С. Лысенков рассматривает выборы как “процесс, в результате которого определенная совокупность людей, часто организована в политические объединения, путем голосования формирует государственный орган или замещает вакантную выборную должность” [3, с. 24].

Политолог С. Рябов интерпретировал выборы как “демократический способ формирования периодической или внеочередной смены персонального состава органов государственной власти или подтверждения полномочий на новый срок, процедура назначения должностных лиц через свободное волеизъявление дееспособных граждан путем голосования за кандидатов, выдвинутых в соответствии с установленными законом правил и процедур” [7, с. 44]. А. Химченко утверждает, что выборы выступают как “единственное средство, с помощью которого даже наиболее политически пассивные граждане могут давать практическую оценку действиям государственных деятелей. Выборы всегда институционализируют влияние гражданской мысли” [9, с. 89].

Надо выделить и ряд статей и работ отечественных исследователей, посвященных проблематике электорального процесса и института выборов. Харьковский политолог И. Полищук, рассматривая понятие и составляющие факторы избирательного процесса как детерминанты развития современной политики, подчеркивает, что “избирательный процесс – это

последовательность событий, совокупность различных форм взаимодействия и последовательных действий по выдвижению, рекламе и голосованию за субъектов политической власти, персональный и структурный состав которых формируется выражением воли той части населения, которая по законодательству считается достаточной для признания результатов выборов легитимными” [6, с. 143]. Ученый Н. Селютина считает, что политические выборы, на основе которых происходит отбор и легализация политической элиты, является политической составляющей политико-административной элиты. Социолог подчеркивает, что современная система формирования политико-административной элиты претерпела существенные изменения благодаря новому самостоятельному механизму отбора кадров – выборам [8, с. 205]. Но исследовательница делает акцент на сравнении последних законов о выборах с целью дать оценку динамики развития законодательной базы избирательного процесса в Украине. Профессор А. Новакова исследует избирательный процесс сквозь призму развития современных механизмов легитимации власти. Луганский политолог считает, что “выборы в Украине превращаются в иррациональный процесс, участники которого общаются на языке условностей: условны и практически не выполняются предвыборные обещания политиков, эфемерны сами политические партии и блоки – участники электорального процесса, нерациональным в большинстве выглядит и сам выбор кандидата во время голосования, поскольку мотивы избирателя не имеют надежных, объективных основ” [5, с. 100].

Интересный подход к выборам предложил политолог А. Купцов. Избирательный процесс в Украине исследователь анализирует в контексте теории и практики политического маркетинга. Согласно этой теории “демократические выборы – это соревнование по определенным правилам, которые обязательны для всех участников, за контроль над рынком власти, а через него над остальными сферами общества. Политические партии выступают как конкурирующие предприниматели, которые предлагают избирателям-потребителям свои услуги за определенную плату – голоса. Избиратели решают, кто из кандидатов на должности в органы власти больше заслуживают получить их голоса на основании собственных критериев (ценностей и интересов). Затем в определенное законом время они осуществляют свой выбор и “нанимают” на определенный срок того или иного политического актора” [2, с. 126]. Спецификой политического маркетинга является то, что его можно применить только в условиях демократического режима и при наличии демократических механизмов и процедур формирования органов власти в государстве. По мнению автора этой статьи, в Украине эта модель формирования органов власти пока не действует из-за слабости и недоразвитости этих демократических механизмов.

Политолог А. Лозовицкий, рассматривая избирательный процесс как основу трансформации власти в современной Украине, подчеркивает, что выборы служат правовым механизмом реализации общественных санкций

или поощрений, заменяя неформальные акции вроде революций, мятежей, демонстраций. Анализируя последствия возможности граждан демократическим путем влиять на поведение своих правителей, ученый делает вывод, что “выборы – средство контроля народа над обществом, но в то же время они являются средством контроля народа над государством и контролируется самим государством” [4, с. 86]. Но основное внимание в работе исследователь уделяет именно анализу избирательной системы в Украине, поиска ее оптимальной модели. Необходимо подчеркнуть, что выборы остаются важнейшим институциональным каналом политического участия. Именно они в современных обществах является двигателем социальных изменений, действенным фактором формирования политических элит, индикатором уровня демократичности политической системы. Для преобразования выборов в один из важнейших элементов политической системы странам Западной Европы, например, потребовалось более двухсот лет борьбы демократических сил. К сожалению, Украина не имеет такого опыта, поэтому существуют проблемы в процессе элитообразования на основе институтов выборов.

Классическое демократическое устройство – это механизм приведения к власти политических элит. При таком устройстве активное и заинтересованное меньшинство управляет политическим процессом с согласия большинства, выступающего объектом управления. Именно политические партии можно считать авангардом демократии и основным каналом рекрутинга политических элит, а их членов (активных деятелей политических организаций и спонсоров) – составляющими элитных меньшинств. Власть в руках элиты не представляет угрозы представительной демократической системе, если демократическая элита остается относительно открытой для тех, кто желает вступить в нее и взойти на вершины власти, если избиратели способны устранить с политической арены любого представителя элиты.

Если рассматривать каналы, по которым происходит подъем элит на вершину политического пространства, то в западной демократии для политической элиты роль этого канала выполняют политические партии и срабатывает схема “партии – выборы - политическая элита”. В рамках такой модели претендент на вхождение в элиту должен пройти все ступени партийной иерархии. Так делали свою карьеру такие выдающиеся политики как М. Тэтчер, Ф. Миттеран, Г. Коль и те политики, которые сегодня заменили их на ключевых государственных должностях. Как отмечает Кеннет Мейер, “некоторые (или все) представители политической элиты рекрутируются политическими партиями непосредственно или с их помощью” [1, с. 110]. Рекрутирование и селекция политических элит начинается внутри партий. Именно партии выдвигают кандидатов в законодательные органы власти и выбирают лидеров, которые борются за высшие исполнительные должности. Именно в политических партиях будущая политическая элита демонстрирует свои политические и

организаторские способности. В большинстве демократических партий существуют механизмы, позволяющие членам партии участвовать в избрании лидеров. В одних партиях в выдвижении и избрании лидеров участвуют только самые активные члены партии, в других - существуют условия для очень широкого участия любого, кто считает нужным отождествлять себя с этой партией. Надо отметить, что в отличие от Украины, вхождение в политическую элиту из другой элитной группы, бизнеса нетипично для западных обществ. К сожалению, в Украине партии является основным каналом для превращения бизнес-элиты в политическую элиту, а не ключевым элементом гражданского общества, с помощью которого у любого гражданина в нашем государстве появляется возможность стать частью политической элиты. Таким образом, система, существующая в Украине, способствует не созданию политических партий, как основного канала для подъема элит вверх на демократических началах и через честную конкуренцию, а созданию компаний по коммерческим интересам. Большие масштабы политико-партийного строительства на основе политико-экономических групп в Украине свидетельствуют о дефиците других, чисто демократических, источников формирования партийной системы через репрезентацию интересов широких общественных групп.

Процесс трансформации политической системы Украины имеет свои особенности. На сегодняшний день мы имеем такой особый политико-экономический режим, который основан на симбиозе политики и экономики, власти и собственности, на сращивании политической и экономической элит. В западных странах бюрократы, бизнес-элита и политики существуют в единой системе взаимного подчинения и взаимозависимости. Политика диктует условия “подчиненной” бюрократии как производной политических институтов, но зависит от предпринимательства в той мере, в какой последнее обеспечивает ее финансовую стабильность. Бизнес-элита, в свою очередь, не попадает в зону прямого влияния политики, но находится в прямой зависимости от бюрократии, дает санкции на деятельность предпринимателей. В Украине эти три компонента сливаются в одно целое. Нельзя быть политиком в Украине, не имея действительно прямого неограниченного доступа к финансовым потокам. Невозможно заниматься крупным бизнесом без глубоко личных “политических ресурсов”. В результате получаем качественно новую модель, модель полной монополизации отдельными группами экономических, политических и административных рычагов воздействия.

Система финансово-промышленных групп с политическими надстройками фактически заменила в Украине партийную систему. В среде ведущих политических партий уже давно сформировалась своя прослойка “финансистов”, которые поддерживают партии на регулярной основе и являются ее членами. Современные выборы с новыми пиартехнологиями стали дорогостоящей процедурой и поэтому политическое пространство Украины все чаще рассматривается как рынок, на котором осуществляются

торги и коммерческие операции, субъектами которого являются представители политической элиты Украины, меняющих одни ресурсы на другие. Институт выборов в Украине не является тем действенным механизмом, который помогают любому гражданину государства контролировать деятельность политической элиты и политические партии в Украине не стали ключевым элементом электорального процесса, с помощью которого у любого гражданина в нашем государстве появляется возможность стать частью политической элиты.

Список использованной литературы:

1. Коротков Д. С. Політична еліта України: становлення та розвиток у виборчому процесі. Харків, 2012.
2. Купцов А. Выборы в Украине в контексте теории и практики политического маркетинга // Социология : теория, методы, маркетинг. 2003. №1.
3. Лисенков С. Л. Конституція України : Матеріали до вивчення. – К., 1997.
4. Лозовицький О. С. Виборчий процес як основа трансформації влади в сучасній Україні // Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї. – К. ; Миколаїв, 2009. Вип. 17.
5. Новакова О. В. Політична модернізація та розвиток демократичних процесів в сучасній Україні. Луганськ, 2006.
6. 138. Поліщук І. О. Виборчий процес як детермінанта сучасної політики // Політичний менеджмент. 2005. №3.
7. Рябов С. Г. Політичні вибори : навч. посібник. К., 1998.
8. Селютіна Н. Ф. Вибори як механізм формування політичної складової політико-адміністративної еліти // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна “Соціологічні дослідження сучасного суспільства : методологія, теорія, методи”. 2009. №844.
9. Хімченко О. Політичні партії і виборчий процес в умовах розбудови демократичного суспільства : навчальний посібник. К., 2006.

Кубанова Л.В.,

к. п. н., старший научный сотрудник отдела социально-политических проблем
Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СТАБИЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Особую актуальность в последние годы приобрели вопросы повышения качества жизни населения. Представляется возможным говорить о большом потенциале и перспективах исследования качества жизни населения как критерия оценки эффективности управления регионом. Сложившееся мнение о том, что старые подходы к управлению региональными процессами себя не оправдали, является общепринятым тезисом. Между тем наработка новых идей только идет, и задача науки – работать вместе с властью по

определению эффективных путей устойчивой стабилизации регионального социума и улучшения качества жизни его населения.

Главный слоган Главы КЧР Р.Б. Темрезова на официальном сайте Главы и Правительства гласит, что его основная задача как руководителя региона – повышение качества жизни населения Карачаево-Черкесии [1]. В своём Отчете-послании 20 июля 2013 г. Глава КЧР определил приоритетную задачу правительства КЧР – обеспечение надлежащего качества жизни населения.

Реализация целей и задач, обеспечивающих повышение качества жизни населения и сформулированных в основных законодательных актах РФ, по нашему убеждению, наиболее эффективно может осуществляться в рамках региональных программ, направленных на повышение качества жизни. На республиканском уровне реализуются федеральные целевые программы, направленные на повышение качества жизни населения. В период с 2010 по 2014 годы был принят также ряд региональных программ, в центре внимания которых развитие личности каждого конкретного человека.

Решение проблемы качества жизни в Карачаево-Черкесии, как и в других субъектах СКФО, требует, в первую очередь, разработки мер по борьбе с безработицей. Несмотря на официальные данные о темпах снижения уровня безработицы, эта проблема является одной из самых актуальных на протяжении последних лет в республике, что подтверждают данные

социологических опросов. По данным социологического опроса, проведенного в 2011г. проблема безработицы жителями республики была отнесена на 1 место, как самую острую проблему ее отметили 69,8% респондентов [2]. По данным социологического опроса, проведенного в 2012г. проблема безработицы стояла на 2 месте (71,1% опрошенных) [3].

В 2013г. проблема безработицы вновь оказалась на 1 месте. Как самую острую ее отметили 74,2% [4].

В Карачаево-Черкесии реализуются мероприятия, направленные на решение проблем занятости, в соответствии с республиканской целевой программой «Содействие занятости населения Карачаево-Черкесской Республики на 2013–2015 годы» [5] и Программой дополнительных мер по снижению напряженности на рынке труда Карачаево-Черкесской республики в 2013 году [6].

Одной из причин безработицы сегодня в КЧР является невостребованность получаемых профессий выпускниками ВУЗов на рынке труда. По прогнозам аналитиков, через пять лет будут востребованы, в первую очередь, технические специалисты [7]. На сегодняшний день их на рынке труда не так уж много: из-за спада промышленного производства в 1990-х годах технические работники советских времен или переквалифицировались, или ушли на пенсию, а молодежь предпочла получать модные профессии экономиста, юриста, финансиста. Запросы общества на сегодня таковы, что для подъема экономики необходимы специалисты технического профиля и со средним специальным образованием. В результате – структурная безработица: безработные

гуманитарии с одной стороны, и нехватка кадров в реальном промышленном и аграрном секторах, с другой.

Для современной молодежи Карачаево-Черкесии характерны тенденции популяризации и престижа высшего образования. Сегодня высшее образование является одним из важнейших условий успешности. Подавляющее большинство выпускников в республике после окончания школы традиционно поступает в высшие учебные заведения. В Карачаево-Черкесии в ВУЗах учатся около 18 тыс. молодых людей. На сегодняшний день в республике функционирует 13 ВУЗов, включая филиалы. Из них: 2 - федеральных, 7 - филиалы федеральных учебных заведений, 4 - негосударственных [8]. Невостребованность подавляющего большинства выпускников создает предпосылки роста безработицы, т.к. по-прежнему популярнейшими специальностями в КЧР остаются экономика и юриспруденция, о чем свидетельствуют предлагаемые в ВУЗах специальности. Технические специальности предлагает лишь один федеральный ВУЗ КЧР – Север-Кавказская Государственная Гуманитарно-Технологическая академия.

Анализ результатов исследования, проведенного в 2010 г. [9, с.88], позволил выявить явления повседневной жизни, которые вызывают у людей наибольшее беспокойство: это будущее детей, возможность осуществления собственных планов, уровень доходов. Такие проблемы являются значимыми для 39,8%, 37,3%, 29,5% опрошенных соответственно. Среди причин страха за будущее детей названа недоступность бесплатного и качественного образования. Количество ВУЗов в КЧР увеличилось, соответственно возросло и число студентов. Качество преподавания во множестве филиалов региональных и столичных ВУЗов оставляет желать лучшего. Профессорско-преподавательский состав работает по совместительству, во многих ВУЗах отсутствует необходимая материально-техническая база, библиотечный фонд, и т.д. Кроме того, это коммерциализация учебно-образовательного процесса в высшей школе. Вся система филиалов функционирует на платной основе, при этом нередко невысокие цены на образовательные услуги обуславливают относительную доступность высшего образования, но низкий уровень его качества.

На качество жизни населения значительное влияние оказывают экономические составляющие. По данным соцопроса, проведенного в начале 2014г., большинство опрошенных (46,8%) относят себя к среднеобеспеченному слою, 40,3% респондентов считают свой достаток выше среднего, каждый десятый опрошенный считает, что достаток у него ниже среднего, 1,5% опрошенных не обеспечены самым необходимым. Денежные доходы населения в 2013г. увеличились по сравнению с предыдущим годом и составили 13525 руб. на человека, средняя номинальная заработная плата также увеличилась и составила 18811 руб., реальная заработная плата составила 105% по отношению к прошедшему году.

Экономически жители республики в основном ориентированы на вторичный и третичный секторы экономики – сферу посредничества, услуг и торговли. Значительная часть занимается сезонными видами труда. Не развивается аграрный сектор, определенный как приоритетный. Сельское хозяйство КЧР по уровню развития находится на одном из последних мест в России. Глава КЧР Р.Б. Темрезев отмечает, что в развитии АПК Карачаево-Черкесия отстает от соседей: «Мы только стремимся к тому, чего они уже достигли» [10].

В целом сохраняются элементы архаизации экономики. Отсутствие реального сектора экономики в КЧР лишает ее возможности обеспечения устойчивого и поступательного развития. Преобладание в экономике Карачаево-Черкесии сферы услуг и ее значительная нерыночная часть, низкий уровень развития инфраструктуры не позволяют сформировать в экономике республики основу современного опережающего экономического роста. В совокупности кумулятивное действие указанных факторов придает экономике Карачаево-Черкесской республики неустойчивый характер и задает ее инерционную динамику. В целом же это отражается на качестве жизни населения, воспроизводстве и развитии человеческого капитала.

Исправить сложившуюся ситуацию призвана «Стратегия социально-экономического развития Карачаево-Черкесской Республики до 2035 г.», которая вобрала в себя все направления развития муниципальных образований, и Программа социально-экономического развития республики на 2014-2018 годы. При разработке программных документов учитывалось мнение населения на основе проведенных на территории муниципалитетов социологических опросов. В «Стратегии развития КЧР до 2035 года» и Программе социально-экономического развития республики на ближайшие пять лет отражены основные мероприятия по развитию и совершенствованию всех отраслей региональной экономики и сфер жизнедеятельности [11].

Главным результатом реализации программных мероприятий должна стать положительная динамика основных индикаторов, характеризующих социально-экономическое положение республики. С учетом более низких стартовых возможностей региона эта динамика должна опережать российские темпы, в противном случае разрыв будет только возрастать.

Важный эффект, который может быть достигнут при реализации программно-целевого подхода, заключается в улучшении инвестиционного климата и снижения инвестиционных рисков. Очевидно, что социальный эффект должен появиться вслед за улучшением экономических показателей. Поэтому одним из приоритетных направлений деятельности нынешнего руководства республики является инновационная политика. В Карачаево-Черкесской республике принят республиканский закон «О государственном стимулировании инвестиционной деятельности в КЧР» [12], предусматривающий разные меры поддержки инвесторов и создания благоприятного инвестиционного климата в регионе. В соответствии с законом, стимулирование инвестиционной деятельности осуществляется за

счет предоставления инвесторам, реализующим в республике приоритетные инвестиционные проекты, ряда преимуществ, в том числе, налоговых преференций, льготных условий пользования природными ресурсами в соответствии с действующим законодательством.

Безусловно, меры поддержки инвесторов и создание благоприятного инвестиционного климата в республике себя оправдывают. Есть достаточно много предложений от желающих вложить деньги в экономику республики. По словам Главы республики Р.Б.Темрезова, главная цель состоит не в том, чтобы на «скорую руку» привлечь любые инвестиции, а в том, чтобы привести в регион добросовестных инвесторов, намеренных вкладываться в долгосрочные программы развития, чтобы получить максимальную пользу для республики, имея в виду и дополнительные поступления в бюджеты всех уровней, и создание новых рабочих мест с достойной заработной платой, и, в целом, стабилизацию экономической ситуации в регионе, сохранение чистой экологии [13].

Еще одним реальным инструментом в решении проблем социально-экономического решения проблем в республике является реализация федеральной целевой программы «Юг России». По сути ФЦП «Юг России» - это один из стратегических документов развития конкретной территории, при этом подкрепленный реальными финансовыми ресурсами. В Карачаево-Черкесии на протяжении последних лет в программу входят наиболее значимые мероприятия, направленные на развитие экономики региона [14].

Наиболее крупный инвестиционный проект республики - туристический кластер, первым пилотным проектом которого является всесезонный горный курорт «Архыз», который создан на основе государственно-частного партнерства и где государство берет на себя создание условий для полноценной инвестиционной площадки, а также действует механизм государственной поддержки инвесторов, на которых распространяются льготы особой экономической зоны. Реализация этого проекта, как и многих других, осуществляется в рамках Указа Президента РФ о долгосрочной государственной экономической политике в целях повышения темпов экономического роста.

За последние 3 года объем вложенных инвестиций в КЧР вырос почти в 1,5 раза. В 2011г. на развитие экономики и социальной сферы республики было направлено 14 млрд. рублей, в 2012 году уже 17,9 млрд. рублей, а в 2013г. - 20 млрд. [15]. По темпу роста инвестиций КЧР на 2 месте в СКФО и опережает среднероссийский показатель. По данным министерства экономического развития КЧР, в инвестиционный план Карачаево-Черкесской республики на 2014 год в настоящее время включено 12 инвестиционных проектов общей стоимостью 28,8 млрд. рублей, в результате реализации которых планируется создать около 3000 рабочих мест. Социальным эффектом от их реализации будет создание новых высокопроизводительных рабочих мест, увеличение налоговых поступлений в бюджет республики и, как следствие, повышение уровня жизни и благосостояния жителей республики [16]. Если в 2010 году по

инвестиционной привлекательности Карачаево-Черкесия занимала последнее 83 место среди субъектов России, то за этот небольшой период времени она смогла подняться на 58 место. Выросла численность трудовых ресурсов, растет число занятых в экономике [17].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что предпринимаемые меры по повышению качества жизни в Карачаево-Черкесии в целях стабилизации регионального социума являются эффективными и своевременными. Определенные руководством республики приоритеты развития направлены на обеспечение достойного качества жизни населения, предполагают повышение социальной ответственности органов власти и социальной активности населения.

Список использованной литературы:

1. Официальный сайт Главы и Правительства КЧР. URL: <http://www.kchr.ru/> (дата обращения 30.04.2014).
2. Использованы данные опросов из аналитического отчета по результатам комплексного проекта, реализованного в феврале-августе 2011 года «Модернизационные процессы на Северном Кавказе: региональные элиты и политические партии в контексте вызовов и возможностей XXI века». Данный документ представляет собой аналитический отчет по результатам комплексного проекта, реализованного в феврале-августе 2011 года. При реализации проекта использованы средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 08 мая 2010 года №300–рп.
3. Использованы данные опроса, проведенного на территории КЧР в 2012г. Министерством образования и науки КЧР. Выборка – 1280 респондентов.
4. Использованы данные социологического опроса, проведенного на территории КЧР в феврале 2014г. Объем выборки – 2000 человек.
5. Действующие в 2013 году республиканские целевые программы Управления государственной службы занятости населения Карачаево-Черкесской Республики. URL: http://www.kchr.ru/left_menu/economy/programs/programs16/ (дата обращения 30.04.2014).
6. Программа дополнительных мер по снижению напряженности на рынке труда Карачаево-Черкесской Республики в 2013 году. URL: http://www.kchr.ru/left_menu/social_sphere/employment/Add/ (дата обращения 30.04.2014).
7. Какие профессии будут востребованы на рынке труда к 2015 г. URL: http://www.moeobrazovanie.ru/rinok_truda.html (дата обращения 30.04.2014).
8. Образование молодежи. URL: http://www.kchr.ru/left_menu/social_sphere/youth/youth1/ (дата обращения 30.04.2014).
9. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы // В.А.Авксентьев, Б.В.Аксюмов, Г.Д.Гриценко и др; под ред. Г.Г.Матишова. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – С.88
10. Проценко Н. «Всё просто - я всегда доступен» Журнал «Эксперт-Юг». URL: <http://expert.ru/south/2013/01/vsyo-prosto--ya-vsegda-dostupen/> (дата обращения 30.04.2014).
11. В Карачаево-Черкесии разрабатывается Стратегия развития республики. URL: http://www.kchr.ru/news/detailed/13233/?sphrase_id=3349 (дата обращения 30.04.2014).
12. Официальный сайт Главы и Правительства КЧР. Инвестиционная политика. URL: <http://www.kchr.ru/> (дата обращения 30.04.2014).
13. Глава Карачаево-Черкесии Р. Темрезов: «Мы реализуем проекты, которые принесут максимальный эффект для нашей республики». URL: <http://hghltd.yandex.net/> (дата обращения 30.04.2014).

14. Рашид Темрезов: «ФЦП – «Юг России» - реальный инструмент повышения качества жизни населения республики». URL: <http://www.kchr.ru/news/detailed/14946/> (дата обращения 30.04.2014).

15. Рашид Темрезов: «Сегодня бизнес готов заходить в Карачаево-Черкесию». URL: <http://www.kchr.ru/news/detailed/14836/> (дата обращения 30.04.2014).

16. В инвестиционный план КЧР включено 12 инвестпроектов общей стоимостью 28,8 млрд. руб. URL: <http://admprik.ru/> (дата обращения 30.04.2014).

17. Из выступления директора Департамента инвестиционных проектов, целевых и специальных программ развития субъектов РФ Министерства регионального развития России Нурали Резванова на совещании по вопросам социально-экономического развития республики и реализации «майских» Указов. URL: <http://www.kchr.ru/news/detailed/14430/> (дата обращения 30.04.2014).

Кузина С.И.,
 д. п. н., профессор, зам. декана факультета политологии
 Южно-Российского института управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Ткачев А.В.,
 магистрант Южно-Российского института управления Южно-Российского
 института управления РАНХиГС при Президенте РФ, Управление инспекции
 Ростехнадзора КЧР

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ (ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ)

В современной России системные структурные изменения переводят на новый уровень общественные и хозяйственные связи, создают новые условия их формирования. В разных регионах процессы структурной перестройки имеют разную динамику. Успех цивилизационного развития страны во многом будет зависеть от способности государства, гражданского общества и бизнес-структур объединить свои усилия в каждом субъекте федерации, районе, городе, сельском поселении.

Исследования проблем взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса остаются актуальной задачей в свете необходимости комплексного их изучения, исследования подходов к совершенствованию способов и форм этого взаимодействия, перспектив развития. Очевидно, что политическая ситуация в стране определяется во многом состоянием общественных отношений в ее регионах.

В январе-марте 2013 года в рамках социологического исследования, проводимого Южно-Российским институтом-филиалом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, нами был осуществлен опрос экспертов в сферах государственной гражданской службы, предпринимательства, общественных

и политических организаций и объединений Карачаево-Черкесской республики⁵.

По мнению подавляющего большинства опрошенных, характер взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса в республике достаточно противоречив. На вопрос «Как Вы оцениваете взаимодействие гражданского общества, государства и бизнеса в современной России?» большинство экспертов ответили «скорее отрицательно» или «отрицательно» (62,64 % от общего числа опрошенных). Данный сдвиг в сторону отрицательных оценок во многом можно объяснить кризисным состоянием российской экономики, спадом в реальном и финансовом секторах в предыдущие годы. Однако не менее значимым, чем воздействие текущей экономической ситуации, представляется сохраняющаяся институциональная неопределенность предпринимательской среды и организационная слабость институтов гражданского общества.

Причина невысокой отдачи новых представительных институтов лежит в их неукорененности в структурах рыночной экономики и гражданского общества. Экспертам был задан вопрос «Как Вы считаете, что представляет собой взаимодействие гражданского общества, государства и бизнеса в современной России?». Оценивая взаимодействие гражданского общества, государства и бизнеса в свете реализации интересов перечисленных субъектов, ответы экспертов распределились между тремя предложенными вариантами (1 - отношения, направленные на обеспечение оптимального баланса в реализации интересов всех взаимодействующих субъектов; 2 - отношения между людьми и социальными группами как постоянными носителями качественно различных видов деятельности; 3 - отношения, в которых каждая из сторон стремится к реализации собственных интересов) примерно поровну. Это свидетельство того, что гражданское общество только начинает создаваться, общество в широком понимании еще не определилось не только с терминологией, но и с функциями, ролью и предназначением гражданского общества, в то время как в развитых демократических странах оно служит фундаментом политической системы. А поскольку фундамента еще нет, то вся политическая постройка оказывается неустойчивой. Слабое государство сосуществовало со слабым гражданским обществом. В результате слабая политическая власть, пытаясь осуществить непопулярные меры по либерализации экономики, вынуждена была постоянно останавливаться на полпути, цепляться за традиционные механизмы и способы управления.

На вопрос, касающийся основы взаимоотношений государства, бизнеса и гражданского общества, большинство экспертов (34,10%) ответили, что считают основой партнерские отношения, но вектор развития отношений должно задавать гражданское общество (32,13%), а целями такого взаимоотношения должно стать эффективное решение проблем граждан, улучшение жизни населения.

⁵ Число опрошенных экспертов составило 150 человек.

Данный вывод позволяет утверждать, что в экспертном сообществе есть понимание того, что взаимоотношения между субъектами рассматриваемой системы должны строиться на принципах социального партнерства. Однако это противоречие между реальным существованием и долженствованием. Социальное партнерство предполагает добровольность участия в гражданском диалоге. Но негативная оценка существующей ситуации в ответах на вопрос 2 подтверждает, что принципы социального партнерства еще не стали основой рассматриваемого взаимодействия.

Основным препятствием успешного становления гражданского общества и его взаимодействия с бизнесом и государством в Карачаево-Черкесии многие эксперты считают, что законы не соответствуют условиям реальной жизни (32,99%), а также коррупцию (28,98%). Как видно из ответов, представители экспертного сообщества ждут более решительных действий со стороны государства и местных органов власти на пути демократизации общества и становления правового государства. При этом интересы государства и общества совпадают в области обеспечения правопорядка – считают 16,5% опрошенных, в преодолении коррупции – 13,18% , однако, 35,15% считают, что у государства, бизнеса и гражданского общества интересы разные.

Развитие социального партнерства, как видно из результатов опроса, занесенного в ранг государственной политики, поддерживается большинством экспертного сообщества. Однако, несмотря на это, респондентами указано, что по-прежнему в социальном партнерстве нарушается соблюдение норм законодательства, принцип паритета и доверие в отношениях, принцип полной ответственности за выполнение принятых обязательств. Следствием этого противоречия является неспособность большинства работать, соблюдая все формально-бюрократические процедуры, присущие структурам государственного и муниципального управления, и в результате, общее недоверие в адрес властей любого уровня.

О необходимости диалога власти и общества, большей открытости власти при принятии политических решений говорит цифра 59,04% опрошенных, которые на вопрос «Каков, с Вашей точки зрения, путь повышения эффективности механизма взаимодействия общества, государства и бизнеса?» ответили, что это «повышение прозрачности текущей деятельности органов власти», а также «обеспечение оперативности и полноты решений по проблемным вопросам» (23,13%). Одним из путей привлечения общественности к государственному управлению опрошенные считают необходимость создания консультационных советов при органах власти, проведение «круглых столов», конференций и прочих механизмов реализации диалога власти с обществом.

При взаимодействии власти и общества как социальных партнеров прежде всего необходимо равноправие сторон и доверие в отношениях (22,49%), а также соблюдение норм законодательства (22,05%). При этом главным критерием при оценке эффективности взаимодействия

гражданского общества, государства и бизнеса является уровень жизни и благосостояние населения (65,26%). Такое видение ситуации показывает, что основными целями взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса для экспертов являются: эффективное решение проблем граждан, улучшение жизненного уровня населения, повышение качества предоставляемых государственных услуг, а также создание благоприятной среды для развития бизнеса. Именно эти вопросы, по мнению 89 % участвовавших в опросе экспертов, нужно считать приоритетными при взаимодействии гражданского общества, государства и бизнеса. Вместе с тем, можно заметить, что респонденты почти проигнорировали такой элемент партнерских отношений, как формирование благоприятного общественного мнения. В партнерском процессе представители сторон должны быть заинтересованы в формировании общественного мнения.

Большинство респондентов (65,77% от общего числа опрошенных), отмечает, что социальная ответственность бизнеса заключается в первую очередь в предоставлении дополнительных гарантий трудовому коллективу предприятия (бизнеса), а 56,45% считает, что участие бизнеса в решении социальных проблем может быть через финансирование организаций, решающих социальные проблемы.

Реформы в социальной сфере, направленные на упрочение равенства и повышения сознательности личности, приводят к ликвидации иерархии в обществе, установлению партнерских и рациональных отношений. В качестве результатов политических изменений, содействующих развитию гражданского общества, можно назвать создание дополнительных возможностей для участия граждан в общественно-политических процессах, рост их влияния на процесс принятия политических решений, дальнейшая передача полномочий местным органам самоуправления и др. Среди огромного числа нерешенных социальных проблем, лидирующие позиции продолжает занимать проблема безработицы (33,97%). Действительно, безработица представляет серьезное препятствие сбалансированному социально-экономическому развитию страны. На втором месте стоит индексация зарплат, пенсий, вкладов (20,49%). Укрепление порядка и законности, борьба с преступностью, и с коррупцией (18,31 % в совокупности) занимает третью позицию. Развитию социального партнерства в России, уверены большинство экспертов, мешает отсутствие стабильности и предсказуемости экономической ситуации, неразвитость институтов гражданского общества, коррупция чиновников, пассивность власти.

По вопросу создания эффективного механизма взаимодействия основные надежды респондентов возлагаются как на государство и на персональные контакты должностных лиц государственных органов с руководством компаний – 35,17%. Возможно, здесь зафиксирована специфика традиционного общества небольшой республики, где многие вопросы решаются с помощью личных контактов и связей.

Определяя роль гражданского общества в этом взаимодействии, ряд экспертов считают, что в России скорее нет гражданского общества, чем оно

есть (42,67%), гражданская активность населения ограничивается участием в выборах (41,00%), при этом фиксируется плохая информированность населения о работе общественных организаций, кроме религиозных движений (18,88%), другие им плохо известны. В настоящий момент в большинстве случаев эксперты указывают на то, что наиболее значимой проблемой, с которой сталкиваются общественные организации, является низкая социальная активность населения (17% от общего числа опрошенных), а развитию социального партнерства мешает коррупция чиновников (31,71%). Угрозу национальной безопасности России представляет коррупция (33,14%) и идейно-духовный кризис общества (22,64%).

Важным показателем характеристики полиэтничного региона является мнение экспертов Карачаево-Черкесии, что эффективному взаимодействию государства, гражданского общества и бизнеса мешает межэтническая напряженность (69,71%).

Преобразования в духовной сфере способствуют сохранению и укреплению в обществе таких качеств и ценностей, как доверие, ответственность, терпимость и солидарность, являющихся характерными чертами гражданского общества и условиями легитимации власти в стране и регионе.

В целом, гражданское общество в демократическом государстве является центральным элементом всех изменений, а его модернизация – одним из приоритетов государственной политики. Для реализации этой задачи необходимо не декларативное, а реальное обеспечение гражданам свободы выбора, новых форм самоорганизации граждан. Любое коллективное действие изначально строится на доверии. Построение гражданского общества только на основе развития социальной активности населения без государственного участия будет малоэффективным. Слабое государство не может формировать сильное гражданское общество. Становление гражданского общества происходит в процессе развития самого государства, которое формирует институты гражданского общества сверху и создает условия для активной и творческой самореализации людей. «Сегодня качество нашего государства отстает от готовности гражданского общества в нем участвовать. Наше гражданское общество стало несравненно более зрелым, активным и ответственным. Нам надо обновить механизмы нашей демократии. Они должны «вместить» возросшую общественную активность». [1, с. 48] По мнению Карамзина, если общество не готово к реформам, то лучше их не делать. Как показал социологический опрос, не только власть, но и общество социально-политически сложного региона – Карачаево-Черкесии готово к реформам.

Список использованных источников:

1. Путин В. В. Россия сосредотачивается. Ориентиры. М.:ОЛМА Медиа Групп, 2012.

Куфтов Н.С.,
соискатель кафедры политических наук юридического факультета ФГБОУ ВПО
«Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Проблема различий «столичного» и «провинциального» отношения к российской армии имеет несколько аспектов. В рамках данной статьи тезисно остановимся на факторах, обуславливающих особенности восприятия политической субъектности российской армии на региональном уровне. Под политической субъектностью российской армии мы понимаем тот потенциал, который связан с возможностью оказания влияния на политику российских военнослужащих и членов их семей. Речь идет не только об участии представителей военнослужащих в политических организациях и процессах различных уровней, но и об особенностях голосования военнослужащих и членов их семей на региональных и федеральных выборах.

Важнейшим фактором выступает уровень доверия к российской армии как важнейшему государственному институту, обеспечивающему безопасность и суверенитет общественно-политического и социально-экономического развития страны. По мнению А.И. Смирнова, уровень данного доверия во многом зависит от преобладания различного типа политических и социокультурных ценностей различных социальных групп. Например, «преобладание идеализированных и традиционалистских представлений заметно повышает доверие к армии. Так, среди респондентов, в сознании которых доминируют традиционалистские компоненты, доля лиц, доверяющих армии, почти в 1,5 раза больше, чем среди тех, кто стоит на прагматических позициях (52,3 против 38,4%)» [3, с. 101].

Другим фактором выступает готовность представителей молодежи к службе в армии. Общеизвестно, что пополнение российской армии идет в основном за счет призывников из глубинки, которые идут служить, «чтобы как минимум прокормить себя и хоть чем-то заняться» [1]. Т.е. фактически важнейшим мотивом более позитивного отношения к службе в армии выступает не столько более высокий уровень военно-патриотического воспитания в регионах (хотя и это имеет место), сколько социально-экономический фактор, который обуславливает стремление вырваться из тисков безработицы в депрессивных регионах, получить возможность для доступа к контрактной службе, в органах МВД, и другие возможности за пределами своего региона.

Кризисные события на Украине и возвращение Крыма в состав Российской Федерации повысили уровень доверия к российской армии, в том числе в столице и в других крупных городах страны

По материалам опроса, проведенного ФОМ в апреле 2014 года, «25% россиян оценивают положение дел в армии как отличное или хорошее, 41%

считают его удовлетворительным, 9% – плохим (еще в прошлом году так говорил каждый третий). А потому неудивительно, что россияне стали чаще называть армию «школой жизни», которую должен пройти каждый, а отклонение от службы стало чаще вызывать осуждение. Хотя чем моложе люди, тем чаще они с сочувствием относятся к уклоняющимся от службы и считают, что человек сам должен решать, служить или нет» [2].

На вопрос «Как вы считаете, сейчас в российском обществе преобладает положительное, отрицательное или нейтральное отношение к армии?» 50% респондентов отметили положительный вариант, что в два раза превысило показатели ноября 2012 года. Отрицательную оценку положения дел в армии выбрали всего лишь 6% опрошенных (для сравнения в феврале 2013 года такой вариант выбрали 35% респондентов) [2].

На вопрос «Одни называют срочную службу в армии «школой жизни», по мнению других, это потерянные годы. С какой точкой зрения вы согласны?» вариант «потерянные годы выбрали 16% опрошенных, что в два раза меньше, чем в октябре 2011 года. Вариант «школа жизни» выбрали 72% (в апреле 2012 года 61%) [2].

Материалы опроса показывают, что жители сел чаще других полагают, что каждый молодой человек обязан пройти службу в армии: если в среднем такой вариант выбрали 65% опрошенных, то сельчане – 75%. И, напротив, жители крупных городов и молодые люди с высшим образованием полагают, что молодой человек должен иметь право решать, служить ему или не служить. Если в среднем такой вариант выбрали 30% опрошенных, то жители городов с населением более 1 миллиона – 40%, москвичи – 45%, а молодые люди с высшим образованием – 50%. Эти данные свидетельствуют о том, что, несмотря на подъем патриотических настроений в стране в связи с украинскими событиями, потенциальную готовность отдать свой долг Родине в виде службы в армии проявили, прежде всего, сельчане и жители небольших российских городов. Почти треть опрошенных (32%) относятся с пониманием, с сочувствием к людям, которые уклоняются от службы в армии. Среди жителей крупных городов этот показатель вырастает до 43%, а у москвичей до 45% [2]

Как представляется, данные показатели свидетельствуют о том, что на региональном уровне восприятие политической субъектности российской армии обусловлено традиционалистским восприятием ее как важнейшего государственного института, деятельность которого в большей степени, чем любого другого общественно-политического института зависит от личного участия каждого конкретного гражданина.

Список использованной литературы:

1. Иншаков В.Ф. Российская армия: эволюция общественного мнения: Дис. ... канд. социол. наук. М. 2006.

2. О положении дел в армии и срочной службе. Служба в армии – «школа жизни» или потерянные годы? // URL Режим доступа <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11458> (Дата обращения 1.08.2014 г.)

3. Смирнов А.И. Факторы формирования доверия к российской армии // Социс. 2009. № 11. С. 101.

Ливерко О.В.,
соискатель кафедры политических наук юридического факультета ФГБОУ
ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ

Проблема соблюдения политических прав военнослужащих является одной из типичных проблем, характерных не только для стран с переходной общественно-политической системой (в Турции, например, военнослужащие действительной службы не допускаются к участию в выборах), но и для стран с устойчивыми демократическими традициями. Законодательство США, например, гарантирует американским военнослужащим реализацию основных прав и свобод, но в отдельных случаях с некоторыми ограничениями, в том числе и в отношении избирательного права [1, с. 465]. Пассивное избирательное право военных и солдат в ФРГ, служащих по найму, также может быть ограничено законом [1, с.469].

Вопросы обеспечения и реализации избирательных прав российских военнослужащих регулируются Конституцией Российской Федерации, федеральными законами «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», «О выборах Президента Российской Федерации», «О статусе военнослужащих», «Об обороне», «О воинской обязанности и военной службе», «Законом Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», Указом Президента Российской Федерации «Об обеспечении избирательных прав военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, работников органов прокуратуры Российской Федерации и сотрудников Следственного комитета Российской Федерации» [4, с. 14-15].

В соответствии с данным законодательством военнослужащие (срочники и контрактники) обладают активным избирательным правом на выборах федерального уровня, а также на выборах депутатов

законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Однако военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, имеют право выбирать органы местного самоуправления только в том случае, если они проходят службу по месту жительства. Т.е. большая часть военнослужащих, проходящих срочную службу вне своего региона, лишены права формировать органы местного самоуправления.

Данное ограничение обусловлено тем, что местное самоуправление — это самоуправление жителей определенной территории, объединенных общими интересами и целями, представляющих собой самоуправляющийся территориальный коллектив [3, с. 167]. В связи с тем, что срок службы по призыву составляет 12 месяцев, то срочники «теоретически могут пропустить выборы только одного созыва при условии, что они проходят военную службу в муниципальном образовании (субъекте Российской Федерации), не являвшемся местом их жительства до призыва» [4, с. 15].

Более того, по предложению депутата Государственной Думы от ЛДПР С. Катасонова, в феврале 2014 года были внесены поправки к 17-й статье закона «Об основных гарантиях избирательных прав...», которые касаются россиян, проходящих военную службу по призыву в воинских частях, военных организациях и учреждениях, расположенных не в том субъекте федерации, откуда человек призывался [2]. В соответствии с ними, военнослужащих по призыву могли лишить права участия в выборах губернатора и законодательного органа того региона, где они служат. Как отмечалось в пояснительной записке к законопроекту, военнослужащие, не связанные с территорией, где проходят срочную службу, не могут объективно оценивать кандидатов. Но главный аргумент заключался в отсутствии свободного волеизъявления у военнослужащих: «практика избирательных кампаний показывает: явка солдат-срочников на выборы составляет 99,9% при куда более низких показателях у других категорий избирателей» [2]. Т.е. солдаты голосуют по приказу командира, который в свою очередь ориентируется на те установки, которые ему навязывает местная администрация.

Среди предложений решения данной проблемы наиболее обоснованы два варианта. Первый – это предоставление военнослужащим-срочникам кратковременного отпуска для поездки домой и реализации своего активного права на выборах в органы местного самоуправления. Несмотря на кажущуюся простоту, правовую обоснованность и социальную справедливость данного решения, оно не получает поддержки в связи с его высокой себестоимостью (бюджеты муниципалитетов достаточно скромны и возложение на последних обязательства оплачивать проезд военнослужащих от места службы до места постоянного жительства и обратно будет очень накладным особенно с учетом огромных размеров нашей страны и того обстоятельства, что до места службы «только самолетом можно долететь»). Кроме того, в этом случае возникают правовые коллизии, обусловленные

невозможностью равного обеспечения данного права для всех военнослужащих. Дальние морские походы, участие в выездных маневрах и учениях, трудность замены на период отпуска в небольших подразделениях объективно затрудняют полную реализацию данного активного избирательного права.

Более дешевым и реальным представляется вариант дистанционного голосования с помощью технологий интернет и sms посланий. Однако и в этом случае возникает ряд правовых коллизий, связанных с нарушением важнейших принципов избирательного голосования (свободное, тайное волеизъявление). Технически данный вариант реализуем без особых сложностей для большинства военнослужащих, кроме тех, кто проходит службу в условиях строгой засекреченности объекта и в условиях отсутствия интернет и мобильной связи.

Как представляется, устранение данной проблемы в полном объеме не имеет положительного решения на ближайшую перспективу по ряду причин. Первая обусловлена тем, что сама проблема не воспринимается как значительная в силу кратковременности своего проявления для граждан, проходящих 12 месяцев срочной службы. Вторая связана с тем, что данная проблема достаточно локальна с точки зрения затрагиваемой социальной группы призывников, т.к. периодичность муниципальных выборов накладывается лишь на их небольшую часть. Третья, к сожалению, обусловлена тем, что не только призывники, но и вся молодежь в значительной своей части не воспринимают политическую значимость муниципальных выборов и относятся к ним равнодушно. Поэтому изменить ситуацию в обеспечении избирательных прав военнослужащих в лучшую сторону можно, прежде всего, повышением роли системы местного самоуправления в нашей жизни.

Список использованных источников:

1. Военно-административное право (военная администрация): Учебник. М.: «За права военнослужащих». 2008. Вып. 90.
2. Солдат-срочников хотят лишить избирательного права // Известия. 2014. 14 февраля.
3. Фадеев В. И., Рауткина Н. И., Миронов Н. М. Муниципальные выборы в Российской Федерации: Учебное пособие. М.: Норма, 2006.
4. Чуров В., Волков В. Особенности организации голосования военнослужащих в Российской Федерации // Журнал о выборах. 2011. № 2. С. 14-18.

Луценко О.А.,
соискатель кафедры политических наук юридического факультета ФГБОУ ВПО
«Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

ЛОКАЛЬНЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ КАК ФАКТОР РИСКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Различные межгрупповые отношения, существующие в обществе, состоят из конфликтов и сотрудничества, которые находятся между собой в неразрывной связи. Среди межгрупповых конфликтов принято выделять, во-первых, политические конфликты, во-вторых, социальные или социально-экономические конфликты и, в-третьих, этнические конфликты, возникающие по поводу прав и интересов этнических общностей [2, с.579-594].

На протяжении последних десятилетий проблема этнических конфликтов является весьма актуальной в силу того, что конфликты подобного рода зачастую становятся источником политической нестабильности и общественных противоречий и являются достаточно трудноразрешимыми, очень часто выходя за рамки региональных и внутригосударственных.

Стоит отметить, что этнические конфликты характерны, прежде всего, для многонациональных государств, какими являются большинство стран современного мира. В основе таких конфликтов могут лежать, например, территориальные споры, дискриминация национальных меньшинств, нарушение прав человека. В более развитых странах в основе этнических конфликтов, как правило, лежит социальное неравенство. Зачастую главной целью этнического конфликта становится получение автономии или политической независимости. Такое стремление к отделению или обособлению оказывает большое дестабилизирующее воздействие на весь мировой геополитический порядок.

Можно выделить несколько универсальных факторов, по которым возможно предсказать начало этнического конфликта. К первому фактору следует отнести наличие группы, которая относится к национальным или религиозным меньшинствам, и требующей большей автономии, чем она имеет. Достижение конечной цели может осуществляться политическими и экономическими методами.

Если национальное меньшинство имело когда-то свою собственную государственность и по каким-то причинам ее утратило, тем более если утрата независимости произошла в относительно недавнем прошлом, то в данном случае риск возникновения этнического конфликта может увеличиться на 60%.

Чем выше организованность группы, ведущей борьбу за независимость, тем выше риск возникновения этнического конфликта, так как возрастает вероятность, что такая группа может начать вооруженную борьбу.

В качестве еще одного из факторов риска возникновения этнического конфликта можно назвать нестабильную демографическую ситуацию в регионе. Чем выше рождаемость в той или иной этнической группе, тем больше вероятность, что эта группа начнет выступать за независимость и самоопределение. Низкий уровень рождаемости в регионе обычно компенсируется притоком мигрантов из других областей.

Зачастую фактором риска начала этнического конфликта становятся дискриминация и репрессии в отношении какой-либо этнической группы со стороны центрального правительства. Интересен и тот факт, что разговоры о независимости и самоопределении зачастую начинались после смены политического режима на демократический. И если этническая группа в прошлом уже вела подобную борьбу за независимость, то вероятность повтора такой борьбы в будущем возрастает в несколько раз.

Существует большое количество подходов к определению типов конфликтов и этнических в том числе [4]. Выделяют конфликты, происходящие на межгосударственном уровне, внутри государства, конфликты, в которые вовлекаются аборигенные меньшинства (например, лезгины в Азербайджане и Дагестане) либо насильственно переселенные меньшинства (крымские татары) и др.

В силу того, что большинство государств современного мира представляют собой многонациональные образования, на территории которых проживает значительное количество национальных меньшинств, то каждое из таких государств может стать ареной для возникновения межэтнических конфликтов. С начала 90-х годов XX в. более трети государств столкнулись с внутренними конфликтами, большинство из которых имели, в том числе и этнические причины. И целью половины из всех конфликтов являлось отделение этнического региона от государства.

Кроме того, что этнические конфликты очень сложно поддаются урегулированию, они крайне опасны в силу того, что обладают разрушительными последствиями не только для сторон, в них участвующих, но и для всего мира. Особые опасения вызывает рост числа беженцев и перемещенных лиц, но кроме того существует опасность, что этнический конфликт зачастую может перерасти в геноцид.

Со второй половины 80-х годов XX в. этнические конфликты стали реальностью и на территории бывшего СССР в связи с резким обострением межнациональных отношений [3, с. 98]. Конфликты на этнополитической почве произошли один за другим на территории Средней Азии, Приднестровья, Северного Кавказа, Поволжья и в других регионах. Наиболее типичными причинами данных конфликтов были, во-первых, стремление национальных меньшинств реализовать свое право на самоопределение, а во-вторых, проблемы, связанные с разделом бывшего союзного наследства [1, с. 16]. В силу полиэтнического состава населения бывшего СССР любой внутренний конфликт приобретает этническую окраску, поэтому грань между социальными, политическими и этническими конфликтами трудно определима.

В истории современной России также не обошлось без этнических конфликтов, опять же благодаря крайне многонациональному составу населения РФ. Но, в отличие от конфликтов на территории бывшего СССР, основными причинами нынешних конфликтов были либо стремления республик, входящих в состав РФ, добиться большего объема прав или вообще стать независимыми государствами, либо территориальные противоречия между субъектами федерации, либо противоречия между интересами различных этнических групп. На отдельных территориях основным фактором этнической напряженности выступают миграционные процессы, сильно обостряющие обстановку.

Этническая напряженность в отдельных регионах сохраняется в силу того, что до сих пор не решены вопросы федеративного устройства, уравнивания прав субъектов федерации. Кроме того, немаловажное значение играет экономический и социальный фактор. Этнические конфликты в первую очередь обусловлены снижением материального, культурного, образовательного уровней населения. Зачастую и средства массовой информации провоцируют различного рода этнические конфликты тем, что не всегда компетентно подходят к вопросам межнациональных отношений.

Таким образом, этнический конфликт, являющийся тормозом в решении вопросов общественной жизни людей различных национальностей, представляет собой крайне нежелательное явление в жизни любого общества. Негативные последствия этнических конфликтов обусловлены не только прямыми потерями среди населения, они также осложняются прямыми потоками беженцев. Кроме того, к последствиям этнических конфликтов можно отнести нестабильную экономическую ситуацию, следствием которой становится возрастающая безработица, прежде всего, среди молодежи, люмпенизация значительной части населения. Полностью нейтрализовать этнические конфликты достаточно сложно, однако возможно сгладить их негативные проявления путем осуществления государством комплекса мероприятий, направленных на улучшение социально-экономического положения этнических групп, осуществлением взвешенной миграционной политики, а также внутренней политики, ориентированной на поддержание конструктивных межэтнических и межнациональных связей.

Список использованной литературы:

1. *Амелин В. В.* Межнациональные конфликты на рубеже 80-90-х годов. - М., 1993. С.16.
2. *Здравомыслов А.Г., Матвеева С.Я.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве // Вестник российской академии наук. Т.65. 1995, №7. С. 579-594.
3. *Тишков В.А., Филиппова Е.И.* Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. М., 2001. С. 98.
4. *Шабаев Р.* Моделирование и прогнозирование этнических конфликтов // URL: http://chaosandcorrelation.org/Chaos/R62_2010.pdf (дата обращения 10.06.2014).

Митрохин В.А.,
д. и. н., профессор кафедры политических наук юридического
факультета ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ЭМИГРАНТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Первые годы пребывания в эмиграции качественным образом повлияли на мировоззрение бывших подданных Российской империи, заставили пересмотреть годами складывавшиеся представления и ценности. Рассеянные по разным, преимущественно европейским, странам россияне не только решали насущные экономические и бытовые проблемы, связанные с адаптацией в новых условиях, но и обретали уникальный политический опыт, который рассчитывали применить в посткоммунистической России.

Не последнюю роль в формировании общественной позиции эмигрантов играла ожесточённая идейная борьба, развернувшаяся в межвоенной Европе и напрямую связанная с ней политическая практика. Повышенный интерес в русской среде вызывала западная демократическая система, функционирование её институтов. Подробно исследовался вопрос взаимодействия русского и западного общественных укладов.

Одним из дискуссионных вопросов стал европейский парламентаризм, деятельность которого вызывала разноречивые суждения и вызывала пристальный интерес. Мнения как всегда разделились. Часть представителей эмигрантской политической элиты (В. Станкевич, А. Салтыков, А. Керенский, П. Миллюков) разделяли и поддерживали европейские парламентские ценности. Например, Павел Николаевич Миллюков связывал будущее российского государства со «свободной игрой демократических сил», политической конкуренцией в рамках парламентской системы. Будучи приверженцем такого подхода, он неоднократно выступал с трибуны французского парламента по приглашению местных законодателей и артикулировал свою позицию.

Однако исследование эмигрантской литературы и периодики позволяет нам утверждать, что подобное восприятие парламентаризма не являлось доминирующим. События 1-й мировой войны, а также реакция западных стран на последовавшие затем революцию и Гражданскую войну послужили решающим основанием для пересмотра взглядов многих представителей первой волны эмиграции. Традиционная влюбленность российской элиты в Европу сменилась разочарованием, а зачастую жестким неприятием общественного уклада и западных политических ценностей.

Достаточно показательна в этой связи позиция бывшего декана историко-филологического факультета Саратовского университета С.Л. Франка. Автору нашумевшей книги «Крушение кумиров», как, впрочем, и его соратникам, открылись новые, неведомые раньше черты духовного мира

«цивилизованной» Европы [10, с. 3, 25]. Среди многих «кумиров», рухнувших в сознании русских эмигрантов под влиянием европейских событий, был и «кумир политики», «политического фанатизма вообще», с их непременным атрибутом - парламентской конкуренцией [10, с. 25].

Весьма красноречивую и малоизвестную оценку европейским парламентариям дал один из лидеров зарубежья генерал П.Н. Врангель. С его точки зрения это «карьеристы, интриганы, люди, жаждущие власти и популярности... готовые поступиться своими взглядами и убеждениями ради этой власти», а среди них «лидеры партий - сознательные или слепые рабы утопий и идей» [1, с. 26]

Солидарную с П.Н. Врангелем позицию занимал другой эмигрантский автор – сторонник монархизма Н.Е. Муров. Он считал, что европейская парламентская система обеспечивает контроль и манипуляцию в отношении общества, ослабляет позиции государства: «Государственной власти надо помогать, парламент же есть собрание безответственных перед народом людей, пришедших «подсидывать» власть в личных целях и тем её растлевать... приходят люди второго сорта, шустрые, болтливые изворотливые...». Сам принцип борьбы партий, по мнению Мурова, есть «недоверие к власти и осада власти» [7, с. 77, 93].

А.В. Меллер-Закомельский в изданной в 1923 году в Париже книге полемизирует по вопросам парламентаризма с одним из авторитетов эмиграции Д.С. Пасмаником. Рассуждая о будущем России, автор считает недопустимым «менять коммунизм на европейский парламентаризм...эту западно-европейскую гниль, мертворождённую идею, в смертных одеждах которой задыхается и гибнет государственная жизнь всей Европы» [6, с. 42].

Русские эмигранты- монархисты отмечали ещё одну, смущавшую их особенность парламентской системы- зависимость от денег. Б. Тур в статье «Учредительное собрание» на примере США убеждал читателей, что в «демократиях» деньги играют подавляющую роль - «выборная кампания в Соединённых Штатах обходится борящимся за власть партиям в сотни миллионов долларов» [2]. Аналогичную позицию занимал Тимофей Локоть, утверждавший, что «политические партии контролируются богатыми людьми» [5, с. 8].

Весьма критично к западным выборам относились русские евразийцы. По их мнению, результатом «заискивания перед избирателями», «неисполнимых обещаний» является фактическое отстранение народа от политической власти. С точки зрения Л.П. Карсавина на западе «вся власть сконцентрирована в небольшом и оторванном от народа правящем слое, на авансцене которого вертятся парламентарии и журналисты» [4, с. 220].

Другой лидер евразийства, Н.С. Трубецкой, был убеждён в том, что деспотизм возможен при любой форме власти, включая демократическую [9, с. 296–297]. Солидарную с евразийцами позицию занимал Н.В. Устрялов и С.В. Дмитриевский. Грядущий политический миропорядок, как считал последний, будет созидаться «не в пропитанных ложью и предательством

кулуарах парламентов, не в канцеляриях продажных соглашательских партий и не в затхлых редакциях «демократической» прессы», а «там, где народ». С точки зрения С.В. Дмитриевского, «мещанская демократия» обречена самой историей. Предстоящие испытания вынудят монополистический капитал перестроить несоответствующую запросам времени структуру власти: «Все публичные дома политики сегодняшнего дня, вероятно, будут разогнаны и закрыты» [3, с. 16].

Доминирующий критический подход в отношении европейского либерализма и связанного с ним парламентаризма подытожили в конце 30-х годов «солидаристы» в легендарных «Зелёных романах». Особые нарекания у них вызывала «партийная грызня» и следующие за ней выборы. По мнению сторонников этого эмигрантского течения, европейские партии в погоне за голосами дают «несбыточные обещания», а сама пропаганда партийных взглядов и программ требует внушительных средств. «Нередко партии, стоящие у власти, достают деньги из государственной казны», выборы же с их участием превращаются в «унизительную для серьёзных государственных работников шумиху» [8, с. 11]. Сформированный по итогам конкурентной борьбы парламент, «по идее долженствующий быть носителем «воли народной» превращается в арену для сведения партийных счётов» [8, с. 11].

Программное заявление лидеров НТС НП в отношении европейского политического порядка больше напоминает строки из приговора: «Мы отмечаем либерализм, ведущий к деспотизму партий, экономической анархии и духовной опустошённости» [8, с. 15]. Этот подход разделяла весьма значительная часть российской эмиграции.

Список использованной литературы:

1. Врангель П. Н. Начертание зверя. Берлин, 1923.
2. Двуглавый орёл. 1921. № 5 от 1 апр.
3. Дмитриевский С. В. Сталин. Берлин, 1931.
4. Карсавин Л. П. Основы политики. Евразийский временник. Париж, 1927.
5. Локоть Т. В. Завоевания революции и идеология русского монархизма. Берлин, 1921.
6. Меллер-Закомельский А.В. Страшный вопрос о России и еврействе. Париж, 1923.
7. Муров Н.Е. Плоды народовластия. Париж, 1923.
8. Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Курс национально-политической подготовки. Белград, 1939.
9. На путях: утверждение евразийцев. Берлин, 1922. Кн. II.
10. Франк С. Л. Крушение кумиров. Берлин, 1924.

Морозов С.И.,
к. п. н., доцент кафедры политологии Волгоградского
государственного университета
Костина Е.М.,
студент направления подготовки «Политология» Волгоградского
государственного университета

ОТКРЫТОСТЬ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[1]

Современные формы взаимодействия институтов гражданского общества, отдельных граждан, с представителями органов государственной и муниципальной власти все более дифференцируются, приобретая при этом собственные, уникальные характеристики. Безусловно, все многообразие форм такого взаимодействия может быть объяснено в терминах политико-коммуникативного взаимодействия, прямых и обратных каналов связи.

Однако развитие возможностей сети Интернет делает данную классификацию чрезмерно упрощенной. Развитие информационных технологий, повышают значимость Интернет-пространства не только как «места знакомства-общения и приятного проведения досуга», или альтернативного способа покупок и заказа услуг за счет более выгодного и эффективного удовлетворения спроса/предложения. Кроме того, современное Интернет-пространство становится все более политичным, объединяя и вовлекая в обсуждение наиболее актуальных политических проблем значительные массы населения, локализованные в совершенно разных регионах страны и мира. Таким образом, современная нетократия, дословно переводимая как власть сетей, основной ресурс которой - информация, формирует новую реальность, особые знания и технологии. Тот, кто умеет оперативно преподносить информацию, интерпретировать ее и управлять ею, управляет и теми социально-политическими общностями людей, которые являются её потребителями.

Как следствие современных тенденций – вовлечение в своеобразную «Интернет-политику» институтов государственной власти. Органы государственного и муниципального управления вынуждены разрабатывать и наполнять соответствующим контентом собственные сайты в соответствии с логикой электронного правительства, объединяющиеся в единый портал государственных услуг. Но если создание электронного правительства было приоритетом президентства Д.А. Медведева и в последующем – профильного министерства в его кабинете министров, то в субъектах Российской Федерации (в силу объективных или субъективных материальных трудностей) – региональные власти ограничиваются лишь демонстрируемыми попытками наладить каналы коммуникации с населением в форме Интернет-приемной, on-line регистрации обращений граждан и т.п. Следует признать, что в ряде случаев такая форма

политической коммуникации представителей региональной власти и местных сообществ – скорее не эффективное использование современных информационных технологий в процессе государственного управления, а попытка искусственно дистанцироваться от населения и актуальных проблем посредством дополнительного усложнения и «обезличивания» контактов с людьми.

В противовес данным тенденциям неправительственные организации, ассоциации гражданского общества и политически-активные граждане чаще используют Интернет, преимущественно как основной канал распространения собственных идей и взглядов, а также суждений о характере и качестве деятельности представителей федеральных и региональных органов государственной власти. Помимо этого, большинство российских политических лидеров, а также огромное количество политически-активных рядовых пользователей сети ведут блоги, публикуют статьи в Интернете, создают аккаунты в социальных сетях. В результате этого блоги, новости в Twitter стали уже настоящим социально-культурным феноменом, формирующим сетевого актора гражданского общества. В такой ситуации есть некое равноправие позиций участников для ведения диалогического общения, в котором осуществляется ненавязчивое общение с широким кругом друзей, знакомых и т. д. Таким образом, осуществляется взаимодействие с другими пользователями Интернет-пространства.

В результате этого, Интернет-пространство становится все более важной составляющей в коммуникативном взаимодействии как внутри властных структур, так и в их отношениях с другими со структурами гражданского общества. Так как суть системы властных отношений подразумевает взаимодействие и взаимовлияние, то она наиболее полно выражается не только в самом акте коммуникации, то есть процессе передачи и обмена информацией (сообщениями), но также и в способах их смысловой и ценностной интерпретации. Это позволяет политическим акторам выдвигать требования и демонстрировать реакцию на их осуществление или неосуществление, а также осуществлять функции публичного управления и контролировать ситуацию. Тем самым, становится все менее возможным не считаться с широким развитием средств массовой коммуникации и значительно возросшим информационным воздействием со стороны различных институциональных субъектов публичной политики. Этим во многом объясняются регулярные инициативы представителей органов государственной власти и управления в установлении ограничений публичности формировании инструментов контроля информационного Интернет-пространства, ради сохранения собственного престижного статуса и высокой степени автономности от общественно-политических структур.

Однако, публичная политика при нетократии не замыкается на одном виртуальном пространстве, переходя границы виртуального пространства в реальную жизнь. В данной связи особый интерес представляют возможности публичной власти и Интернет-пространства как эффективных инструментов антикоррупционной политики. Открытость и публичность деятельности

институтов государственной и муниципальной власти, а также широкая доступность отчетов и результатов их деятельности в сети Интернет являются не только фактором, повышающим степень добросовестности и подотчетности власти населению. Важна также и все более распространяющаяся практика гражданского контроля и широкого общественного наблюдения за «чистотой и прозрачностью» принимаемых решений, осуществляемых госзакупок, иных разрешительных / запретительных административных практик в деятельности государственной и муниципальной власти.

Примеров тому – все больше и разнообразнее в современной мировой и отечественной практике, когда Интернет являлся серьезным мобилизационным средством, принуждающим государственные контролирующие структуры обращать внимание на резонансные массовые акции против коррупционных практик в эшелонах власти. Например, массовые протесты в Тунисе (2010–2011 гг.), когда протестующие для координации своих действий активно использовали социальные сети (Facebook); публикации WikiLeaks материалов о коррупции, способствовавшие привлечению внимания к данной проблеме и содействующие следственным процедурам. Что касается случаев в России, то среди наиболее ярких тому примеров можно с некоторыми оговорками назвать Интернет-проект «РосПил», направленный на контроль за расходованием бюджетных средств в сфере государственных и муниципальных закупок, закупок госкомпаний, резонансные обвинительные материалы Фонда борьбы с коррупцией А. Навального. Хотя следует признать известную одиозность этих проектов, а также их PR-составляющую по отношению к оппозиционным политическим силам.

Таким образом, наглядны и очевидны возможности сети Интернет не только в преобразовании коммуникативного взаимодействия государства и гражданского общества в пространстве публичной политики посредством интерактивного диалога на основе информационных технологий и современных средств связи, и, как следствие, - появлении новых возможностей для расширения свободы слова и доступности информации. Ног также это и значимый инструмент антикоррупционной политики РФ, создания условий для открытости принятия управленческих решений на всех уровнях власти, минимизации возможностей использования коррупционных схем и «откатов». В перспективе, эти возможности будут способствовать реформированию методов и средств государственного управления, принятию эффективных политических решений, а, следовательно, упрочению основ правовой государственности в России.

Примечание:

[1] Работа выполнена в рамках реализации Гранта РГНФ № 14-13-34008 на тему «Инновационные ресурсы и технологии противодействия коррупционным практикам в административно-политическом пространстве Волгоградской области: региональная специфика минимизации модернизационных рисков и угроз». Региональный конкурс РГНФ «Волжские земли в истории и культуре России» 2014 – Волгоградская область.

Никоненко С.А.,
к . п . н., преподаватель Тамбовского государственного университета
имени Г.Р. Державина

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Исследование структурных элементов общества является актуальным для современной России. От их осмысления и понимания во многом зависит оценка зрелости как самого общества, так задач его развития (темпы, векторы формирования), степень готовности страны и её населения участвовать в модернизационных процессах. Важное значение и наибольшую остроту в дискуссиях о структуре и институтах общества обрела проблема его соотношения с политической жизнью и особенно вопрос о месте политических партий в системе «государство – гражданское общество».

Одним из главных тезисов, выдвигаемых в настоящей статье, - партии являются связующим звеном между государством и обществом, которые обеспечивают целостность и устойчивость политической системы. Существование политических партий в равной мере невозможно как без общества с его многообразными интересами, агрегирование и представительство которых осуществляют партии, так и без государства, олицетворяющего публичную власть в обществе [6, с. 28]. Р. Даль, анализируя гражданскую активность в демократическом обществе, отмечал, что политические партии и общественные организации должны влиять на правительство путем участия в выборах и другими мирными способами [3, с. 77].

На изменение роли партий в системе политических институтов гражданского общества оказывают влияние СМИ, которые все больше берут на себя коммуникативную функцию в отношениях между государством и обществом, изначально являвшуюся прерогативой партии [1, с. 92-105]. Нередко эксперты и политологи в области организации и проведении выборов называют СМИ «четвертой властью». Предвыборная агитация на страницах СМИ занимает центральное место в избирательной кампании политической партии. И.Н. Панарин агитацию в СМИ назвал «информационной войной» [12, с. 15].

Стоит отметить, что в последнее время укоренился тренд на широкую популярность электронных СМИ в виде социальных сетей, блогов и живых журналов. В российском обществе блоги - повседневная реальность. Виртуальное общение и ведение дневников – это не только модный и современный тренд, но и технология политического воздействия на массы. Записи в «Живых Журналах», или на языке Интернет-пользователей – посты, способны вызывать в обществе реакцию на происходящие общественные процессы и мобилизовать политически активную часть гражданского общества. Тиражируемость и охват политических сообщений в блогах

обеспечивается путем цитирования в СМИ, которые в условиях развития Интернета всё чаще и чаще обращаются к «Живым Журналам» в поисках источника социально-политических событий.

Не секрет, что онлайн ресурсы приобретают всю большую популярность среди пользователей. Обратимся к статистике. Если в 2007 г. аудитория социальной сети Odnoklassniki.ru составляла 4 млн. пользователей, то на 26 апреля 2012 г. число зарегистрированных аккаунтов достигло 135 миллионов [4]. В тоже время, самым крупнейшим в России является социальная сеть Vkontakte.ru. По данным на февраль 2013 г., на сайте зарегистрировано более 200 млн. пользователей. При этом более 45 млн. посетителей заходят на сайт каждый день [5].

При этом самыми популярными сайтами, которые предлагают ведение блогов или «Живых Журналов», стали Twitter, Livejournal, Facebook и Blogger. Через данные ресурсы поступают информационные поводы и проекты, в том числе в области избирательного процесса. В последние время с помощью онлайн-дневников стало возможным проводить мониторинг и анализ социальных настроений «тлеющих» в недрах формирующегося гражданского общества в России.

Ситуация на политическом пространстве накануне парламентских выборов 2011 г. мало беспокоила власть, которая упустила, по выражению Э.А. Зелетдиновой, «виртуальный митинг недовольных в социальных сетях», который постепенно нарастал в течение года [7, с. 192]. Высказываемые настроения Интернет-пользователей были уже таковы, что выиграть от их мобилизации могли все, кроме власти. Перед оппозицией встала довольно простая задача - побудить этих людей оторваться от компьютера в день выборов и пойти голосовать. Именно возросшая роль Интернета и блогосферы стала одной из главных особенностей электорального цикла 2011-2012 гг.

Сейчас с помощью Интернет-технологий в XXI веке стало возможным многое. Например, свержение политических режимов. В электронном пространстве сформирован особый электоральный слой, который носит сейчас название политическая блогосфера [16]. Она различна по своему социально-возрастному составу, но схожа в одном – есть чёткое нарастание именно в этой среде оппозиционно настроенного электората по отношению к действующей власти. Можно прогнозировать дальнейшее усиление данного процесса. На наш взгляд, проблема на сегодняшний день заключается лишь в том, что этот социальный слой разобщён: у оппозиционно-настроенной части блогосферы нет единой стратегии действия, идеологии, лидера. «Движение» данного электорального кластера хаотично и спонтанно, но его можно мониторить, так как Интернет есть как у сторонников действующей власти, так и оппонентов.

На данный момент сами блоггеры и онлайн-дневники приравнены к СМИ, что существенно усложнит деятельность таких популярных проектов как «Роспил», «Росяма». Федеральным законом от 05.05.2014 № 97-ФЗ в целях упорядочения обмена информацией с использованием

информационно-телекоммуникационных сетей внесены изменения в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты РФ [11]. Считаем, что новые тенденции в законодательном регулировании деятельности блоггеров послужат сигналом к более тщательному фильтру информации и суждений, с одной стороны, и закрытию ряда блогов, с другой. Однако есть и преимущества, которые заключаются в получении легальной прибыли от ведения блога. Уже сейчас крупные госкомпании готовы вкладываться в положительное позиционирование себя в социальных сетях и блогах [8].

В связи с этим представляется интересным исследование Б. Новека, который предлагает поставить Интернет и технологии совместной работы с информацией на благо развития государства, то есть создать новые механизмы решения задач как на местном, региональном, так и на общенациональном уровне. Автор выдвигает идею создания wiki-правительства – новой культуры управления государством, заключающейся в привлечении к удаленной работе граждан, владеющих уникальными компетенциями и готовых предложить стране свои опыт и знания [10, с. 173].

Г. Греф, говоря о неучастии широких слоев российского общества в государственном управлении, предлагает вовлечь неравнодушных, умных, талантливых людей, обладающих гражданской активностью, интересными и продуктивными идеями, способностью к инновационному мышлению и эффективному социальному проектированию в новый класс инновационных сетевых систем, объединенных названием «краудсорсинг». Суть краудсорсинга состоит в том, чтобы в этот творческий процесс с помощью специальных технологий и методик вовлечь огромное количество неравнодушных людей и организовать их работу так, чтобы решение всегда было найдено [2, с. 3].

На уровне российского государства не так давно стали возможными проекты мониторинга и обсуждения законодательных проектов с обществом. Например, федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации должны раскрывать информацию о разрабатываемых ими проектах нормативных правовых актов, а также проводить соответствующее общественное обсуждение на специализированном государственном портале [14]. В последнее время все значимые законопроекты проходят процедуру общественных обсуждений на площадках «Открытого правительства» и на сайтах профильных ведомств. Население очень активно участвовало, например, в обсуждениях законопроектов «О полиции» и «О здравоохранении».

Еще один государственный проект находится в активной фазе реализации – создание портала «Российская общественная инициатива». Идея создания сайта, на котором бы граждане выступали с законодательными инициативами, была впервые высказана В.В. Путиным в предвыборной статье «Демократия и качество государства» [15]. Тогда еще кандидат в президенты предлагал перенять опыт зарубежных стран, когда

общественные инициативы, набравшие более 100 тысяч подписей, рассматриваются парламентом.

По замыслу создателей портала «Российская общественная инициатива», любой гражданин сможет зарегистрироваться и опубликовать свою инициативу. Однако, выступать с инициативой смогут только те пользователи, которые прошли «процедуру идентификации с использованием структур электронного правительства», - отмечается в тексте письма. Другие пользователи будут знакомиться с гражданским законопроектом, комментировать и оставлять положительные голоса. Если инициатива наберет более 100 тысяч голосов, то проект будет выноситься на обсуждение Госдумы [15]. Тем самым российское государство постепенно вбирает в себя идею краудсорсинга как способа поддержки гражданской инициативы, что принесет свои первые плоды в виде общественных законопроектов и решений в будущем.

В России создан Фонд развития гражданского общества, который специализируется на актуальных исследованиях в области политики, регионального развития и современных медиа. Так, фонд сделал попытку экспертного обсуждения существующей политической системы России, собрав политологов, экспертов и преподавателей за одним столом. На данном мероприятии многие исследователи политики признали существование гражданского общества в России, которое своеобразно и не совсем похоже на классические западные прообразы, сравнив с «дамой приятной во всех отношениях» [13].

Автором в составе научного коллектива проведена серия глубинных региональных экспертных интервью в рамках гранта Министерства образования по теме «Политические партии и гражданское общество на федеральных выборах: антагонисты и/или союзники?» [9]. Для выявления уровня осведомленности экспертов о действующих политических партиях на территории Российской Федерации и Тамбовской области был сформулирован вопрос следующим образом: «Какие новые официально зарегистрированные в 2012-2013 гг. Министерством юстиции РФ политические партии, действующие в РФ и в Тамбовской области, Вы можете назвать?» При этом интересен не столько знание той или иной партии, а уровень узнаваемости новых партийных структур, их программ и лидеров.

Результаты подтвердили ожидания: многие эксперты затруднились назвать хоть одну из новых партий, хотя многие из опрошенных являлись на момент интервью, на наш взгляд, активными политическими личностями. Это говорит о том, что новые политические структуры мало подвижны как на уровне региона, так и на уровне федерации. Им не хватает как медийности, так и общественной поддержки. Обращает на себя внимание лидерство в ответах определенной части экспертов партии «РПР-Парнас», которая позиционирует себя крайне оппозиционно действующей власти, объединив разрозненные политические силы 1990-х – начала 2000-х гг.

Обращает на себя внимание и то, что даже те эксперты, которые смогли назвать новообразованные политические партии, не сформулировали и не назвали региональных лидеров данных структур, а также программных установок.

На еще один вопрос «Что, по Вашему мнению, не хватает/необходимо новым партийным образованиям для успешного влияния на общественные настроения?» были получены оценочные суждения, которые обобщены в единый концепт. Во-первых, большая часть новых политических партий представляет собой партийные дискуссионные клубы. Данные организации находятся в поиске своего пути развития: кто-то активнее, кто-то по мере возможности. Во-вторых, не хватает ярких лидеров, финансовой поддержки. В-третьих, не хватает независимости от государства и связи с людьми, не хватает самого гражданского общества. В-четвертых, необходим уход от партий проектного типа в социальную логику, изменения в самом обществе.

Современные партии пока не могут стать движущей силой всего российского общества, выражающие интересы разных социальных групп и слоёв населения. При этом потенциал данного института в России не исчерпан и, возможно, новый виток политических реформ, который начался в конце 2011 г., «заставит» новые политические организации в борьбе за электоральное пространство стать неотъемлемой частью гражданского общества, стать его союзниками. Вопрос в другом: надолго ли? Полагаем, что курс на либерализацию законодательства в области партийного строительства и избирательного процесса, который Президент РФ и Правительство РФ проводят в настоящее время, приведет к обратному эффекту: партии вернутся в состояние без ресурсного существования середины 1990-х гг.

Политические партии и гражданское общество движутся в разных параллельных векторах развития. Данный процесс характеризуется отторжением обществом существующих партий, население не видит в них гаранта защиты, выражения социальных чаяний и нужд. Партии нуждаются в обществе в период федеральных и региональных выборов, поэтому они вынуждены работать с населением в период электоральных циклов, возвращаться к общественно-значимым проектам и нуждам только в выборный период.

На сегодняшний день вызывают сомнения в том, что российское общество способно консолидироваться (не считая случаев солидарности) в политические институты, «снизу» создать различные организации (политические партии), многочисленные социальные лифты (каналы), чтобы эффективно агрегировать и артикулировать собственные интересы. При этом существует и активно культивируется гипотеза о том, что коренные структурно-функциональные изменения в российском обществе гипотетически могли бы произойти при условии существенной смены поколений (замещение граждан с советско-патерналистской ментальностью) на людей новой формации и нового мышления, в том числе и во властных институтах. Считаем, что такие глубинные трансформации чреваты

столкновением поколений, что повлечет неординарные вызовы глобального масштаба для страны (гражданская война, интервенция, развал страны и пр.).

Список использованной литературы:

1. Булин Д.Н. Большие выборы. Хроника политической мысли России: 2006–2008. СПб.: Алетейя, 2008.
2. Греф Г. Учись. Участвуй. Управляй // Независимая газета-Сценарии. 2012. 28 февраля.
3. Даль Р. О демократии / пер. с англ. А.С. Богдановского. М.: Аспект Пресс, 2000.
4. Данные из Википедии - свободной энциклопедии. URL: <http://www.ru.wikipedia.org> (дата обращения: 12.02.2014).
5. Данные сайта Vkontakte.ru. URL: http://www.vk.com/page-47200925_44240810 (дата обращения: 12.02.2014).
6. Заславский С.Е. Политические партии России: проблемы правовой институционализации. М., 2003.
7. Зелетдинова Э.А. Гражданское общество в России: проблемы роста // VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия»: мат-лы / редкол.: О.В. Гаман-Голутвина (отв. ред.), Л.В. Сморгун (отв. ред.), Д.О. Кислицина, В.Г. Ледяев, О.Ю. Малинова, О.В. Попова, И.С. Семенов, Л.Н. Тимофеева, М.Н. Шестакова. М.: РАПН, 2012.
8. Крупные госкомпании потратят в этом году минимум 1,5 млрд руб. на работу со СМИ и блогерами // Сайт газеты «Ведомости» [Сайт]. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/672871/imidzh-gosudarstvennogo-znacheniya> (дата обращения: 12.05.2014).
9. Научно-исследовательская работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект № 14.В37.21.0724).
10. Новек Б. Wiki-правительство: Как технологии могут сделать власть лучше, демократию – сильнее? а граждан – влиятельнее: пер. с англ. М.: Альпина Пабlishер, 2012.
11. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей»: федер. закон от 05 мая 2014 г. № 97–ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 апр. 2014 г.: по состоянию на апрель 2007 г.: [сайт]. URL: <http://www.garant.ru/news/541054> (дата обращения: 12.05.2014).
12. Панарин И.Н. Информационная война и выборы. М.: «Городец», 2003.
13. Первая конференция преподавателей общественных наук «Политическая система России: тенденции и направления развития». URL: <http://www.civilfund.ru/event/20> (дата обращения: 12.05.2014).
14. Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» от 25 августа 2012 г. № 851: по состоянию на 18.12.2012 № 1334. URL: <http://www.base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 12.05.2014).
15. Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 6 февраля. №20.
16. Политика и блогосфера: особенности русского виртуального Гайд-парка. URL: http://www.zlev.ru/107/107_45.htm (дата обращения: 12.02.2010).

Пасечник А.В.,
соискатель кафедры политических наук юридического факультета ФГБОУ ВПО
«Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МИЛИЦИОННОЙ МОДЕЛИ РЕФОРМИРОВАНИЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Одним из интересных и недостаточно изученных сюжетов является опыт территориально-милиционной модели строительства РККА в 1920-е гг. Ее теоретические основы были заложены в работах К.Марса и Ф.Энгельса, которые опирались на опыт швейцарской милиционной системы, и ранних работах В.И. Ленина. В них он утверждал, что постоянная армия является инструментом обеспечения интересов господствующего класса, поэтому ее необходимо заменить на всеобщее вооружение народа [См.: 4, с. 113.]. Однако, попытки реализовать эти демократические идеи после прихода большевиков к власти оказались мало результативными и РККА стала формироваться на основе классовой мобилизации и строжайшей дисциплины. Тем не менее, кадровый принцип к строительству и функционированию Красной Армии дополнялся в годы гражданской войны территориальным принципом, т.к., например, система всеобщего воинского обучения (Всевобуч) реализовывалась на территориальных началах.

После окончания гражданской войны и перехода к Новой экономической политике дискуссия о принципах строительства Рабоче-Крестьянской Красной Армии в мирных условиях вспыхнула с новой силой. Тяжелейшее социально-экономическое положение молодой советской республики стало главным фактором, который должны были учитывать реформаторы РККА. Полярные позиции занимали сторонники сохранения небольшой, но хорошо вооруженной кадровой армии и сторонники перехода на чисто территориально-милиционную модель РККА. В результате бурной дискуссии победила компромиссная модель М.В. Фрунзе, основанная на сочетании классового, кадрового и милиционного принципа формирования и функционирования РККА. В условиях строжайшей экономии ресурсов территориальные части предполагалось создавать в тех районах страны, где была высокая концентрация промышленного пролетариата. Кадровые части предполагалось использовать в наиболее сложных с точки зрения внешней и внутренней безопасности регионах страны. Такая модель позволяла сэкономить значительные средства на содержании армии, сохранить классовую основу структуры РККА и ее определенную боеспособность. Законодательно она была закреплена в декрете ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1923 года « Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся» [2].

В соответствии с этим декретом, формируемые на указанных началах части состоят из кадра (постоянный состав) и переменного состава. Кадр (постоянный состав) частей, формируемых на территориальных началах,

проходит военную службу на тех же основаниях, как и состав постоянной армии [2].

Периоды и сроки призывов переменного состава для обучения и других целей определялись Революционным Военным Советом СССР исходя, прежде всего, из соображений планомерного проведения обучения, а также учитывая местные условия трудовой деятельности обучаемых, причем общая продолжительность сборов за все четыре года состояния в переменном составе не должна была превышать пяти месяцев, а в каждом отдельном году не более двух месяцев. Декрет сохранял за военнообязанными гражданами, состоящими в переменном составе, свою должность по месту службы или работы во время обучения и сборов. Все предприятия и учреждения, в коих работали граждане, состоящие в переменном составе, с наступлением срока обучения или сборов должны были незамедлительно освобождать таких лиц от работы или занятий на сроки, установленные для обучения или сборов. Граждане, отбывшие срок службы в переменном составе, перечислялись в запас и в военное время использовались для комплектования как частей, формируемых на милиционных началах, так и прочих частей Красной армии. Во время сборов войсковым порядком переменный состав территориальных частей удовлетворялся всеми видами довольствия наравне с военнослужащими, отбывающими действительную службу в рядах постоянной армии [2].

Военная подготовка осуществлялась по усмотрению РВС СССР как в порядке вневойскового обучения, так и в виде краткосрочных сборов при частях красной армии и флота. Граждане в возрасте 16 - 18 лет подлежали предварительной подготовке, каковая заключалась преимущественно в физическом и элементарном военном воспитании молодежи и проводилась под общим руководством и наблюдением военного ведомства силами и средствами гражданских организаций. В течение указанного периода военному ведомству предоставлялось право привлекать молодежь к обязательным вневойсковым занятиям на срок, не превышающий в общей сложности четырех недель или ста шестидесяти часов [2].

Начиная с 19-летнего возраста и до года призыва, граждане подлежал прохождению курса военной допризывной подготовки общей продолжительностью не свыше десяти недель и каждый раз на срок не более четырех недель. Граждане, достигшие призывного возраста, но не проходившие действительной военной службы в рядах Красной армии и флота, а равно и граждане старших возрастов, не получившие по каким-либо причинам военной подготовки, подлежат военному обучению в течение пятилетнего периода с обязательным привлечением их за это время по усмотрению РВС СССР на общий срок до восьми месяцев и в каждом отдельном году на срок не более двух месяцев [2].

18 сентября 1925 года был принят Закон СССР «Об обязательной военной службе», в соответствии с которым обязательная военная служба слагалась из: а) допризывной подготовки; б) действительной военной службы

и в) состояния в запасе. Действительная военная служба в кадровом составе слагалась из непрерывной службы в частях Красной армии в течение от двух до четырех лет, в зависимости от рода оружия и специальности, и из пребывания в долгосрочном отпуску продолжительностью от одного года до трех лет, с привлечением на повторные сборы на срок не свыше одного месяца, а для младшего начальствующего состава на срок не свыше двух месяцев за все время пребывания в долгосрочном отпуску. Действительная военная служба в переменном составе территориальных частей слагалась из учебных сборов, общей продолжительностью не более 8 - 12 месяцев, в зависимости от рода оружия, за все время нахождения на действительной службе и из пребывания в отпуску в периоды между сборами [3];

По мнению Л.А. Бурцева, территориально-милиционная система комплектования РККА в 1920-е годы существенно снижала мобилизационные возможности Вооруженных Сил страны [1]. На наш взгляд, оценивая данную модель формирования и функционирования РККА, нельзя забывать, что она была вынужденным компромиссом между объективными потребностями обеспечения обороноспособности страны и реальными возможностями их удовлетворения. Выбирать приходилось между приоритетом восстановления разрушенного в годы гражданской войны народного хозяйства и задачами РККА. В результате была отвергнута концепция «перманентной революции» Троцкого, обосновывавшего концентрацию всех усилий страны на развитии армии для разжигания «пожара мировой революции». Победили сторонники Сталина, обосновывавшие возможность построения социализма в одной стране. Идея мировой революции не была предана забвению, но акцент стали делать на демонстрации преимуществ социалистического строя и успехов индустриализации, коллективизации и культурной революции.

В целом, анализ данной модели показал, что она носила вынужденный и временный характер, обусловленный конъюнктурой текущего социально-экономического и социально-политического момента. Ее реализация выявила ряд слабых сторон, которые не удалось преодолеть до конца и в 1930-е годы. Главными недостатками стала слабая материально-техническая основа РККА, связанная с недостаточным финансированием переменного состава территориальных частей. Низкий уровень оснащенности и материальной обеспеченности негативно сказывались на престиже военной службы и соответственно на морально-психологическом состоянии красноармейцев. Другая важная проблема данной модели была связана с трудностями обеспечения стабильных организационных форм территориальных частей РККА, с высокой текучестью не только личного состава, но и командирских кадров, что естественно не могло не сказаться на уровне боевой подготовки, которая существенно уступала кадровым частям. В определенном смысле данная ситуация была идентична существующей в современной российской армии разнице в подготовке военнослужащих срочной службы и подготовке контрактников. Извлечение уроков из опыта реализации модели

формирования и функционирования территориально-милиционной системы РККА представляется актуальной и социально значимой задачей, которая может помочь в устранении проблем в современной российской армии.

Список использованных источников и литературы:

1. Бурцев Л. А. Территориально-милиционная система в РККА в 1923-1928 годы : на материалах Московского Военного Округа. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Иваново. 2009.
2. Декрет ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1923 года « Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1783.htm (Дата обращения 2.08. 2014 г.)
3. Закон СССР «Об обязательной военной службе» от 18.09. 1925 г.// Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2651.htm (Дата обращения 2.08. 2014 г.)
4. Ленин В. И. Войско и революция // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 113.

Покатов Д.В.,
 д. с. н., профессор кафедры прикладной социологии
 социологического факультета ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный
 университет имени Н.Г. Чернышевского»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ И МЕХАНИЗМОВ РЕКРУТИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Проблема рекрутирования элитных групп продолжает оставаться в центре внимания исследователей, представляющих различные школы и направления социально-философской и политической мысли, что, конечно, не является случайным. От того, каким образом осуществляется процесс рекрутирования политической элиты, на каких принципах он основан, во многом зависит как элитный потенциал, практики функционирования данной группы, так и векторы общественного развития в целом.

На современном этапе развития в российском обществе произошел ряд изменений в системе отбора претендентов в состав политической элиты и механизмах рекрутинга элит, которые во многом определили трансформацию и самих форм элитообразования как в центре, так и на региональном уровне.

Так, господствовавшая в советский период легально-номенклатурная модель рекрутинга элитных слоев, являясь, по сути, промежуточной между традиционалистской, присущей восточным обществам, и инновационной, характерной для западных стран, отличалась ярко выраженным закрытым, недемократичным характером формирования, узким кругом селектората, из которого отбирались претенденты на высшие руководящие посты. Отличительной её особенностью было наличие многочисленных формальных

требований (в том числе, учет социального происхождения, партийности и стажа административно-политической деятельности), предъявляемых к кандидатам. Обязательным было и прохождение всех номенклатурных ступеней, делавших долгим и трудным путь политического деятеля к вершинам власти.

В современной России произошел ряд изменений, способствовавших трансформации господствовавшей ранее системы отбора кандидатов в элиту. Так, если в прежней, легально-номенклатурной, модели обязательной была принадлежность к определенному слою, то в настоящее время появились возможности для рекрутинга в элиту лиц, принадлежащих к различным социальным слоям и группам. Значительно уменьшилось число формальных требований к претендентам, а некоторые из них (в том числе социальное происхождение, наличие значительного опыта административно-политической деятельности и другие) перестали быть доминирующими (хотя и не исчезли совсем). Не является сегодня обязательным и прохождение всех номенклатурных ступеней для попадания в элитную группу, что приводит к существенному её «омоложению». При этом в составе различных групп политической элиты (как парламентской, так и элиты, представляющей исполнительную власть) появляются политики моложе 30 лет. Средний возраст депутатов Государственной Думы составляет сегодня 51 год [1; с.53], а членов Правительства РФ – 48 лет [4, с. 53]. На региональном уровне (в частности, в Саратовской области) средний возраст деятелей, принадлежащих к различным сегментам политической элиты, равен 49 годам [5].

Также в составе современной политической элиты наблюдаются частые персональные мобилизационные переходы как внутри элиты, так и между элитными группами, существенно меняющие её облик.

Данные изменения в составе современных политических элит стали возможны, прежде всего, благодаря трансформации ряда механизмов рекрутирования элиты. Если раньше доминирующими были такие механизмы, как назначение и кооптация, то в постсоветский период именно выборы становились неотъемлемым элементом системы элитного рекрутинга.

Выборная практика, несомненно, придавала больше легитимности функционированию политической элиты. Однако, вследствие зачастую присущего её формализма, действия т. н. «административного» ресурса, использования конкурентами недопустимых для демократического общества приемов и средств, приводила нередко к существенным деформациям системы отбора претендентов в элитную группу. В результате, очень часто в политической практике отбор сверху сочетается с избранием в процессе выборов, но явно доминировал над ним. При этом нередко сами выборы заменялись, как это было с избранием глав региональных администраций в течении восьми лет, процедурой назначения на высшие административные должности в регионе.

В результате выборные процедуры, как и некоторые другие изменения в процессе рекрутирования элит, так и не привели к полной смене старой легально-номенклатурной модели, что особенно заметно на региональном уровне. Прежняя модель, по сути, трансформировалась в кланово – корпоративную, включающую на современном этапе целый ряд форм и разновидностей. Основы данной модели стали закладываться ещё в 90-е годы прошлого века. В результате на местах сформировались первоначально формы, которые можно определить как старо- и неономенклатурные, а также корпоративно-профессиональную и кланово- профессиональную.

Существование всех данных форм напрямую связано с тем, что полностью не были изжиты традиционалистские ценности и нормы, присущие восточным моделям развития, в том числе тип культуры, характерный для многих из них и включавший устоявшиеся нормы чиновничества, настороженное восприятие оппозиции, большее доверие к выходцам из своей среды [6; с. 70]. Во многом основы данной модели и её разновидностей поддерживались и определенной системой мотивов, которой руководствовались представители политической элиты. Большая часть из них была подробно рассмотрена ещё М. Вебером. Из отмеченных им мотивов на первый план выходили: во-первых, стремление выдвигать лиц своего круга и, таким образом, способствовать сплоченности и однородности руководящей группы, и, во-вторых, субъективные симпатии и антипатии. Все это во многом приводило к соответствию качеств кандидата комплексу представлений, уже утвердившихся в элите, что ещё больше консолидировало данную группу и способствовало тому, что отбор в неё осуществляется в рамках достаточно закрытых корпоративно-профессиональных, старо – и неономенклатурных, и кланово-профессиональных групп.

Достаточно распространенным в 90-е годы XX века являлся корпоративно-профессиональный тип, характерный как для политической элиты, функционирующей на федеральном уровне, так и элит некоторых российских регионов (в том числе Смоленской, Воронежской, Ульяновской областей, Ингушетии и других). Данная форма рекрутинга региональной политической элиты отличалась значительной степенью закрытости, отсутствием ярко выраженной ориентации на политическую принадлежность претендентов, поскольку предпочтение здесь отдавалось, прежде всего, выходцам из закрытых профессионально-корпоративных групп, в том числе, вооруженных сил, структур ВПК и ФСБ. При этом только губернаторами в 2004 году являлись 7 политиков, напрямую связанных с корпоративными силовыми структурами [3; с. 6].

Сегодня, несмотря на сохранение данной формы рекрутирования элиты (в том числе в Тульской и Ульяновской области, Республике Ингушетия), что во многом связано с тем, что представители корпоративных структур обладают такими важными ресурсами, как длительный административный

опыт, достаточно большая информированность, разносторонние познания и созданные имиджевые преимущества, она не является доминирующей.

В ряде регионов получили распространение и иные формы рекрутинга элит. Одной из них является неономенклатурная разновидность, типичная сегодня для Владимирской, Кемеровской, Курской, Новосибирской и некоторых других областей, отличающаяся тем, что в состав политической элиты входит второй и даже третий эшелон бывшей партийной номенклатуры. Отбор в элитную группу здесь также носит закрытый характер, но предпочтение отдается, в большинстве случаев, выходцам из прежней номенклатурной элиты, либо представителям новых политических партий (в названных выше регионах – левой и центристской ориентации).

Менее представлена сегодня достаточно характерная для 90-х гг. прошлого века старономенклатурная форма рекрутирования элиты, при которой доминирующие позиции занимали высшие представители советского правящего класса (как это было в Орловской области, которую долгие годы возглавлял бывший член Политбюро ЦК КПСС Е.С. Строев, или Московской области, губернатором которой являлся бывший член Политбюро ЦК Компартии Украины и бывший первый заместитель министра внутренних дел СССР Б.В. Громов). В настоящее время только ограниченное число регионов можно условно отнести к данной модели. Среди них можно назвать Московскую область, возглавляемую В. П. Шанцевым, работавшим первым секретарем райкома КПСС в г. Москве и секретарем МГК КПСС, и Республику Дагестан, глава которого, Р.Г. Абдулатипов, возглавлял в конце 80-х гг. прошлого века сектор анализа и прогнозирования Отдела национальных отношений ЦК КПСС. Как правило, данная разновидность рекрутирования элиты отличалась значительной степенью закрытости, отбор претендентов осуществлялся здесь по уже сложившимся в советском государственном и партийном аппарате принципам.

Наряду с отмеченными выше, нельзя не сказать и о ещё одной, достаточно своеобразной разновидности кланово-корпоративной модели, как кланово-профессиональная, которая в большей степени проявила себя в республиках Северного Кавказа и прилегающих к ним краях и областях. Ряд исследователей определяют её как этнократическую, понимая под «этнократией» родоплеменные (тейповые) или национально-земляческие группы, занявшие место во властных элитах и лоббирующие интересы своего этноса (или его части) [2]. Здесь при отборе претендентов в состав политической элиты помимо социальных, политических, либо профессиональных критериев, важными становятся семейно-родственные связи. В настоящее время можно даже говорить о том, что из данной формы выделилась такая весьма специфическая разновидность, как семейно-клановая, при которой на второй план отступают как социально-политические, так и профессиональные составляющие и принципы и

первенствующее значение имеют родственные связи, как это происходит в некоторых регионах юга России.

Подводя итоги, можно говорить о том, что процесс рекрутирования региональной политической элиты в современной России отличается определенным динамизмом. Однако вследствие значительного влияния предшествующего политического опыта, исторических традиций и норм, слабости институтов гражданского общества, он в ряде своих форм и механизмов воспроизводит некоторые элементы предшествующих практик, оказывающих существенное влияние, как на облик самой элиты, так и на развитие общества в целом.

Список использованной литературы:

1. Вся Дума // Коммерсант-власть. 2012. № 1-2.
2. Волков Ю.Г., Попов А.В. Проблемы формирования идеологий регионального развития. Ростов н/Д., 2000; Регионоведение / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 2002.
3. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Политические исследования. 2004. № 2.
4. Правительство Российской Федерации // Российская газета. 2012. 22 мая.
5. Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных: Сайт Правительства Саратовской области [Сайт]. URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2014); Сайт Саратовской областной Думы [Сайт]. URL : <http://www.srd.ru> (дата обращения: 15.04.2014)
6. Фарукшин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Политические исследования. 1994. № 6.

Поляков А.В.,

**к. п. н., доцент кафедры гражданского права и процесса
Армавирского института социального образования (филиала)
Российского государственного социального университета**

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Обобщенное (генерализированное) доверие является сердцем социального капитала как интегральной и обязательной части любой демократической политической культуры. Общеизвестно, что сложно направлять все силы на решение общественных проблем, не будучи уверенным, что другие участники делают то же самое. Мы солидарны с мнением Элинор Осторм о том, что эта проблема является главной фундаментальной проблемой любой организации, в том числе и политической, или всего общества [1]. Обобщенное доверие свидетельствует о потенциальной готовности незнакомых друг с другом граждан сотрудничать на общественном/политическом уровне. Отметим, что при этом они выходят за границы круга родственников, друзей и просто знакомых.

Важно отличать обобщенное доверие от частного или персонального доверия, основанного на знании [2].

Наличие в обществе обобщенного доверия имеет большое значение, поскольку снижает неопределенность в отношении будущих сценариев социального и политического развития и избавляет от необходимости постоянно реагировать на возможные проявления оппортунизма. Доверие усиливает готовность людей идти на риск ради позитивных общественно-политических изменений. Оно обеспечивает мягкое гармоничное функционирование социальных, в том числе и политических, организаций и минимизирует необходимость в бюрократии, которая навязывает образцы поведения людям, не доверяющим друг другу.

В политической сфере генерализированное доверие позволяет людям определять свое место в тех социально-политических группах, которым они симпатизируют, и упрощает политическую мобилизацию для проведения совместных акций. В социальной сфере доверие смягчает противоречия в транзитивных обществах, способствует воспитанию толерантности и приучает прислушиваться к мнению оппонентов. Жизнь в разобщенных обществах при наличии обобщенного доверия налаживается легче и быстрее [3].

Многие авторы отмечают, что генерализированное доверие связано с уровнем не только политического, но и экономического развития общества. Более того, его называют в качестве дополнительной предпосылки для экономического роста, наряду с такими институциональными аспектами как защита прав собственности и развитие договорных отношений [4]. Большое влияние генерализированное доверие в обществе оказывает на демократическую стабильность и демократию в целом [5].

Однако, источники возникновения обобщенного доверия остаются малоизученными. Вопрос о том, почему жители одних стран, регионов или поселений доверяют друг другу, способны действовать совместно и решать свои коллективные проблемы, в то время как другим это не удастся, остается одним из самых интересных в дебатах по поводу социального капитала.

В литературе по социальному капиталу наблюдается четкое разделение по вопросу об условиях и источниках его происхождения. Одни исследователи придерживаются государственно-центристского подхода (Банфилд, Путнем, Фукуяма). Сторонники этого подхода считают, что способность общества производить социальный капитал среди своих членов определяется многовековым опытом социальной организации, его историческим и культурным развитием.

Государственно-центристский подход рассматривает регулярное социальное взаимодействие, осуществляемое в основном в форме членства в добровольных гражданских ассоциациях, как основной механизм генерирования социального капитала, хотя менее формальные виды социального взаимодействия и возникают в ходе текущей деятельности. В русле токвиллиановской традиции формальные и неформальные ассоциации

рассматриваются как создатели социального капитала вследствие социализирующего эффекта демократических и кооперативных ценностей и норм. Однако при таком подходе обнаруживаются три проблемы.

Во-первых, добровольные ассоциации не всегда выполняют возложенную на них роль по созданию социального капитала. Членство в гражданских ассоциациях далеко не всегда сопровождается желанием ее членов сотрудничать за рамками организации. Ряд исследований показал, что участие в деятельности добровольных ассоциаций не создает социальный капитал, который может быть использован в более широких общественных сферах [6].

Во-вторых, существуют теоретические трудности при отделении различных типов социального взаимодействия друг от друга. Проблема заключается в том, что до сих пор не создана микро-теория социального капитала, которая определяла бы те аспекты социального взаимодействия, которые важны для его создания.

Третья проблема касается определения источников социального капитала. Общепринятой является точка зрения о том, что уровень развития социального капитала в том или ином обществе детерминирован долгой исторической ретроспективой (например, различия между северной и южной Италией уходят корнями в XII столетие). Но в таком случае, какие приемы и методы из арсенала современных политиков можно считать эффективными в процессе стимулирования и развития социального капитала?

В качестве реакции на проблемы государственно-центристского подхода возникает институционально-центристский подход. Его сторонники (Берман, Леви, Тарроу и др.) придерживаются мнения о том, что для процветания социального капитала необходима его связь с политическими и правовыми институтами. Эти авторы считают, что социальный капитал не существует независимо от политики и правительства только в сфере гражданского общества. В реальности правительственные и политические институты создают, транслируют и влияют на уровень и тип развития социального капитала в обществе. Их воздействие также сказывается на способности граждан развивать сотрудничество и увеличивать степень общественного доверия. Почти все исследователи, поддерживающие такой подход, утверждают, что институциональная инженерия может быть использована для создания социального капитала, хотя различные авторы и расходятся в вопросах временных горизонтов такого воздействия.

В отличие от государственно-центристской модели, институциональная модель больше вписывается в контекст политической науки. В конце XX в.- начале XIX в. в ее недрах наблюдался повышенный интерес к изучению институционального эффекта. Этот «новый институционализм» в основном фокусировался на важности использования институтов как свободных составляющих в различных теоретических моделях.

Дж. Петерс отмечает, что концепции социального капитала и гражданского общества подтверждают, что без правильного

позиционирования социальных ценностей структурные манипуляции и построения не будут обладать серьезной эффективностью [7]. Автор обращается к работе о демократизации А.Стефана и Х.Линца, которые подчеркивают важность построения институтов для поддержки процесса смены ценностных ориентаций в транзитивных обществах и стабилизации нарождающейся демократии. Петерс утверждает, что в случае построения эффективных институтов и успешного менеджмента, правильные ценности будут поддержаны.

Схожие аргументы приводились и Э. Остром, подчеркивавшей важность институциональных установлений, облегчающих принятие решений в неоднородном сообществе. На практике это означает, что институты должны воспитывать лидеров, которые способны действовать в большей степени как ответственные граждане, чем утилитарные рационалисты [8].

Институциональные аргументы в отношении концепции социального капитала можно разделить на две группы: позиционный и институционально-структуральный подходы. Исследователи - сторонники позиционного подхода фокусируют свое внимание на отношениях между институциональным (политическим) доверием и генерализированным доверием. Одни из них полагают, что существует корреляция между этими двумя видами доверия, другие видят в генерализированном доверии предвестник доверия политического [9]. К. Ньютон и П. Норрис, интерпретируя статистические данные по тринадцати демократическим странам, находят доказательства того, что социальный капитал «может способствовать построению эффективных социальных и политических институтов, которые обеспечат эффективную работу правительства, что, в свою очередь, увеличит доверие к гражданским институтам» [10]. Этот аргумент лежит в русле логики Р. Путнема, утверждавшего, что деятельность регионального правительства зависит от уровня регионального социального капитала. Однако проблема заключается в том, что на практике бывает чрезвычайно сложно разграничить эти две формы доверия.

Институционально-структуральный подход концентрирует внимание на роли государства как источнике генерирования социального капитала. К примеру, С. Тарроу утверждает, что «государство играет фундаментальную роль в воспитании гражданских способностей» [11]. По мнению Леви, правительство может реализовать свою способность генерировать доверие только в том случае, если граждане считают само государство достойным доверия [12]. В научных кругах ведутся дискуссии об эффективности государственных институтов на поприще создания социального капитала, а также о степени доверия к ним со стороны граждан.

Краткий обзор подходов к определению источников социального капитала позволяет сделать следующие выводы:

- государственно-центристский подход является сугубо теоретическим и отличается недостаточностью эмпирических данных;

- институционально-структуральный подход оставляет за рамками исследования вопросы о том, какие именно институты и каким образом участвуют в создании социального капитала.

Важность вопроса о политических институтах, способных генерировать социальный капитал, трудно переоценить, поскольку их количество в любой политической системе, будь то демократический или авторитарный режим, огромно. Способы их комбинации внутри институциональной системы тоже различны. Каким из институтов политической системы (электоральным, законодательным, военно-политическим, административным и т.д.) принадлежит первенство в этом процессе было и остается предметом дискуссии.

Проблему представляет также тот факт, что многочисленные формы институционального доверия объединяются под одним лейблом. Например, все осведомлены о таких формах доверия как вера в политиков, в функционирование демократических институтов и в людей, которые там работают, доверие к демократической системе в целом. Однако в политической литературе не проводится разделение между доверием к институтам репрезентативной стороны политической системы (на уровне партий, парламентов, кабинетов и т.д.) и ее имплементарной (исполнительной) стороны. Последний тип институтов зачастую остается за рамками дебатов в отношении социального капитала [13]. В то же время, следует принимать во внимание то, что благополучие граждан обычно находится в большей зависимости от деятельности исполнительных институтов, чем от тех, которые поддерживают или представляют их интересы или идеологию. Получать защиту со стороны полиции или судебных органов, доступ к здравоохранению и образованию является жизненной необходимостью для многих людей.

Существуют теоретические причины для размежевания этих двух типов доверия. Политическим институтам, находящимся на репрезентативной стороне, очень важно иметь сторонников и приверженцев. Политическая партия, формирующая правительство или представляющая большинство в парламенте, проводит свою идеологическую линию через сторонников. Так, те люди, которые поддерживают идеологию правящей партии, соответственно ей доверяют, те же, кто находится в оппозиции, - нет. Например, муниципальное руководство, сформированное партией, которую поддерживает гражданин, может рассматриваться в качестве его политического агента. В этом случае у него имеется доверие к правительству, по крайней мере, до тех пор, пока он поддерживает проводимую им политику, а оно, в свою очередь, сдерживает свои предвыборные обещания. Но человек, придерживающийся оппозиционных взглядов, испытывает недостаток доверия к этому же правительству, тем более, если правящая партия придерживается провозглашенного курса [14].

Связь между двумя этими феноменами не очевидна, поэтому трудно проследить их воздействие на генерализированное доверие в том или ином

обществе. Именно поэтому мы обычно обнаруживаем сильную корреляцию между политическими пристрастиями и политическим доверием, но слабую корреляцию между доверием к этому типу политических институтов и социальным доверием [15]. Неясность механизма взаимоотношений между генерализированным доверием и доверием политическим связана также с неудавшимися попытками классификации связей между различными типами политических институтов и вызываемым ими институциональным доверием.

Б. Ротштейн и Д. Столле отмечают, что полиция и институты власти, отвечающие за претворение в жизнь социальной политики (в терминологии авторов, бюрократы «уличного уровня»), оказывают иное институциональное влияние, чем институты, относящиеся к законодательной и исполнительной ветвям власти [16]. Они утверждают, что эти институты непосредственно соприкасаются с важнейшими аспектами жизни граждан, включая вопросы безопасности жизнедеятельности, а потому их влияние на граждан отличается повышенной социализацией.

Это авторы объясняют несколькими причинами.

Во-первых, деятельность указанных институтов отличается долгосрочным характером в отличие от краткосрочных политически ангажированных институтов или добровольных ассоциаций.

Во-вторых, поскольку их работа предполагает непосредственный контакт с гражданами, они получают представление о преобладающей политической культуре, оказывающей воздействие на формирование людских надежд и ценностей. Для людей важна вера в эти институты, а последние, через доверие граждан отражают идеалы универсализма, равенства перед законом и беспристрастия, а также стремятся к высокой эффективности своей деятельности. Беспристрастность и честность представителей институтов «уличного уровня» является важной предпосылкой роста институционального доверия и в большой степени оказывает влияние на формирование генерализированного доверия.

В-третьих, эти институты выполняют специальную задачу охраны общественного порядка, что также воздействует на формирование паттернов социального доверия. В том случае, если эти институты успешно справляются с поставленной перед ними задачей, граждане понимают неотвратимость наказания за подобные преступления и меньше беспокоятся о собственной безопасности, веря в то, что большинству людей можно доверять.

Связь между коррупцией и социальным капиталом, несомненно, существует, но она может трактоваться двояко.

С одной стороны, в обществе, где люди не доверяют власти, судебной системе и полиции, они будут компенсировать этот недостаток доверия усилением социальной сетевой работы и возрастанием доверия друг другу. Таким образом, общество как бы «принуждает» к кооперации. Как отмечает М. Вулкук, процветание коррупции, бюрократические барьеры, угнетение гражданских свобод, отсутствие защиты прав собственности и главенства

закона вынуждает общество поддерживать в частном порядке и неформально то, что должно осуществляться публично и формально [17]. Зачастую такими характеристиками отличается гражданское общество при тоталитарном и авторитарном режимах.

С другой стороны, неэффективная, коррумпированная, несправедливая административная система не позволяет возникать никакой форме доверия, в том числе и межличностному. Иными словами, если граждане верят в институциональную эффективность, честность и беспристрастность судебной системы и полиции, это усиливает генерализированное доверие граждан друг другу.

Исследование, проведенное Б. Ротштейном и Д. Столе [18], продемонстрировало, что институциональная эффективность и честность:

- влияют на индивидуальное ощущение безопасности и степень доверия к другим людям;

- определяют перенос индивидуального восприятия тех структур, которые наделены обязанностями по защите общественных интересов, на других людей (например, если указанные структуры не заслуживают доверия, то и большинству других людей тоже нельзя доверять);

- создают образец поведения для рядовых граждан (так, посыл коррумпированной системы гласит, что для получения доступа к общественным благам человек должен быть вовлечен в разнообразные коррумпированные схемы);

- аккумулируют опыт прямого общения с политическими институтами, который может быть как положительным, так и отрицательным (взаимодействие с коррумпированными институтами порождает ощущение дискриминации и несправедливости, что негативно сказывается на генерализированном доверии в обществе).

Таким образом, индивидуальное чувство защищенности и безопасности, анализ паттернов поведения представителей элит и других граждан, а также опыт, связанный с дискриминацией прав и свобод, вносят свой вклад в формирование генерализированного доверия. Когда граждане наблюдают свидетельства существования институциональной коррупции, ненадежности политиков, продажности полицейских и судей, ухудшения криминогенной обстановки, они в меньшей степени склонны доверять, кому бы то ни было. Исследование на основе социологических данных, полученных в ходе социологического исследования в ряде государств Латинской Америки, подтвердило, что наличие коррупционной составляющей не только подрывает легитимность политической системы, но и снижает уровень взаимного доверия в обществе [19].

Список использованной литературы:

1. Ostrom E. A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action // American Political Science Review, 1998, 92 (1):1-23.

2. Uslaner, Eric. *The Moral Foundation of Trust*. New York: Cambridge University Press, 2002
3. Uslaner E. *Op. cit.* P. 43.
4. Zak, Paul J., and Stephen Knack. 2001. Trust and Growth. *Economic Journal* 111 (470):295-321
5. Inglehart, Ronald. 1999. Trust, well-being and democracy. In *Democracy & Trust*, edited by M. E. Warren. New York: Cambridge University Press.
6. Hooghe, Marc, and Dietlind Stolle, eds. 2003. *Generating Social Capital: The Role of Voluntary Associations, Institutions and Government Policy* (forthcoming). New York: Palgrave / Macmillan.
- Rothstein, Bo. 2002. Sweden: Social Capital in the Social Democratic State. In *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*, edited by R. D. Putnam. Oxford: Oxford University Press.
7. Peters, Guy B. *Institutional Theory in Political Science: The 'New Institutionalism'*. London: Pinter, 1999, p. 88.
8. Ostrom, Elinor. 2000. Crowding out Citizenship. *Scandinavian Political Studies* 23 (1):3-16.
9. Rothstein B., Stolle D. *How Political Institutions Create and Destroy Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust* // Paper to be presented at Collegium Budapest, Project on Honesty and Trust: Workshop 2, November 22-23, 2002.
10. Newton K., Norris P. *Confidence in Public Institutions// Disaffected Democracies. What's Troubling the Trilateral Countries*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
11. Tarrow, Sidney. 1996. Making Social Science Work Across Space and Time: A Critical Reflection on Robert Putnam's *Making Democracy Work*. *American Political Science Review* 90 (3).p. 395.
12. Levi, Margaret. 1998. A State of Trust. In *Trust & Governance*, edited by V. Braithwaite and M. Levi. New York: Russell Sage Foundation. p. 86.
13. Levi M. *Op. cit.*, p. 96.
14. Rothstein B., Stolle D. *How Political Institutions Create and Destroy Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust*, p. 11-12.
15. Newton K., Norris P. *Op. cit.*, p. 26.
16. Rothstein B., Stolle D. *Op. cit.*, p. 12-13.
17. Woolcook, Michael. 2001. The Place of Social Capital in Understanding Social and Economic Outcomes. *ISUMA - Canadian Journal of Policy Research* 2 (1):12, p. 16.
18. Rothstein B., Stolle D. *Op. cit.*, p. 18-19.
19. Seligson, Mitchell. 2002. «The Impact of Corruption on Regime Legitimacy: A Comparative Study of Four Latin American Countries,» in *Journal of Politics* 64 (2): 408-433.

Росошанский А.В.,
к. п. н., доцент, зав. кафедрой электронных СМИ и коммуникации ФГБОУ
ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

В научном сообществе до сих пор не утихают дискуссии о роли СМИ в современном обществе, обладают ли они самостоятельностью, характеристиками субъекта политического процесса или нет? С одной стороны, все более очевидно, что окружающий мир, система массовых коммуникаций меняются. СМИ в новых условиях становятся стержневым, системообразующим фактором информационно-коммуникативного пространства. Они конструируют социально-политическую реальность, целенаправленно воздействуют на общественное мнение, программируют не только настоящее, но и будущее поведение политических акторов. Освещая многообразие политической жизни, комментируя и интерпретируя различные политические события, СМИ зачастую предлагают социуму такие ценностно-смысловые модели, которые могут не только объединять общество, цементировать его, эффективно снимать социальную напряженность, но и в определенные моменты подрывать устойчивость общественно-политической и социально-экономической системы.

С другой стороны, гораздо менее ясным остается вопрос о механизмах системообразования, под действием каких сил и в каком направлении трансформируется система массовых коммуникаций? В российской и зарубежной практике есть множество примеров ангажированности различных видов СМИ, необъективности, пристрастности журналистов, которые носят далеко не единичный случай. Хорошо известно, что нередко именно СМИ являются проводниками политики двойных стандартов.

В России на протяжении последних двух десятилетий политико-правовые условия функционирования СМИ менялись неоднократно. Одновременно, менялся и их статус, место, которое они занимают в политическом процессе.

Самостоятельность и независимость агентов процесса коммуникации закрепляется в Конституции РФ, согласно которой «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любыми законными способами гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается»[5]. Устранение цензуры, государственной монополии создало политические предпосылки для формирования политико-правовой основы субъектности СМИ. Но отсутствие в течение долгого времени эффективных законодательных механизмов, регулирующих экономические отношения в информационной сфере, стало причиной распространения сначала неформальных, «теневых» практик финансирования деятельности СМИ, а затем и их приватизации, которая

институционализовала процессы политизации российских СМИ, информационного влияния частного капитала на политику. Новые правила игры требовали от руководителей газет и телерадиокомпаний беспрекословно выполнять волю собственников. СМИ вынуждены были отстаивать интересы своих хозяев, совсем необязательно совпадающие с интересами общества или государства, а порой и прямо противоречащие им.

В середине 90-х годов четвертая власть усилиями «групп интересов», включивших ее в свой политэкономический бизнес, превратилась в инструмент лоббирования. СМИ приобретались не как обычное коммерческое предприятие, не из расчета коммерческой прибыли, а из чисто политических соображений, с целью получения мощных рычагов воздействия на общественное мнение и влияния на процессы принятия политических решений в стране.

С начала 2000-х годов возникают новые тенденции, выражающиеся в усилении влияния государства на СМИ. Создаются новые механизмы использования властью мобилизационного потенциал СМИ в своих целях. Такой ход трансформации российской медиа-системы дал основания многим экспертам говорить о постепенной утрате СМИ своей субъектности. Как представляется, такая позиция неверно отражает реальную суть дела. Хотя бы потому, что субъектность не сводится к одной самостоятельности. По нашему мнению, более справедливо было бы говорить о трансформации политической субъектности СМИ, о их адаптации к меняющимся политическим условиям.

Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что помимо интересов собственника и власти, оказывающих в ряде случаев влияние на новостную повестку дня, у всех СМИ есть свои приоритеты, критерии освещения тех или иных событий, которые отражают так называемые «новостные ценности». Это, прежде всего, актуальность и новизна. Новости должны быть свежими, читателям и зрителям интересна информация о только что произошедших событиях, а не о вчерашних.

Во-вторых, значимость, масштаб. Чем более значимое социальное положение занимают участники событий, тем больший интерес они привлекают. Масштаб также важен: крупная катастрофа с десятками жертв имеет больше шансов попасть на новостные страницы, чем небольшая авария.

В-третьих, последствия события для массовой аудитории. Люди естественно интересуются теми событиями, которые оказывают непосредственное влияние на их жизнедеятельность. Инфляция, рост цен, повышение налогов, этнические конфликты, погодные катаклизмы – всё это представляет постоянный интерес для медиа аудитории.

В-четвертых, пространственная близость. Сообщения о событиях, происходящих в относительной близости от потребителя информации – в его стране, регионе, городе и т.д., имеют большую новостную ценность нежели

те, которые относятся к событиям, происходящим за пределами знакомой территории.

В-пятых, конфликтность или негативный характер информации. В мировой журналистской практике широко распространено мнение, что «плохие» новости гораздо привлекательнее «хороших». Действительно, в силу определённых особенностей человеческой психики, сообщения, содержащие негативную информацию, о всякого рода катастрофах, террористических актах, катаклизмах, цунами, этнических и прочих конфликтах и т.п., вызывают гораздо больший интерес, чем «обычные» новости.

В-шестых, эмоциональный фактор. Почти в любой новостной программе можно встретить сообщения, рассчитанные на эмоциональное воздействие. Чтобы аудитория не «уставала» от жесткой фактологии новостей (*hard news*), надо время от времени апеллировать к её чувствам. Именно для этого и используются так называемые “*human interest stories*”, в которых сообщается о событиях, вызывающих самый широкий спектр эмоций, – восхищение, сочувствие, сострадание, умиление, жалость, и т.д. Например, информация о рождении маленькой панды в зоопарке, или об удивительном спасении попавшего в западню лося, либо об экстравагантном поступке какого-либо человека[1].

Все это абсолютно справедливо и для региональных СМИ, которые, как показывают данные многочисленных социальных опросов, остаются весьма востребованными источниками информации для местных жителей [8]. При всем при этом у них есть свои ярко выраженные особенности политической субъектности.

Одним из индикаторов субъектности СМИ являются социально-политические функции, которые они выполняют в обществе. В либеральных западных демократиях традиционно основными функциями СМИ является информирование, социализация граждан, контроль и критики власти, артикуляция интересов, интеграция субъектов политики и мобилизации граждан. В социально ориентированных демократиях этот набор дополняется рядом других функций, свойственных для так называемой «качественной прессы». Это наблюдение за жизнью общества и полный отчет о его состоянии, формирование образа мира, обеспечение форума для выработки консенсуса и распространение культуры. В еще не устоявшихся, новых демократиях функциональность СМИ выглядит несколько иначе. Так, венгерский социолог П. Тамаш, рассматривая масс-медиа в ряде стран, находящихся в стадии постсоциалистического развития, выделяет такие функции, как стабилизация общественной системы, поддержка слабого гражданского общества, поддержка новых элит, участие в их легитимации и формирование доверия к ним, установление новых границ публичности и приватности, социальное определение в новой системе стратификации, внедрение новых моделей делового поведения [9. с.40].

В нашем случае об особенностях политической субъектности СМИ можно судить по тем функциям, которые они выполняют в региональной политической системе. Выявить и зафиксировать их можно с помощью контент-анализа информационной продукции региональных СМИ. Для нас Интерес представляли, прежде всего, такие популярные информационные ресурсы, как «Версия-Саратов», "Взгляд-инфо", «Четвертая власть», «Общественное мнение».

Как показал наш анализ, главным проявлением субъектности Саратовских СМИ является критическое отношение к местным властям и организация общественного дискурса по «неудобным» для власти темам. Так, достаточно часто характеристика деятельности высшего должностного лица, губернатора Саратовской области В. Радаева, описывается в таких выражениях как «тихий и неамбициозный персонаж», «ферзь с головой белого медведя», «замкнутый в своем мирке», «скорбный Пьеро», «Рыдаев», «никудашный правитель», «региональный небожитель», здесь стоит упомянуть и сравнение губернатора с Йозефом Геббельсом [2,4,7,10]. В статьях, где упоминаются такие эпитеты, подчеркивается, что губернатор не лучшим образом справляется со своими обязанностями, не имеет широты мышления, необходимых экономических навыков и ярких лидерских качеств. В новостной повестке дня стабильно присутствует тема роста государственного долга и дефицита бюджета (по данным за март, задолженность региона выросла до 45,8 млрд руб), недостаточной открытости региональной власти и т.д. Нужно отметить, что негативные оценки даются не только деятельности губернатора, но и правительства в целом.

В Саратовских СМИ достаточно много уделяется внимания животрепещущим, остро стоящим проблемам, требующим привлечения широкого общественного внимания. В качестве наглядных примеров можно выделить: придание гласности проблем с финансированием хоккейного клуба «Кристалл», угрожающих дальнейшему существованию саратовского хоккея; мобилизацию общественного мнения против закрытия единственного детского дома в Саратове и т.д. [3,6].

Другая особенность политической субъектности состоит в том, что региональные СМИ в меньшей степени, чем федеральные обеспечены финансовыми ресурсами. Это обстоятельство накладывает отпечаток на их деятельность. В поисках финансирования они нередко становятся участниками информационно-психологических противоборств между различными политическими силами, публикуя заказные материалы. Это же обстоятельство приводит к большей зависимости местных СМИ от финансово-промышленных групп. Более того, нередко они становятся проводниками их интересов. Именно в регионах более распространенным является явление, когда тот или иной популярный информационный ресурс,

финансируется и, соответственно, контролируется разными представителями политической или экономической элиты.

Список использованной литературы:

1. *Montgomery M., Edington B.* The Media. – London, British Council, 1996
2. Бестолковый ученик хуже предателя // URL <http://www.4vsar.ru/articles/zapiski-vojdu/40537.html>;
3. В Саратове закрывают единственный в городе детский дом// Общественное мнение//URL: <http://www.om-saratov.ru/novosti/27-december-2013-i7088-v-saratove-rasformirovyvaut>
4. Власть как половая тряпка. Часть 1. // URL <http://www.4vsar.ru/articles/analitika/42757.html>;
5. Конституция РФ. Ст. 29. ч. 4,5. М. 2014.
6. Кристально чисто// URL: <http://nversia.ru/rubric/view/id/7198>
7. Падающие фиги // URL <http://nversia.ru/rubric/view/id/7195>
8. *Росошанский А.В.* Общественное мнение о политической институциональности и функциональности региональных СМИ. Саратов, 2011.
9. *Фомичева И.Д.* Социология СМИ. М., 2007.
10. Халиф кремлевского визиря // URL <http://www.4vsar.ru/articles/analitika/35351.html>

Савва М.В.,

д. п. н., директор грантовых программ Краснодарской региональной общественной организации «Южный региональный ресурсный центр»

Савва Е.В.,

к. ф. н., доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета

РЕГИОНАЛЬНАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ И ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Россия велика и неоднородна. Региональная гетерогенность нашей страны не может не оказывать влияния на институты гражданского общества и особенности гражданской культуры. В то же время, это влияние не было до настоящего времени объектом специального политологического исследования. Целью данной работы является классификация типов гражданской культуры с учетом региональной гетерогенности России.

Можно уверенно констатировать, что достаточно сильная гетерогенность России в ближайшие годы будет нарастать. У этого процесса есть объективные демографические и экономические предпосылки. Известно, что Россия – единственная страна постсоветского пространства, увеличившая за годы своей новейшей истории этническую гетерогенность (если во всех республиках бывшего СССР титульный этнос увеличил свою долю в общем населении, то в России все ровно наоборот). Н.В.Зубаревич

констатирует по результатам исследования пространственного неравенства в России, Казахстане и Украине: «Законы пространственного развития сильнее политических режимов. Пространственное развитие инерционно, его факторы и барьеры имеют долговременный характер. В ближайшие 10-15 лет вряд ли стоит ожидать существенных изменений в крупных странах СНГ... Влияние существующих факторов и барьеров будет и в дальнейшем воспроизводить сложившиеся тренды регионального неравенства» [2, с. 28 – 29].

Высоко значимой является также экономическая гетерогенность российских территорий. Коэффициент поляризации производительности труда, оцениваемый как отношение регионального максимума к региональному минимуму, в 2001 году составлял 18,8 раза, а в 2004 году – 25,8 раза [1, с. 178]. С того времени этот коэффициент еще несколько вырос и стабилизировался. Глубокие различия экономики и социальной сферы неизбежно определяют гетерогенность гражданского общества.

В диссертационном исследовании С.В. Петровой эта гетерогенность гражданского общества обоснованно переносится на гражданскую культуру: «Особенностями гражданской политической культуры в России являются многослойность и гетерогенность, проявляющиеся в существовании множества субкультур, фрагментарность, многомерная конфликтность» [3, с. 12].

Одна из наиболее показательных иллюстраций региональной гетерогенности политического управления относится к уровням коррупции. Так, в результате исследования Южным региональным ресурсным центром уровня коррупции в Краснодарском крае был получен показатель 40% коррупционной нагрузки на вновь построенное жилье. В Сахалинской области этот показатель – 6%. Такая разница объясняется уровнем спроса, то есть экономической причиной. Сахалинский эксперт прокомментировал это одному из авторов данной работы следующим образом: «Когда люди массово поедут с Кубани на Сахалин, цифры будут противоположные».

Помимо демографических и экономических, существуют социокультурные факторы региональных различий. Они менее объективны, но более устойчивы. К ним относится, например, уровень консервативности социума. Что это такое, можно показать на примере того же Краснодарского края: в годы гражданской войны значительная часть населения Кубани выступила за традиционные ценности против Советской власти. Соппротивление здесь продолжалось долго и было ожесточенным. Со сменой поколений изменились политические установки, но не уровень консерватизма. То есть, когда Советская власть стала привычным социально-политическим ландшафтом для кубанцев, жители региона консервативно держались за нее все 90-е годы XX в., заслужив ярлык «пряжки красного пояса».

Еще более важным фактором региональной гетерогенности являются различия по шкале «традиционализм – модернизм» [4, с. 225]. Один из

полюсов этой шкалы (традиционализм) в России был сосредоточен главным образом в границах Северо-Кавказского федерального округа. Эти особенности активно влияют на региональную гражданскую культуру. Здесь необходимо сделать важное отступление, посвященное Северному Кавказу. Социокультурные особенности влияют на гражданскую культуру, и если начинает динамично изменяться социокультурная сфера, возникают новые тренды гражданской культуры. Как отмечает И. Стародубровская, на Северном Кавказе в последние два с половиной десятилетия происходят столь радикальные, динамичные и необратимые изменения, что в этом отношении его трудно сравнить с каким-либо другим российским регионом [5, с. 96 – 97]. Две последние войны на Северном Кавказе сыграли роль сильнейшего катализатора социальной модернизации. В течение очень короткого по историческим меркам времени существенно изменилась гендерная позиция молодых мужчин относительно более старших возрастов и гендерная позиция женщины относительно мужчины. В регионе активизировалась работа «социальных лифтов», основанных на личных качествах, а не на групповой принадлежности. Гражданская культура этого региона в настоящее время так же нестабильна, как социокультурная сфера.

Дополнительным и важным фактором гетерогенности является уже сложившееся распределение региональных политических режимов в России по шкале восприятия реформ, наиболее ярко проявляющимся в случае с административной реформой: реальное исполнение, имитация и игнорирование. Это распределение сложилось в силу субъективных факторов, главным образом личности региональных руководителей. Краснодарский край демонстрирует яркий случай имитации. По результатам чрезвычайно интересного исследования профессора В.Н.Якимца «Индексы оценки состояния гражданского общества в регионах современной России», которые были представлены на симпозиуме «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России», край занял третье место среди субъектов РФ по такому показателю, как «развитие партнерских отношений между гражданскими организациями и властью по продвижению механизмов межсекторного социального партнерства». Кубань оказалась сразу за Самарской областью и Пермским краем [6, с. 19]. При этом наличие механизма социального партнерства фиксировалось по принятию нормативного документа. Проблема заключается в различиях между принятием документа и реальной активностью института. Например, Закон Краснодарского края «Об Общественной палате» был принят в 2008 году, однако Общественная палата Краснодарского края сформирована лишь в 2013 году.

Очевидно, что при таком уровне гетерогенности регионов России нельзя говорить о единой российской гражданской культуре. Учитывая властецентричный характер российского общества и избыточное влияние власти на все сферы общественной жизни, автор использует для классификации типов гражданской культуры критерий различий стратегий

политического управления. Актуальные для современной России типы гражданской культуры могут быть выделены методом отстройки от типов стратегий политического управления, используемых в ходе реформ. Новаии в системе власти сопровождаются одной из трех стратегий: игнорирование; имитация; внедрение. Игнорирование предполагает, что власть не делает ничего даже в сфере своей прямой ответственности. Имитация означает формальное выполнение, когда проблема не решается, но создается видимость активности по ее решению. Внедрение – оптимальный вариант, при котором власть искренне и целенаправленно внедряет важную для общества инновацию.

Соответственно, стратегия игнорирования порождает протестную гражданскую культуру, имитация – культуру правового сопротивления, и внедрение – культуру гражданского сотрудничества. Культура гражданского общества субъектов РФ и даже более крупных по территории регионов может быть отнесена к одному из этих основных типов. Другими словами, гражданское общество остается ведомым, позицию ведущего сохраняет власть. Один из главных вопросов современной российской сферы гражданской культуры: какую гражданскую культуру производит власть своими действиями?

От одного субъекта РФ к другому ответ на этот вопрос будет разным. Есть ряд территорий России, где можно говорить об общем векторе эффективного внедрения новаций в интересах общества: Пермский край, Самарская область. Здесь, по мнению автора, создаются хотя бы минимально необходимые условия для формирования культуры гражданского сотрудничества.

Для значительной части субъектов РФ характерна модель имитации. Это можно уверенно сказать о Краснодарском крае. Требования административной реформы (реформы системы исполнительной власти) по повышению эффективности взаимодействия власти и гражданского общества в рамках данной модели выполняются формально, то есть без ориентации на результат. Но все же выполняются. Это определяет главную ответную стратегию гражданского общества, которая реализуется в рамках культуры правового сопротивления. Другими словами, здесь структуры гражданского общества ориентируются на то, чтобы наполнить содержанием создаваемые властью «пустые формы»: общественные советы при органах власти, другие переговорные площадки. Кроме этого, на таких территориях граждане сами иницируют и создают новые механизмы взаимодействия с властью (ежегодный Антикоррупционный гражданский форум Краснодарского края). При этом есть установка на взаимодействие именно с этой властью, конкретными чиновниками и депутатами.

Наконец, наиболее ярким примером модели игнорирования и, соответственно, протестной гражданской культуры являются некоторые республики Северного Кавказа. Для протестной гражданской культуры типична готовность многих людей на использование насилия по отношению

к власти и ее представителей. Это – гражданская культура активного сопротивления, признающая возможность незаконных методов взаимодействия с властью. Рост популярности салафий (фундаменталистского ислама) также можно рассматривать как ответную реакцию некоторой части общества на деятельность власти. Этот рост продолжается, поскольку у него есть объективная база – высокий уровень относительной депривации. «Дрожжи», на которых вырастает салафийя – массовое чувство несправедливости. Конечно, далеко не все носители протестной гражданской культуры и далеко не всегда готовы использовать незаконные методы в своем диалоге с властью. Но даже в тех случаях, когда выбираются легальные способы, граждане исходят из того, что эту власть нужно сменить. Пример: при подготовке первых выборов органов местного самоуправления в Ингушетии, республиканская власть навязала муниципальным образованиям модель местных выборов по пропорциональной системе. То есть все депутаты органов местного самоуправления были выбраны на первый двухлетний срок по партийным спискам. Создаваемые в настоящее время инициативные группы по проведению местных референдумов хотят добиться изменения этой системы, введения голосования по территориальным округам. Другими словами, люди исходят из того, что власть нужно сначала поменять, а потом уже строить с отношения с другой властью.

Предложенные авторами типы гражданской культуры условны, как любая типология. Но, по нашему мнению, в условиях современной России они достаточны для прикладного анализа.

Список использованной литературы:

1. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Селективная политика реструктуризации собственности//Общество и экономика. 2006. № 10.
2. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М., 2010.
3. Петрова С.В. Гражданская культура: теоретическая модель и практическая реализация в процессе демократических реформ в России. Дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2004.
4. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
5. Стародубровская И. Трансформация Северного Кавказа: от традиционного общества к современному//Pro et Contra. 2014. № 1 – 2 (62), январь – февраль.
6. Якимец В.Н. Оценка и направления использования потенциала гражданских инициатив и возможностей межсекторного социального партнерства при модернизации России//Материалы Всероссийского научно-практического симпозиума с международным участием «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России». М., 2011.

Сайфулин И.С.,
аспирант кафедры «Связи с общественностью» юридического института
Тамбовского государственного технического университета

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

Политический процесс в современной России представляет собой совокупность взаимодействий политических акторов, их активность по использованию политической власти. Такой процесс крайне восприимчив к внешнему воздействию. В рамках достижения намеченных целей отдельные акторы часто прибегают к политическим технологиям, тем самым воздействуя на некоторые политические процессы в стране, а иногда и на всю политическую систему. Тем самым, изучение процесса использования таких технологий позволит понять их сущность, понять их назначение, минимизировать негативное воздействие некоторых из них.

Как известно, политическая технология представляет собой совокупность используемых средств и приемов достижения результата политического процесса [7]. Современные реалии заставляют концентрировать внимание на технологии деструктивного толка, которые разрушают существующие политические системы путем "цветных революций". Фундаментальной идеологической основой таких революций стал труд Джина Шарпа «От диктатуры к демократии». Эта книга сыграла огромную роль в свержении авторитарных режимов Сербии, Грузии, Украины, Египта и других стран и на сегодняшний день стала классическим руководством по тактике и стратегии ненасильственного политического сопротивления [12]. Также фундаментальным базисом ненасильственных изменений в любом государстве стала теория управляемого хаоса. Теория была разработана в Институте Санта-Фе (Нью-Мексико, США), являющимся некоммерческой организацией и занимающимся междисциплинарным исследованием фундаментальных свойств сложных адаптивных систем, включая физические, математические, биологические и социальные системы. Фактически теория была изложена в труде Стива Манна «Теория хаоса и стратегическая мысль», который содержал исходные положения новой концепции завоевания геополитического превосходства [6].

Согласно С. Ману, существуют следующие средства создания хаоса на той или иной территории:

- содействие либеральной демократии;
- поддержка рыночных реформ;
- повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего у элит;
- вытеснение ценностей и идеологии [14, с. 54 - 68].

В условиях современной действительности теория управляемого хаоса почти всегда становится средством достижения геополитических целей. Например, такая стратегия рассматриваемая большинством правящих

атлантических элит как единственная возможная в настоящее время, предполагает, кроме того, стимулирование экстремизма, как основного инструмента, переводящего и «дружеские» и «остальные» политические режимы в «зону нестабильности» [11].

На основе теории создана доктрина «управляемого хаоса», основные положения которой сводятся к следующему: объединение в нужный момент и на требуемый период разрозненных политических сил, выступающих против существующего законного правительства; подрыв уверенности лидеров страны в своих силах и в лояльности силовых структур; прямая дестабилизация обстановки в стране, поощрение настроений протеста с привлечением криминальных элементов с целью посеять панику и недоверие к правительству; организация смены власти путем военного мятежа, «демократических» выборов или другим путем [13].

Условия глобализации предопределили рискогенность существующих политических процессов. Профессор Клаус Шваб, основатель Давосского форума, предостерегал: «Глобализация вступила в весьма критическую фазу. Мы все острее ощущаем возврат к политике «кнута». Есть опасность, что это окажет пагубное воздействие на экономическую активность и политическую стабильность в разных регионах». Последствия глобализации особенно остро ощущаются в системе межгосударственных отношений. Очевидно, что сложившиеся веками правила международного общежития рассыпаются на глазах. В них все меньше места остается уважению суверенитета и территориальной целостности, невмешательству во внутренние дела государств. На смену приходит голая целесообразность формирующейся глобальной иерархии, утверждающей действенные институты международных регулирующих органов («глобальная держава», Большая семерка, ВТО, Всемирный банк, ОПЕК, НАТО и др.), формируя при этом на противоположном полюсе племя отверженных государств [9].

Так, очевидным является то, что на смену старой колониальной концепции «разделяй и властвуй» пришла современная доктрина «управляемого хаоса». Экспортировать удобнее не демократию, не революции напрямую, а хаос. – и национализм есть проводник его». Зачастую проводником такого хаоса являются идеи национализма [4]. Подтверждением тому может являться, например, украинский "Евромайдан" [5], политическая активность "Правого сектора" на Украине [8] и попытки осуществить подобное "Евромайдану" на территории Российской Федерации.

В январе 2014 года на Итоговой военно-научной конференции Академии военных наук (АВН) управляемый хаос был отнесен к одной из угроз национальной безопасности. Президент АВН генерал армии М.А. Гареев отметил следующее: "Если говорить об угрозах обобщенно, то первая группа угроз связана с информационными и другими подрывными действиями, созданием управляемого хаоса с целью провоцирования в противостоящих странах различного рода волнений, свержения неугодных

властных структур изнутри и нарушения внутренней устойчивости государства, как это было сделано в Ливии, а в последнее время - в Сирии." Отмечались и способы противостояния «невоенным угрозам» - так называемой «мягкой силе». М.А. Гареевым определено, что внутри страны особое значение приобретает общественная (внутренняя) безопасность, обеспечение единства и сплоченности народов России, пресечение экстремизма, национализма и других подрывных действий. Озвучено предложение создания Министерства по делам национальностей, которое состояло бы не из чиновников административного плана, а из наиболее мудрых и авторитетных политических и общественных деятелей [2].

На основании вышеизложенного ясным является то, что угроза применения технологии управляемого хаоса для России существует, и действия по минимизации факторов, способствующих появлению и распространению такой угрозы, стали приоритетными для безопасности российской государственности.

На территории России, в условиях формирования общественного мнения под сильнейшим влиянием телевидения, информационно-коммуникационной сети "Интернет", обусловленного в том числе и советским прошлым, имеют огромное значение объекты общественного дискурса. Например, российские участницы арт-проекта политического акционизма и одновременно феминисткой панк-рок-группы Pussy Riot, которые последнее время активно участвуют в общественной жизни, намерены в Европарламенте призвать Запад к самым жестким санкциям по отношению к России. Поясняя свои слова о самых жестких санкциях, одна из участниц отметила, что "только если Евросоюз введет в адрес России экономические санкции, то жизнь всех россиян ухудшится. И тогда они выйдут на митинги и демонстрации". Участницы Pussy Riots считают, что сейчас "диван под россиянами стал слишком удобным, поэтому никто и не шевелится, чтобы участвовать в акциях протеста". По их убеждению, ухудшение уровня жизни рядовых россиян - единственный шанс на смену власти в России [15].

Такие индивидуальные проявления отдельных медийных субъектов могут показаться ничтожными в масштабах целой страны, но стоит обратить внимание на труды всё того же Джина Шарпа. В работе "От диктатуре к демократии" автор отмечает следующее: "Угнетенный народ часто не хочет, а иногда и не может бороться, поскольку не верит, что способен противостоять безжалостной диктатуре, и не знает путей к спасению. Поэтому многие и возлагают надежду на других. Такой внешней силой может быть «общественное мнение», Организация Объединенных Наций, определенная страна или международные экономические и политические санкции". Также стоит отметить, что американский социолог Г. Дерлугьян, изучающий постсоветские страны, пишет: «Массовое обнищание и недовольство политически не опасны и могут регулярно уходить в эмиграцию, рост заболеваемости, алкоголизма, мелкую преступность,

падение рождаемости и прочие социальные патологии. Все это превращается в социальный динамит только когда возникает детонатор - неподконтрольные религиозные проповедники, интеллигенция, организовавшаяся в революционное движение, или выпавшие из обоймы начальники и особенно молодые харизматические личности, которым не удастся встроиться во власть» [3].

В рамках научного анализа стоит обратиться к политической ситуации страны в целом и спроецировать сказанное Д. Шарпом применительно к России. К апрелю 2014 года против России уже был введен ряд санкций [10]. Существует целая плеяда русских националистических организаций, исламских радикальных течений. Такие своеобразные политические акторы открыто высказывают своё недовольство действующему режиму и предпринимают радикальные действия для смены политического руководства. Т.е. происходит внутреннее давление на власть и внешнее воздействие на государство через санкции международных организаций и отдельных стран. Как раз про такие события и говорит Д. Шарп. Им отмечается польза давления международного сообщества в условиях поддержки сопротивления внутри страны. Активность стран и международных организаций должна напрямую зависеть от такого сопротивления [12].

В целом, означенные положения свидетельствуют об очевидных предпосылках использования технологии управляемого хаоса на территории Российской Федерации. По мнению автора, вышеотмеченные слова Д. Шарпа находят своё прямое отражение в современной России. Вопрос роста деструктивной политической активности зависит от государственной рефлексии и готовности мобилизовать все силы против нарастающей угрозы. Для противодействия деструктивным политическим технологиям необходимо акцентировать внимание общества и государства на исследовании стратегий, базирующихся на использовании в подрывных целях военно-политической, социальной, экономической нестабильности и турбулентности, которые формируются за счет искусственно создаваемой хаотизации обстановки в отдельных странах и регионах. Процессами хаотизации охватываются ключевые сферы управления коллективной деятельностью людей: административно-государственная (политическая), культурно-мировоззренческая и социально-экономическая [1]. Основопологающими факторами безопасности внутри страны и недопущения "цветных революций" являются формирование сознательного общественного мнения, выработка этнической, правовой, гражданской идентичности, создание достойных условий для жизни населения, создание механизмов регулирования использования технологий управляемого хаоса.

Список использованной литературы:

1. Бартош А. Теория управляемого хаоса. ОДКБ в прицеле цветных революций [Электронный ресурс] // Центрально-азиатский портал [сайт]. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:11371> (дата обращения: 27.04.2014)
2. Гареев М.А. Итоги деятельности Академии военных наук за 2013 год и задачи академии на 2014 год [Электронный ресурс] // Академия военных наук: [сайт]. URL: <http://www.avnrf.ru/index.php/vse-novosti-sajta/621-itogi-deyatelnosti-akademii-voennykh-nauk-za-2013-god-i-zadachi-akademii-na-2014-god> (дата обращения: 27.04.2014)
3. Дерлугьян Г. Выход из революции. Политический журнал, 2004, № 13
4. Каменев В. Фейковая «демократия» и «управляемый хаос» [Электронный ресурс] // Военное обозрение: [сайт]. URL: <http://topwar.ru/32425-feykovaya-demokratiya-i-upravlyaemu-haos.html> (дата обращения: 27.04.2014)
5. Майдан Незалежности // Википедия - свободная энциклопедия [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Майдан_Незалежности (дата обращения: 27.04.2014)
6. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс] // Сайт С.П. Курдюмова: [сайт]. URL: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/> (дата обращения: 27.04.2014)
7. Политическая наука: словарь-справочник./ авт. и сост. Санжаревский И.И. Тамбов, 2013. URL: <http://www.glos.virmk.ru/> (дата обращения: 27.04.2014)
8. Правый сектор <http://> Википедия - свободная энциклопедия [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Правый_сектор (дата обращения: 27.04.2014)
9. Ремарч В.Н. "Управляемый хаос" как политическая технология в современной геополитике [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: hmbul.bmstu.ru/articles/153/153.pdf (дата обращения: 27.04.2014)
10. Санкции против России (2014) :// Википедия - свободная энциклопедия [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Санкции_против_России_\(2014\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Санкции_против_России_(2014)) (дата обращения: 27.04.2014)
11. Сундиев И.Ю. Экстремизм в условиях развертывания глобального кризиса (экспозиция явления) [Электронный ресурс] // Сайт С.П. Курдюмова: [сайт]. URL: <http://spkurdyumov.ru/biology/ekstremizm/> (дата обращения: 27.04.2014)
12. Шарп Д. От диктатуры до демократии [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: [http://www.inliberty.ru/assets/files/books/Sharp%20\(1\).pdf](http://www.inliberty.ru/assets/files/books/Sharp%20(1).pdf) (дата обращения: 27.04.2014)
13. Шпилькин Ю. Доктрина управляемого хаоса [Электронный ресурс] // Проза.ру: [сайт]. [2014]. URL: <https://www.proza.ru/2014/03/19/1842> (дата обращения: 27.04.2014)
14. Mann S.R. Chaos Theory in Strategic Thought // *Parameters*. Autumn 1992. P. 62. Цит. по: M.S.G. Nitzschke. *United States Marine Corps Vietnam: A Complex Adaptive Perspective* Mann, Steven R. *Chaos Theory and Strategic Thought* // *Parameters* (US Army War College Quarterly), Vol. XXII, Autumn 1992, pp. 54–68.
15. Pussy Riot потребуют в Европарламенте ухудшить жизнь рядовых россиян: "Тогда они выйдут на улицы" (Эстония). URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1784386.html> (дата обращения: 27.04.2014)

Санжаревский И.И.,
д. п. н., профессор кафедры государственного и муниципального управления
РАНХ иГС (Тамбовский филиал), кафедры «Связи с общественностью»
Тамбовского государственного технического университета

«СЕРВИСНОЕ ГОСУДАРСТВО» КАК ОСОБАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ГРАЖДАНАМИ

Сервисная идея развития системы государственного и муниципального управления основывается не столько на конституционно-правовой легальности власти, как на классической экономической схеме: «производитель услуг - потребитель», корпоративной социальной теории власти, где устойчивость и легитимность государственных органов связана, во-первых, с эффективностью выявления, моделирования и реализации индивидуальных и групповых интересов, и потребностей в сочетании с современным пониманием принципов социальной справедливости, с сетевым характером современного общества [10]. Во-вторых, с системными характеристиками воспроизводства современного общества, среди которых в качестве основной многие исследователи выделяют его «сетевой» характер, вступивший в конкуренцию с прежней стратифицированной структурой. В современном общественно-государственном устройстве доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей [2].

В этой связи, основной особенностью и текущей доминантой государственной управленческой деятельности в современных условиях становится степень «удовлетворенности потребителей», граждан, населения, степень удовлетворенности заявителей становится интегральным показателем эффективности государственного и муниципального управления. Важнейшая задача при построении всей системы сервисного государства - создание современных, удобных для граждан механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг. Многофункциональные центры, по сути, стали первым реально действующим механизмом сокращения сроков предоставления государственных услуг. Время ожидания в очереди в многофункциональных центрах рекордное среди всех существующих способов получения услуг – в среднем, оно составляет менее 15 минут [6].

Федеральным законом от 28 июля 2012 года № 133-ФЗ [8] были внесены изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения ограничений для предоставления государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна», установлены не только дополнительные функции, права и обязанности многофункциональных центров и ведомств, предоставляющих государственные услуги, принципы взаимодействия этих структур друг с другом, но и сняты все ограничения на федеральном уровне по

предоставлению государственных услуг по принципу «одного окна», за предоставление которых отвечают федеральные органы исполнительной власти. Следующий этап – снять такие ограничения на уровне субъектов Российской Федерации.

Сегодня создание новых многофункциональных центров и практика обслуживания населения по принципу «одного окна» стремительно распространяется во всех регионах России. Согласно Указу Президента [7], как мы уже отмечали выше, к 2015 году доля граждан, имеющих доступ к получению государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна» по месту пребывания, в том числе в многофункциональных центрах предоставления государственных услуг, должна увеличиться до 90%.

На конец 2011 года МФЦ работали уже в 62 субъектах Российской Федерации. За 2012 год ещё 11 регионов впервые открыли МФЦ и организовали реализацию данного проекта. Лидеры по количеству открытых многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг в 2012 году: Москва - открыто 27, Ростовская область – 24, Самарская область – 23 центра оказания государственных и муниципальных услуг. Благодаря этому, по состоянию на начало 2013 года обеспечена доступность государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна» для 25% населения страны. В соответствии с Указом Президента от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» плановый показатель в 2012 году должен был составлять 12%, а в 2013 году – 20%.

Тамбовской областью опыт организации предоставления услуг на базе многофункциональных центров по принципу «одного окна» стал отрабатываться одними из первых в стране. Первый МФЦ работает в г. Тамбове с сентября 2008 г. Благодаря соблюдению стандартов качества и комфортности - услуги, предоставляемые здесь, весьма востребованы. Первый миллион услуг по данной схеме жителям Тамбовской области оказан за неполные 3 года [4].

Однако вполне справедливым является ожидание того, что оказание услуг будет одинаково качественным не только для жителей областного центра, но и для всех жителей области, в том числе проживающих в удаленной местности. С целью обеспечения равной доступности граждан к услугам, независимо от места их проживания, в области реализуется целевая программа «Снижение административных барьеров, оптимизация и повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе на базе МФЦ, на 2011-2013 гг.», утверждена и внедряется Схема базовых параметров размещения МФЦ и их филиальной сети на территории области [9].

На основании данных нормативных документов в области развернута активная работа по созданию сети многофункциональных центров, а также удаленных рабочих мест для реализации принципа «одного окна». На территории области действует 13 МФЦ - в городах Тамбов, Мичуринск,

Котовск, Уварово, Кирсанов, а также Первомайском, Токаревском, Пичаевском, Сосновском, Никифоровском, Уметском, Жердевском, Знаменском районах. В настоящее время ведется создание и планируется открытие 3 МФЦ в Бондарском, Ржаксинском, Сампурском районах.

Создание МФЦ достаточно финансово затратная задача. Организация деятельности только одного МФЦ из бюджетов всех уровней в 2011 г. составила порядка 5,5 млн.руб., а в 2012 г. уже 8 млн.руб. В данной связи при организации деятельности МФЦ применяется принцип межтерриториальности, учитывающий целесообразность объединения городских округов и муниципальных районов, находящихся на одной территории. В соответствии с утвержденным планом размещения МФЦ и их филиальной сети на территории области, до конца 2015 года планируется создание 24 МФЦ с охватом обслуживания населения всех 30 муниципальных образований.

При этом для жителей области, проживающих в территориях, где подобные центры пока отсутствуют, начиная с 2012 года по графику организовываются выезды «мобильных МФЦ». Как правило, для оказания необходимой бесплатной юридической помощи. Только в 2012 году такие консультационные услуги получили 1950 граждан. Кроме того, планируется на территории 152 сельсоветов с численностью населения свыше 1000 человек до конца 2015 года организовать 202 «окна». Это так называемые «удаленные рабочие места МФЦ».

На сегодняшний день индивидуально отрабатываются оптимальные варианты по их размещению на базе администраций сельсоветов, центров социальной защиты, библиотек, либо почтовых отделений в зависимости от возможности обеспечения необходимого стандарта комфортности в данных помещениях в том или ином муниципальном образовании.

Ключевым фактором в деятельности МФЦ выступает межведомственное взаимодействие, которое представляет собой обмен документами и информацией, в том числе в электронной форме, между органами власти и органами местного самоуправления без участия заявителя в целях предоставления гражданам и организациям государственных и муниципальных услуг. При этом межведомственное взаимодействие распространяется как на физических, так и на юридических лиц.

В идеале принцип «одного окна» предусматривает, что заявитель обращается за услугой всего в один орган государственной власти или МФЦ, при этом практически делает всего «два шага»: первый – чтобы подать документы, и второй – чтобы получить результат услуги. Остальные необходимые операции орган государственной власти, ответственный за предоставление услуги и принявший документы, в том числе через офис МФЦ, выполняет сам. Основной инструмент реализации данного принципа – организация предоставления услуг на базе МФЦ, поскольку именно этот механизм позволяет синхронизировать работу разных ведомств, снизить коррупционные факторы при работе с заявителями.

Основным инструментом для реализации задачи в электронной форме выступает так называемая - система электронного межведомственного взаимодействия (СМЭВ), представляющая собой информационную систему, которая позволяет федеральным, региональным и местным органам власти в электронном виде обмениваться данными, необходимыми для оказания государственных услуг гражданам и организациям.

Практика показывает, что в результате организации межведомственного взаимодействия заявителю значительно экономят временные и материальные затраты на сбор части необходимых документов. Так в результате анализа практики оказания услуги «Предоставление ежемесячного пособия на ребенка» на предмет способа предоставления документов было установлено, что разница в процессе получения однотипной услуги с использованием межведомственного взаимодействия и при предоставлении полного пакета документов, собранных заявителем самостоятельным образом, составила 12 дней. С использованием СМЭВ – 13 дней, без СМЭВ – 25 дней.

Жители области уже оценили удобство данной формы повышения качества услуг: количество заявителей, формирование пакета документов, которых потребовало межведомственного взаимодействия, за год выросло более чем в 4 раза - с 11% в июле 2012 г. до 46% к ноябрю 2013 года.

По официальным данным Министерства связи и массовых коммуникаций весь комплекс проводимых в рамках данного направления мероприятий позволил Тамбовской области в июле текущего года по количеству запросов к федеральным сведениям занять второе место по Российской Федерации и 6 место за календарный год мониторинга [4].

Таким образом, сервисный подход к сущности государства связан с такими направлениями оптимизации организационно-властной и правовой деятельности, как развитие сетевых форм управленческого взаимодействия, формирование «электронного правительства», коммуникативных технологий контроля и планирования, развитие «онлайновых» услуг, формирование многосторонних связей, позволяющих гражданам активно участвовать в отправлении власти.

В то же время необходимо отметить, что как в отечественной, так и зарубежной литературе не сформировался единый подход к определению понятий «правовой сервис», «сервисное государство», «государственные услуги», «сетевой характер услуг» [5]. Отмечая, что современное государство может выполнять свою миссию только на условиях партнерства и кооперации с обществом [1], трансформируясь в сервисное государство, и обобщая различные концептуальные наработки, можно определить «сервисное государство» как особую политическую форму организации публичной власти, располагающую специальным аппаратом управления, направленным на оказание публичных услуг гражданам, а также система социально-правовых гарантий достойного жизнеобеспечения человека, его прав и свобод.

Признавая, что сетевой ландшафт публичной политики является определяющим для современной российской модели государственного и муниципального управления, и основываясь на практиках политической институционализации социальных сетей в социокультурной среде российского общества и конструировании сетевых сообществ в онлайн-пространстве публичной политики, необходимо констатировать инкорпорирование социальных сетей в систему публичного государственного и муниципального управления [3].

Поэтому сетевой принцип организационно-публичного и правового взаимодействия государства и граждан следует рассматривать как форму организации государственной и муниципальной управленческой деятельности, позволяющую существенно снизить издержки традиционной политико-правовой регламентации общественных процессов, обеспечить более мобильное взаимодействие с общественными институтами и структурами, вскрыть системные пороки и оперативно решать практические проблемы взаимодействия государства и общества при сохраняющихся традиционных формах и технологиях управления.

Список использованной литературы:

1. Вилков А.А. Политическое управление и гражданское общество в современной России // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Социология. Политология, вып. 4. С.62-69.
2. Кастельс М. Информационная эра: Экономика, общество и культура. М.: 2000. Изд. ГУ ВШЭ. 608 с.
3. Мирошниченко И.В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Изд. Просвещение-Юг, 2013. 295 с.
4. Текущий архив Управления организационной и кадровой работы Администрации Тамбовской области // Информационный портал органов государственной власти Тамбовской области. URL: www.tambov.gov.ru/org (дата обращения 22.05.2014 г.).
5. Коверзнева С.А. Государство и общество в современной российской публичной политике. Дис... кад.полит.н. 2011. Санкт-Петербург. С-ПбГУ. 171 с. // Электронная библиотека диссертаций «dissertCat» URL: www.dissercat.com/content/gosudarstvo-i-obshchestvo-v-sovremennoi-rossiiskoi-publichnoi-politike (дата обращения 22.05.2014 г.).
6. Совершенствование государственного управления: Портал административной реформы. URL: www.ar.gov.ru (дата обращения 16.12.2013)
7. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»
8. Федеральный закон от 28 июля 2012 года № 133-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения ограничений для предоставления государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна»»
9. Целевая программа «Снижение административных барьеров, оптимизация и повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе на базе многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, на 2011 - 2013 годы» (Утв. Постановлением администрации Тамбовской области от 29.06.2011 № 752) // Информационный портал органов

государственной власти Тамбовской области. URL: www.tambov.gov.ru/org (дата обращения 22.05.2014 г.).

10. Санжаревский И.И. К вопросу о концепциях сервисного и сильного государства и современных модернизациях политического управления // Вестник Поволжской академии государственной службы Саратов. Изд-во: ПАГС, ISSN: 1682-2358. 2014. № 1 (40). С. 9-16.

Сергеев С.Г.,

**к. п. н., доцент, профессор кафедры философии и политологии
Саратовского социально-экономического института РЭУ имени Г.В. Плеханова**

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВНЕКОНСТИТУЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ЗАЩИТЕ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН*

Институт омбудсмана – один из важнейших публичных и неполитических по своей природе институтов современной либеральной демократии, предназначение которого состоит в дополнительной специализированной государственной защите прав граждан. Его появление на отечественной почве было самым непосредственным образом связано с постсоветской модернизацией общественно-политической, социально-экономической и духовно-культурной жизни страны, с предполагавшейся коренной трансформацией статуса личности.

В России институт омбудсмана был учрежден Конституцией РФ 1993 года, не предусматривает более никаких других омбудсменов, кроме Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, хотя, вместе с тем, и не содержит какого-либо запрета или ограничения на это. Формальная конституциализация института на уровне субъекта Федерации производилась путем внесения соответствующее положение в Конституцию или Устав субъекта РФ, как того требовал федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [2].

На примере уполномоченных по правам человека видно, что в России уже во второй половине 1990-х годов была заметна тенденция к количественному возрастанию элементов института омбудсменов и к его распространению на два уровня публичного управления – федеральный и региональный. В то же время, он продолжал оставаться парламентским и в должной мере сохранял приданный ему характер конституционного образования.

* Статья выполнена в рамках исследовательского проекта «Социокультурные факторы модернизации современного российского общества (региональный аспект)» по государственному заданию Министерства образования и науки Российской Федерации

Качественные трансформации рассматриваемого института начались в 2009 году, когда главой государства был учрежден Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка. В отличие от Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, этот омбудсмен является внепарламентским и внеконституционным: федеральная Конституция не предусматривает его необходимость, а назначение на должность производится не какой-либо палатой Федерального Собрания, а главой государства. Отметим, что такой порядок не является сугубо российским, поскольку в целом ряде европейских стран довольно долго и весьма успешно функционируют внепарламентские омбудсмены [9].

Учреждение «детского» Уполномоченного маркирует две тенденции, подтверждающиеся последующим развитием. Во-первых, оно свидетельствует о готовности Президента, апеллируя к «спящим» или дискреционным полномочиям, выходить за формальные рамки функционала, установленного ему Конституцией РФ, а во-вторых – о расширении области применения и углублении специализации института омбудсменов в целом.

Появление Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка позволяет провести сравнение с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации.

В первую очередь обращает на себя внимание, что статус и полномочия «детского» омбудсмента устанавливаются не федеральным конституционным законом, а указом главы государства [4]. Это представляется логичным, поскольку Уполномоченный по правам ребенка функционирует при Президенте РФ.

Подобно федеральному конституционному закону об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, Указ Президента создает предпосылки для своеобразного «транслирования» института «детского» омбудсмента на региональный уровень: п. 5 данного акта рекомендует органам государственной власти субъектов Российской Федерации учредить должность уполномоченного по правам ребенка. Таким образом, предполагается распространение института омбудсмента на федеральный и региональный уровни публичного управления.

Следуя рекомендации главы государства, субъекты Федерации стали учреждать должности региональных уполномоченных по правам ребенка. Хотя никакой федеральный акт к тому не обязывает, значительная часть субъектов РФ сделала своих «детских» омбудсменов парламентскими и конституционными/уставными, введя нормы о них в региональные Основные законы и отнеся назначение и освобождение от должности региональных уполномоченных к компетенции законодательных собраний. Посредством этого внеконституционному по своей природе на федеральном уровне институту на региональном уровне придается конституционный/уставный характер, который подкрепляется принятием соответствующего закона субъекта РФ. В целом, так же, как и в случае с федеральным и региональными уполномоченными по правам человека, можно

констатировать неоднозначность состояния института «детского» омбудсмана с точки зрения полноты его конституционности: федеральный сегмент внеконституционен, тогда как региональный может быть и конституционным/уставным, так и внеконституционным/внеуставным (в зависимости от конкретного субъекта Федерации, в котором учреждена соответствующая должность).

Дальнейшее усложнение института омбудсменов было произведено в 2012 году, когда, выполняя данные в предвыборный период обещания, вновь избранный главой государства В. Путин своим указом назначил Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей [3]. Документ не содержал никаких положений, которые бы позволяли определить статус, полномочия или основания деятельности федерального бизнес-омбудсмана, тем не менее, он совершенно определенно говорил, что, как и в случае с «детским» Уполномоченным, создается внеконституционный и внепарламентский институт. Поэтому все ранее нами данные общеаналитические оценки, касающиеся федерального «детского» омбудсмана, будут актуальны и в отношении федерального бизнес-омбудсмана. В то же время, нельзя пройти мимо сразу же наметившихся отличий между этими двумя внеконституционными образованиями.

Существенным, на наш взгляд, является заявленное главой государства стремление пусть и не сделать новый институт формально конституционным, но в буквальном смысле узаконить его: соответствующий федеральный закон предполагалось принять до конца 2012 года. Справедливости ради отметим, что выполнить намеченное удалось лишь без малого через год после учреждения должности федерального бизнес-омбудсмана – в мае 2013 года [5], при этом подготовка и продвижение соответствующего законопроекта проходили весьма непросто. Кроме того, принятие федерального закона, казалось бы, противоречит элементарной административной логике: если Уполномоченный учрежден при Президенте РФ, то, как и в случае с «детским» омбудсменом, для его регулирования требуется акт соответствующего вида, то есть – указ главы государства. Однако при анализе выясняется, что такое несоответствие не является критичным.

Действительно, значительная часть содержания закона посвящена Уполномоченному при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, но, помимо этого, в документе содержится ряд положений и статей (прежде всего, статьи 9 и 10), устанавливающих основы статуса и функционирования уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Федерации. Вероятно, именно поэтому закон носит «говорящее» название – «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации», акцентирующее, с одной стороны, количественное множество таких омбудсменов и, с другой стороны, камуфлирующее особую системообразующую значимость профильного Уполномоченного при Президенте РФ.

Учреждение должности регионального бизнес-омбудсмена федеральный закон относит к ведению самих субъектов Федерации. Так же, как это сделано в отношении уполномоченных по правам человека в субъектах РФ, федеральный законодатель оставил данный вопрос на усмотрение региональных органов государственной власти. Но, если федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» в случае принятия положительного решения субъектом РФ прямо требует конституционализации соответствующего института на региональном уровне путем внесения соответствующего положения в Конституцию или Устав субъекта Федерации, то федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» такого требования не содержит. Согласно ему, субъект Федерации обязан принять лишь соответствующий закон о региональном бизнес-омбудсмене, но не обязан в связи с этим вносить какие-либо изменения в свои Конституцию или Устав.

Хотя внеконституционность института бизнес-омбудсмена системно предопределяется и на федеральном, и на региональном уровнях публичного управления, вместе с тем, как и в случае с региональными уполномоченными по правам ребенка, чья конституционализация на региональном уровне не требуется какими-либо федеральными актами, субъекты Федерации могут в инициативном порядке ввести соответствующие нормы в свои Конституцию или Устав. То есть, при сохранении внеконституционности федерального уровня института бизнес-омбудсменов, региональный может быть как внеконституционным/внеуставным, так и конституционным/уставным.

Таким образом, первичный анализ показывает, что с момента своего появления в 1993 году институт омбудсмена трансформировался в сложносоставной, многосегментный институт омбудсменов. Многие его элементы, которые имеет смысл рассматривать как отдельные публичные институты, имеют размытую/неопределенную конституционность или же являются в полной мере внеконституционными. Они распространены на федеральном и региональном уровнях государственного публичного управления вследствие реализации инициатив конституционных субъектов-государственных органов, которые их учредили. Централизованный характер модели федеративного устройства современной России в полной мере нашел отражение в структурировании института омбудсменов и в самом процессе их образования. При этом нормативно-правовое оформление рассматриваемого института демонстрирует различие подходов, отсутствие целостности, последовательности и системности в становлении его отдельных уровней и элементов, что позволяет предположить ситуативность и социально-политическую обусловленность процессов их учреждения.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает «вертикализация» отдельных сегментов сложного института омбудсменов, анализируемая посредством структурно-функционального метода.

Все три рассматриваемые нами в сравнительном аспекте разновидности омбудсменов – уполномоченные по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей – распространены на федеральный и региональный уровни публичного управления, в силу чего каждая в своем сегменте потенциально могут быть вертикально интегрированы. Такая интегрированность выражается через межуровневое взаимодействие и может принимать различные формы – от прямого подчинения нижестоящего уполномоченного вышестоящему (максимальная интеграция) до обратных связей в виде запроса нижестоящего уполномоченного вышестоящему о консультации (минимальная интеграция).

Федеральные нормативные акты об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации и Уполномоченном при Президенте по правам ребенка не содержат каких-либо норм, которые можно было бы расценить как нацеленные на организацию межуровневого взаимодействия соответствующих сегментов сложного института омбудсменов. В сравнительно более поздно принятом федеральном законе о бизнес-омбудсменах мы находим несколько положений, которые устанавливают обязательные формы и процедуры такого взаимодействия. В частности, Уполномоченный при Президенте РФ через свое согласование непосредственно участвует в назначении кандидата на должность уполномоченного в субъекте Федерации (п. 4 ст. 9), тем самым существенно влияя на кадровый состав региональных бизнес-омбудсменов. Кроме того, федеральный закон предусматривает, что уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах РФ по окончании календарного года должны направлять в адрес федерального бизнес-омбудсмента информацию о результатах своей деятельности (п. 6 ст. 10), то есть, фактически отчитываться перед ним.

Однако не следует думать, что в первых двух случаях (уполномоченные по правам человека и уполномоченные по правам ребенка) межуровневое взаимодействие отсутствует, а в третьем (уполномоченные по защите прав предпринимателей) ограничивается исключительно формами, установленными законодательно. Достаточно объемный эмпирический материал показывает, что это не так. В частности, Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Б. Титов в феврале 2014 года дал старт серии из двухсот рабочих совещаний по стране [1], в ходе которых наряду с прочим должна производиться «сверка часов» для координации работы федерального и региональных бизнес-омбудсменов. Происходит не только межуровневый обмен информацией, но и намечаются планы, а также при непосредственном участии федерального Уполномоченного достигаются договоренности с органами власти, нацеленные на оказание ими содействия региональным омбудсменам.

Другой формат взаимоотношений показывает состоявшийся в марте 2013 года рабочий визит федерального «детского» омбудсмента П. Астахова в Саратовскую область, который фактически представлял из себя

инспекционную поездку. Проверке были подвергнуты не только детские учреждения, но и результаты работы регионального уполномоченного по правам ребенка. На итоговой пресс-конференции в Правительстве Саратовской области П. Астахов дал публичную оценку деятельности Ю. Ерофеевой (областного «детского» омбудсмена), а также признался, что она неоднократно обращалась к нему за помощью в решении профильных проблем. Вместе с тем, Уполномоченный при Президенте РФ подчеркнул, что не является начальником регионального уполномоченного и что региональный «детский» омбудсмен является самостоятельной структурой. Вероятно, положительное впечатление, которое произвела Ю. Ерофеева на П. Астахова, способствовало тому, что спустя две недели она вошла в состав совета по делам семьи при федеральном «детском» омбудсмене.

Приведенные примеры показывают, что контрольно-проверочные мероприятия, совещательные структуры и процедуры, содействие в реализации полномочий нижестоящим органам выступают апробированными формами и средствами, позволяющими через взаимодействие разноуровневых элементов вертикально интегрировать определенный внеконституционный сегмент института омбудсменов даже при полном отсутствии каких-либо законодательных норм, на это нацеливающих. Вместе с тем, с достаточной долей уверенности можно прогнозировать законодательное закрепление омбудсменской «вертикали» в ближне- или среднесрочной перспективе. К такому предположению подталкивает высказанное П. Астаховым мнение о желательности принятия федерального закона об уполномоченных по правам ребенка подобно закону о бизнес-омбудсменах [7].

По нашему мнению, появление федеральных законов, посвященных отдельным видам уполномоченных по защите прав отдельных категорий граждан, а в логическом пределе – издание обобщающего рамочного закона об омбудсменах в Российской Федерации, закрепит обозначившуюся тенденцию «вертикализации» взаимоотношений федеральных и региональных профильных уполномоченных. Относительно региональных омбудсменов в целом ее можно обозначить как «от формальной независимости – к формализованной зависимости». Также с большой долей вероятности прогнозируется универсализация положения (статуса) федеральных и, особенно, региональных уполномоченных. Например, может быть сформулировано требование обязательной конституциализации омбудсменов в субъектах Федерации, установлены единообразные процедуры их назначения и налагаемые на кандидатов ограничения.

В настоящее время вертикализация сегментов сложносоставного института российских омбудсменов реализуется в трех принципиальных формах:

- координации деятельности уполномоченных (взаимной или односторонней – от федерального к региональным);

- ассоциирования (относительно равноправного сотрудничества при реализации совместных проектов, например, мониторинга зоны ответственности профильных омбудсменов);
- администрирования (выражающегося в различных формах контроля деятельности нижестоящего звена со стороны вышестоящего, отчетности региональных уполномоченных перед профильным федеральным, участия федерального омбудсмена в процедурах назначения и отстранения от должности региональных омбудсменов, выполнении уполномоченными в субъектах РФ заданий и указаний, исходящих от федеральных уполномоченных).

На фоне происходящей институционально-функциональной вертикализации в процессе становления института омбудсменов очевидной тенденцией становится его политизация. Она имеет многообразные проявления в различных сегментах и уровнях, принимает различные, порой весьма эксцентричные формы (например, откровенный самоPR уполномоченных или их выступление с политическими по своему значению инициативами). Кроме того, обширный региональный эмпирический материал показывает, что вокруг назначения омбудсменов в субъектах Федерации разворачивается довольно ожесточенная борьба политических сил.

Так, процесс замещения должности уполномоченного по правам человека в Саратовской области в 2014 году превратился в настоящее политическое сражение региональных отделений партий ЛДПР и «Единая Россия», которое осложнялось вмешательством федеральных партийных кураторов и столкновением интересов внутри правящей региональной элиты. Учреждение института бизнес-омбудсмена в Приморском крае вызвало брожение в региональной элите и осложнение взаимоотношений исполнительной и законодательной ветвей власти.

Другой показательный пример связан с назначением в 2013 году уполномоченного по защите прав предпринимателей в городе Москве. Пост регионального бизнес-омбудсмена стал важной разменной монетой в избирательной борьбе за должность московского градоначальника. Поддерживаемый «Единой Россией» лидер предвыборной гонки, исполняющий обязанности столичного мэра самовыдвиженец С. Собянин попросил председателя партии «Гражданская платформа» М. Прохорова подобрать на должность регионального бизнес-омбудсмена представителя от этой партии. Предложение аргументировалось тем, что «Гражданская платформа» пользуется популярностью в среде предпринимателей и ее представитель на должности уполномоченного будет полезен малому и среднему бизнесу, а также городу в целом [8]. В реальности же таким маневром С. Собянин заручался если не поддержкой, то, как минимум, благожелательным нейтралитетом довольно значимой в условиях непростых московских выборов политической силы (либерально-буржуазная партия «новой волны» + заметная часть бизнес-сообщества). В конечном счете, был

произведен взаимовыгодный политический по содержанию и характеру обмен, который преподавался как образец конструктивного сотрудничества формально соперничающих друг с другом политических сил. Подчеркнем, что при этом из переговоров был фактически исключен федеральный бизнес-омбудсмен Б. Титов, который планировал продвинуть на рассматриваемую должность иную кандидатуру, не связанную партийной принадлежностью [6]. В связи с данным сюжетом отметим, что здесь наглядно продемонстрировано то, что политическая ресурсность С. Собянина намного выше влияния Б. Титова даже в непосредственной сфере его профессиональной ответственности и интересов.

Исследовательский подход, основанный на сочетании нормативного, институционального, структурно-функционального и метода case-study позволяет нам сделать вывод, что изначально не-властный и не-политический по своей природе институт в Российской Федерации в ходе своего становления и развития воспринял многие свойства и качества отечественных политических институтов. В различных сегментах и уровнях этот постоянно разрастающийся и усложняющийся сложносоставный институт демонстрирует ряд тенденций, которые вполне органично укладываются в логику российского политического процесса.

Во-первых, происходит упорядочение функционирования его уровней и сегментов. Во-вторых, заметна институциональная универсализация, выражающаяся в «изготовлении по лекалам» отдельных элементов сложносоставного института. В третьих, оформляется внутрисегментная вертикальная интегрированность. И, наконец, в-четвертых, отмечается политизация института.

Наиболее очевидно указанные тренды прослеживаются в ходе анализа практики становления и развития регионального уровня института уполномоченных. Его политологическое исследование позволяет не только раскрыть актуальный государственный подход к институциональному строительству в Российской Федерации, но и формировать достоверные объяснительные схемы и прогностические предположения о развитии политического процесса.

Список использованной литературы:

1. *Агаркова Л.* Предложения для омбудсмана // Деловой Петербург. 2014. 17 февраля.
2. «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.
3. «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей»: Указ Президента РФ от 22 июня 2012 года № 879 // СЗ РФ. 2012. № 26. Ст. 3509.
4. «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка»: Указ Президента РФ от 01 сентября 2009 года № 986 // СЗ РФ. 2009. № 36. Ст. 4312.

5. «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»: Федеральный закон от 07 мая 2013 года № 78-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.

6. Партия Прохорова выдвинула на пост бизнес-омбудсмена Москвы экс-чиновника мэрии. URL: <http://www.forbes.ru/news/243286-partiya-prokhorova-vydvinula-na-post-biznes-ombudsmena-moskvy-eks-chinovnika-merii> (дата обращения: 09.08.2013).

7. *Самохина С.* Павел Астахов задумался о новом статусе // Коммерсантъ. 2013. 31 мая.

8. Собянин предложил партии Прохорова пост бизнес-омбудсмена Москвы. URL: <http://www.forbes.ru/news/243206-sobyenin-predlozhit-partii-prokhorova-post-biznes-ombudsmena-moskvy> (дата обращения: 07.08.2013).

9. *Сунгуров А., Маччелли Д., Абросимова Е., Виноградова Т.* Механизмы контроля над деятельностью публичной администрации в странах Европы // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 1. С. 44-73.

Солдатова А.С.,
 младший научный сотрудник кафедры всеобщей истории и мирового
 политического процесса, НОЦ «Политический анализ территориальных систем»
 МГУ имени Н.П. Огарёва (г. Саранск)

СТЕЙКХОЛДЕРЫ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СИСТЕМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ*

Термин «территориальное управление» в исследованиях центрально-региональных отношений чаще употребляется как понятие интегрированное, позволяющее рассматривать управление территориями с позиции собственно интегративного характера самого государства. Другими словами, как форму целенаправленного воздействия, которая предполагает множество составляющих: административную, политическую, экономическую, социальную и др.

Определяющая специфика территориального управления заключается в собирании целеполаганий различных уровней территориальной идентичности (национального/общегосударственного, регионального, локального) в единую систему управленческих целей с ее последующей социализацией, т.е. выстраиванием вокруг нее коммуникаций.

В системе территориального управления «политика» по определению представляет собой коммуникативно-конгруэнтную комбинаторику – множество сочетаний элементов и отношений между ними. Складывается она из набора коммуникаций акторов, обладающих политическим потенциалом для представительства гражданских интересов, который

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Внутрирегиональное пространство: коммуникативное измерение территориального развития современной России» (№ 14-53-00019/14).

регулирует доступ социальной аудитории к ресурсам, которые, в свою очередь, технологически распределяются административным способом.

Вместе с тем, в политико-управленческой системе территориального развития необходимы уполномоченные носители изменений, находящиеся вне управленческого центра. Его важнейшим принципом становится цепочка «управление – самоуправление – самоорганизация». Благодаря таким понятиям управленческая система приобретает необходимую ей динамику и эффективность.

Связаны категории, с одной стороны, с централизацией / децентрализацией принятия управленческих решений, с другой, со слабостью / инициативностью самого объекта управления. От комбинации этих параметров зависит форма взаимодействия объекта и субъекта управления, т.е. будет ли выполняться содействие накоплению потенциала на региональном уровне, где у властного центра часто не хватает необходимых возможностей, чтобы разрабатывать и внедрять целенаправленные изменения.

Единицы управления также не могут быть простыми, они богаты содержанием и требуют дополнительной детализации. Их можно рассматривать как систему детализированных объектов, которые, в общем, и частном, представляют собой сложное и комплексное явление, целостную пространственно-организованную форму жизнедеятельности социума.

Таким образом, само внутрирегиональное пространство образовано множеством разнородных и относительно автономных от единого вектора развития структур и акторов. Из их общего числа можно выделить наиболее активную часть, обладающую не только различными ролями, но и специфической ответственностью, – территориальные стейкхолдеры.

В рамках системы территориального управления заинтересованными группами, институтами, структурами могут выступать кооперативные ставки, межуправленческие структуры программного менеджмента, сложное множество соглашений и государственно-частное партнерство, университеты, некоммерческие организации, бизнес, СМИ, вплоть до отдельно взятых персон.

Они могут быть типологизированы по сфере проявления своей деятельности: хозяйственная, экономическая, социальная, политическая, этнокультурная и иных. Взаимодействие и партнерское объединение стейкхолдеров регионального развития может приводить к формированию региональных сообществ. В зависимости от сферы деятельности проявляется функциональная обусловленность стейкхолдеров и региональных сообществ.

Заинтересованными группами в хозяйственном развитии, безусловно, может выступать бизнес. Стоит отметить, что ими могут являться не столько устойчиво работающие и развивающиеся предприятия общероссийского значения, сколько регионально ориентированные представители среднего и мелкого бизнеса. Чья близость к потребностям населения региона делает их участие более оперативным и гибким, способным эффективно и адекватно

реагировать на быстро меняющуюся общественную конъюнктуру. Эффективность и гибкость достигается, в первую очередь, за счет отсутствия формализованных процедур регулирования и четких правил.

Проявляться оно может посредством кластерных инициатив, характерных для подавляющего большинства российских регионов. Кластерная политика широко распространена как в виде четко определенной политики, так и в виде других политических инициатив, таких как региональные стратегии или мероприятия по поддержке локальной системы производства. Таким образом, зарождение и распространение нововведений переносится с центрального уровня на следующие уровни, сам регион становится начальным уровнем.

Такой управленческой системой предусмотрена особая роль местных органов самоуправления, которые наделяются полномочиями предоставления дополнительных льгот участникам экономических проектов, включая освобождение от местных налогов, выделение целевых дотаций и займов из местных бюджетов.

Региональная экономическая сеть внутрирегионального пространства дополняется тесными взаимосвязями бизнес-структур, исследовательских центров и высокопрофессиональных образовательных учреждений, финансовых институтов, общественных организаций, сети региональных и центральных правительственных учреждений.

Выстраивание сети взаимодействия между экономическими стейкхолдерами может способствовать совершенствованию территориальной структуры хозяйства, обеспечению занятости населения, расширению хозяйственной самостоятельности некоторых территорий, в итоге, получению наилучшей производственной комбинации.

Стейкхолдеры социальной сферы чаще всего представлены некоммерческими организациями различного рода, на различных уровнях, вплоть до отдельно взятых городов и сельской местности.

Некоммерческие организации являются сосредоточением активности населения по насущным проблемам. Их функционирование – точно, чаще, в рамках определенных проектов. В России, они складываются и реализуются только совместными усилиями государства и представителей общества, но, конечно, не всегда осуществляются в достаточной мере и не всегда являются эффективными. В целом по стране деятельность НКО чаще всего направлена на решение проблем ветеранов и инвалидов, жилищно-коммунальной сферы, сельских поселений. Развита работа волонтеров, религиозных организаций, организаций спортивно-оздоровительного характера.

Эти данные наиболее эффективно отображают основные моменты формирования и развития социальной активности в региональном сообществе. Однако, ресурсы для проявления «заинтересованности» в региональном развитии сильно ограничиваются источником финансирования. Их основными формами поддержки являются гранты,

субсидии, предоставление льгот, как самим организациям, так и их участникам.

Этнокультурный компонент региональных сообществ может иллюстрироваться наличием в структуре НКО формы национально-культурной автономии (НКА). Несмотря на то, что НКА обычно не прикреплены к конкретной территории, значительная часть из них располагаются в сельской местности или малых городах, и направлена на артикуляцию общественных интересов в вопросах сохранения своей самобытности и традиций.

Политическая сфера представлена целым блоком стейкхолдеров. Сюда можно отнести правозащитные организации, гражданские сообщества, СМИ, НКО. Особую роль выполняют региональные отделения политических партий. Представленное направление можно охарактеризовать как проблемное, поскольку активность партий по вопросам регионального развития крайне мала. Во-первых, функционально политические партии в России регионально не ориентированы. Возникновение и развитие региональных партий запрещено российским законодательством. Действия российских политических партий не подразумевают содействие решению проблем культурно-национальных автономий и представительства национальных меньшинств. Это, в свою очередь, означает отсутствие полноценного учета в правительственной политике интереса соответствующих этносов, что порождает формирование иных каналов, которые провоцируют преференции отдельным национальным республикам. В основном деятельность партий направлена на решение проблем собственных представительств в субъектах федерации и обсуждение принципиальных вопросов построения, функционирования и развития политико-территориального устройства.

Во-вторых, возможность влияния партий на власть ограничена, что делает этот канал взаимодействия крайне не привлекательным для региональных элит. В-третьих, существует партия власти, которая монополизировала возможность представлять и артикулировать региональные интересы с помощью системы назначения региональных руководителей. В результате чего подавляющее большинство управленцев непосредственно с ней взаимосвязано. В-четвертых, стоит указать на свойство российской политической системы относительно партий – изменчивость. За несколько десятков лет сфера претерпела значительные трансформации и менялась кардинальным образом.

Перечисленные обстоятельства затрудняют артикуляцию региональными сообществами своих интересов в быстроменяющихся новых управленческих системах и делают рассматриваемый канал взаимодействия центра и регионов непрозрачным и нестабильным на внутривнутриполитической арене. Политическим ответом можно считать обратный процесс – отсутствие поддержки со стороны региональных элит делают невозможным увеличение влияния в обществе политических партий.

Для совершенствования территориального управления необходимо активное включение всех составляющих элементов политического процесса в регионе, которые регулируются в большей степени коммуникативными, а не нормативными установками. Таким образом, повышение эффективности системы видится, в первую очередь, в выстраивании оптимальных территориальных связей (как вертикально, так и горизонтально ориентированных), но в совершенствовании не столько организационной сферы, сколько актуализации коммуникативного аспекта.

Ключевым фактором, определяющим возможность возникновения политических сетей на основе внутригосударственного региона и их включения в модернизацию регионального развития, выступает федеративная политическая система. От качественных условий функционирования ее политических механизмов зависят дизайн сетевой платформы и возможности реализации политического потенциала региональными сетевыми акторами.

Подход к территориальному управлению и межрегиональному сотрудничеству через призму партнерских региональных сетей может способствовать избавлению от неэффективных элементов в управлении и сотрудничестве и сориентировать сотрудничество на реальные интересы регионов с включением их потенциалов.

Соснин Д.П.,
к. п. н., зам. директора Ульяновского Областного
государственного казенного учреждения «Аналитика»

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ ГОРОДСКИХ ЭЛИТ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НОВОГО ЭТАПА РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

20 мая 2014 года Государственной Думой Российской Федерации в третьем чтении принят законопроект, существенным образом пересматривающий институциональные основы местного самоуправления [1]. Фактически можно говорить о старте новой муниципальной реформы, сопоставимой по своему масштабу с реформой 2003 года, когда был принят Федеральный закон №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Характерно, что первоначальная редакция законопроекта предусматривала унифицированный подход к порядку формирования представительных органов местного самоуправления, способу наделения полномочиями глав муниципальных образований, распространению на городские округа двухуровневой системы местного самоуправления. В окончательном тексте законопроекта, направленном в Совет Федерации Федерального Собрания, решение данных вопросов отдано на усмотрение

субъектов Российской Федерации, что по замыслу разработчиков должно способствовать наиболее полному учёту специфики соответствующих территорий. Таким образом, после реализации реформы институциональный дизайн местной власти в субъектах Российской Федерации может значительно различаться.

По мнению экспертов «развитие МСУ в форме городского округа обеспечивало городам дополнительные полномочия (по сути, полномочия поселения и района), но одновременно обременяло их запретом на создание «нижнего» уровня МСУ в городских округах, лишая существующие районы в городах возможной самостоятельности» [2, с. 4]. Таким образом, в крупных городах осуществление местного самоуправления только на общегородском уровне нередко приводило к утрате чувствительности городской власти к нуждам и запросам конкретных внутригородских территорий. В этом плане, одной из ключевых новелл муниципальной реформы является введение в законодательство двух новых видов муниципальных образований: городского округа с внутригородским делением и внутригородского района. Будет или нет конкретный городской округ преобразован в городской округ с внутригородским делением, сколько в нем будет образовано внутригородских муниципальных образований, какие у них будут полномочия, источники доходов и состав имущества - все это должно быть установлено соответствующим региональным законом.

Есть все основания предполагать, что значительная часть субъектов Российской Федерации пойдет по пути создания внутригородских муниципальных образований (внутригородских районов) в региональных административных центрах.

Как показывает история постсоветской России, институциональные преобразования системы муниципальной власти являются одним из основных факторов эволюции городских элит, в первую очередь, в связи с изменением их ресурсной базы (политической, экономической, организационно-административной, кадровой). Новая реформа МСУ не является исключением. Она неизбежно затронет сложившиеся распределения сфер влияния существующих региональных и городских элитных групп, а также создаст условия для формирования новых акторов – внутригородских, районных элит («протоэлит»).

На новом этапе может воспроизвестись ситуация начала 90-х годов 20-века когда во многих городах столкнулись интересы только нарождавшейся тогда городской элиты и элитных групп, складывавшихся на унаследованном от советской системы управления институциональном каркасе органов власти городских районов. В качестве иллюстрации приведем пример публичного обращения глав всех четырех районных советов Ульяновска к жителям города через средства массовой информации в декабре 1992 года [3]. Районные власти обвинили городское руководство в монополизации права управления муниципальной собственностью, а также утверждали, что политика проводимая председателем горсовета, ведет к игнорированию

районных советов, их ликвидации, что, по их мнению, недопустимо, так как все вопросы жизнеобеспечения в городе решались на уровне районов. Конфликт между городской властью и руководством внутригородских районов продолжался вплоть до роспуска советов в октябре 1993 года. После чего баланс сил окончательно сместился в пользу городского уровня управления.

Запускаемая в настоящее время реформа местного самоуправления открывает дорогу к воссозданию городских районов в качестве самостоятельных муниципальных образований, имеющих свой депутатский корпус, бюджет, имущество и законодательно закрепленные полномочия по решению вопросов местного значения. Это означает, что уже в ближайший год может появиться институциональная основа для децентрализации власти в городских политических системах с последующей фрагментацией городской элиты на общегородской и районные сегменты.

Следует отметить, что, конечно же, линейной зависимости между институциональным дизайном и реальной политической практикой нет. В данном контексте можно провести параллель между нынешней реформой местного самоуправления и реформой партийной системы первой половины 2012 года. Либерализация партийного законодательства тогда привела к лавинообразному увеличению количества официально зарегистрированных политических партий. Казалось бы, появились все институциональные условия существенного повышения партийно-политической конкуренции на выборах различного уровня. Однако на практике, доминирующую роль на региональных и местных выборах в 2012 и 2013 году по-прежнему сохранили «старые», парламентские партии.

В этом плане, ответ на вопрос «смогут ли внутригородские элиты действительно состояться как реальные субъекты политической жизни?» зависит, в первую очередь, от того какие ресурсы в итоге окажутся в руках у внутригородских муниципальных образований. Если их полномочия и финансово-экономическое обеспечение будут номинальными, то не стоит ожидать и серьезной конкуренции со стороны политико-экономических групп за контроль над данными структурами. Своеобразной «лакмусовой бумагой» политического веса вновь образованных внутригородских муниципальных образований станет интерес различных политических сил и групп влияния к выборам их органов местного самоуправления.

Если оценивать в целом вектор развития городских элит в условиях реализации нового этапа реформы местного самоуправления, то можно констатировать наличие противоречивых тенденций. С одной стороны можно прогнозировать в той или иной степени ослабление политического влияния существующих городских элит под воздействием факторов внутригородской децентрализации. С другой стороны, необходимо отметить высокую вероятность появления новых каналов вертикальной мобильности (через выборные районные органы местной власти), что будет способствовать притоку в состав городской элиты новой волны политиков,

получивших мандат доверия напрямую от населения и не связанных с местными олигархическими и административными кланами.

Список использованной литературы:

1. Законопроект № 469827-6 «О внесении изменений в статью 263 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в части уточнения общих принципов организации местного самоуправления) // Сайт Государственной Думы РФ [Сайт]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=469827-6&02> (дата обращения: 21.05.2014).

2. Реформирование системы организации МСУ в крупных городах и городских агломерациях. Аналитическая записка Фонда «Институт социально-экономических и политических исследований» // Сайт Фонда «ИСЭПИ» [Сайт]. URL: http://www.isepr.ru/upload/iblock/79e/konceptija_reformy_msu.pdf (дата обращения: 21.05.2014).

3. Демократический бойкот негласно объявлен райсоветам г. Ульяновска. Кому от этого хуже? ... Людям // Народная газета 29.12.1992. №247.

Трофимова М.А.,
соискатель кафедры политологии Волгоградского государственного университета

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КАК АКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Согласно Стратегии 2020 Россия вступила на рельсы модернизации. Модернизация предполагает переход страны на более высокую ступень развития от традиционного общества к современному. Этот переход осуществляется не насильственными революционными методами, а раскрытием потенциала каждой отдельно взятой личности, сближением интересов государства и общества. Модернизация охватывает все сферы общественной жизни, в том числе и политическую. Причем именно политическая модернизация оказывается решающей для успешной трансформации российского государства в современное, так как подразумевает формирование нового типа взаимодействия власти и общества, создание социальных и политических механизмов, позволяющих большей части населения влиять на принятие основных решений.

Модернизация политической системы направлена на развитие принципов демократии, рост числа участников политического процесса и развитие политической конкуренции, усиление роли и влияния различных социальных групп в политической жизни страны, расширение их прямого

участия в формировании органов власти и в контроле за деятельностью органов власти.

Основным вопросом политической модернизации является её актор. На сегодняшний день ряд ученых выделяют следующие субъекты модернизации: молодежь, политические элиты и средний класс.

По мнению автора, в настоящий момент реальным субъектом модернизации РФ выступает политическая элита, так как она способна оказать определяющее влияние на весь процесс реформирования.

Рассмотрим политическую элиту как актор политической модернизации.

По определению политическая элита – внутренне сплоченное сообщество лиц, являющееся субъектом принятия важнейших стратегических решений и обладающее необходимым для этого ресурсным потенциалом.

Качество элиты, ее зрелость проявляется в том, как она формирует и контролирует статьи расхода на свое собственное содержание, насколько открыто по отношению к гражданскому обществу она себя ведет. Важную роль в достижении эффективности власти отводится решению таких задач, как: контроль за исполнением поручений Президента, внимание к работе с бизнесом и предпринимательством, рациональное планирование бюджета, охрана прав и свобод граждан.

Практика показывает, что политическая элита современной России не всегда отвечает критериям эффективности. Растет недовольство общественного большинства деятельностью политических институтов, неуравновешенностью политической жизни. Происходит усиление отчужденности власти от народа. Отмеченные явления указывают на то, что политическая система теряет способность управлять общими интересами, сопоставлять их с интересами групп и отдельной личности.

Здесь необходимо учитывать, что модернизационные процессы в России идут неравномерно, в зависимости от региональных особенностей. Поэтому в оценке общей картины необходимо опираться на особенности региональных политических элит. Исследование региональной политической элиты является актуальным в условиях современного этапа модернизации, поскольку успешное решение местных проблем будет иметь непосредственное влияние и на общее состояние реформ страны в целом.

Рассматривая региональную политическую элиту, необходимо отметить, что наиболее значимыми политическими акторами в составе региональных элит являются губернаторы.

В данной статье автору хотелось бы дать оценку деятельности подавшего в отставку 2 апреля 2014 года руководителя Волгоградской области С. А. Боженова в качестве регионального актора политической модернизации.

Сергей Анатольевич Боженов был назначен губернатором Волгоградской области в начале 2012 года, взамен покинувшего свой пост в декабре 2011 года А. Г. Бровко. Задачей Боженова было вернуть доверие

жителей региона к правящей партии, так как итоги выборов в Государственную думу показали: команда региональных управленцев под руководством А. Г. Бровко дискредитировала правящую партию, и рейтинг «Единой России» упал на беспрецедентно низкий уровень. За «Единую Россию» было отдано 35,48% голосов жителей области, «Справедливая Россия» получила 21,94%, КПРФ – 22,76%, ЛДПР – 13,29% [4].

Отметим, что показатель правящей партии оказался ниже общероссийского более чем на 10% (в целом по России за «Единую Россию» голосовали 49,31% жителей страны).

Восстановить доверие населения к власти и улучшить социальное положение региона Божену не удалось. Это подтверждают исследование «Рейтинг социального самочувствия регионов России», проведенное в августе 2013 года и результаты выборов в Волгоградскую городскую думу осенью 2013 года, в которых «Единая Россия» набрала всего 37,54% голосов [1].

Также деятельность бывшего губернатора была оценена в исследовании «Рейтинг эффективности губернаторов». Показатель эффективности деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации рассчитывался как сумма значений показателей результативности деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, показателей эффективности расходования бюджетных средств и оценки населением результатов деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по каждой из перечисленных сфер [6]. Согласно данным рейтинга С. А. Божену занял 68-69 места из 81, подтвердив тем самым низкий уровень эффективности своей работы.

Такие показатели не смогли не сказаться на жизни области. Так в 2013 году в Волгограде наблюдался всплеск протестной активности населения. По различным данным митингов и пикетов с протестной окраской в регионе в прошедшем 2013 году было более нескольких сотен. Также в регионе прошли с сентября по октябрь самая долгосрочная акция протеста представителей КПРФ, а с октября по декабрь множество несанкционированных народных сходов, вызванных ответной реакцией общества на террористические акты в Волгограде. На большей части митингов в той или иной форме звучали требования отставки губернатора Волгоградской области Боженова.

Таким образом, приходим к выводу, что:

на территории Волгоградского региона политическая элита в лице губернатора перестала должным образом выполнять свои функции;

за последние годы в области не произошло улучшения форм и видов сотрудничества власти и общества;

региональная элита Волгоградской области так и не стала полноценным актором политической модернизации.

Причина данных процессов видится автору в том, что большинство в региональных политических элитах рассматривают модернизацию только как поле реализации собственных интересов.

О.В. Гаман-Голутвина обосновывает незаинтересованность российской элиты в идее развития, исходя из исторического контекста существования элиты в России. По ее мнению, в реальной жизни идея развития в стране не относилась к числу безусловных базовых ценностей элитарного сознания [2, с. 82].

Необходимо отметить, что определенный уровень социально-экономического развития, который, безусловно, наблюдается на протяжении последнего десятилетия как в целом по стране, так и в Волгоградской области в частности, приводит к увеличению численности среднего класса, который предъявляет спрос на гражданские и политические права и постепенно выходит на политическую арену.

Вопреки заявлениям, фактическая политика региональных властей не развивала потенциал самоорганизации среднего класса, чтобы состоялся не средний класс как целое, а некое неопределенное сообщество подданных (массы – лояльные, апатичные, пассивные, неорганизованные). Подобное состояние среднего класса видится удобным для правящей элиты, потому что такой средний класс не работает как политический ограничитель в регионе.

По мнению автора, средний класс должен стать проводником процессов модернизации – по крайней мере, он должен участвовать в ней в принципиально большей степени. Окончательное формирование модернизации произойдет, когда средние классы будут приглашены в ней участвовать и будут реагировать на конкретные дела власти.

Список использованной литературы:

1. Волгоградская городская Дума, Волгоградская областная Дума 100% итогов. URL: <http://ikvo.ru/elections-and-referendums/index.php> (дата обращения: 12.05.2014).
2. Гаман-Голутвина О.В. Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО. 2010. № 4. С. 77–84.
3. Дергунова, Н. В. Факторы эффективности региональной политической элиты // Власть. 2011. № 4. С. 98–100.
4. Итоги голосования. URL: http://www.cikrf.ru/banners/duma_2011/itogi/index.html (дата обращения: 12.05.2014).
5. Рейтинг социального самочувствия регионов России. Первый выпуск, август 2013. URL: <http://civilfund.ru/mat/27> (дата обращения: 12.05.2014).
6. Рейтинг эффективности губернаторов. Первый выпуск. URL: <http://civilfund.ru/mat/49> (дата обращения: 12.05.2014).

Труханов В.А.,
д. п. н., профессор кафедры истории и социологии политики
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

РОЛЬ ЭЛИТЫ РОССИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Процесс формирования системы национальной безопасности не происходит спонтанно. Данный процесс носит характер целенаправленный, прогнозируемый, в основном зависящий от воли властвующей элиты. Политическая элита как основной субъект в системе принятия решений, оказывающих влияние на жизнь общества, организует модернизационные процессы в современной Российской Федерации. И это предполагает не только развитие и реформирование технологической сферы и сферы экономики, но подразумевает так же модернизацию системы национальной безопасности, так как без надежной системы национальной безопасности модернизация невозможна в принципе. И как мы можем наблюдать в последнее время, в процесс модернизации активно включена и система национальной безопасности. Здесь заметной становится роль властвующей элиты, стремящейся к обеспечению и сохранению стабильности в обществе, сохранению своего властвующего положения и в связи с этим активно стремившейся к реформированию системы национальной безопасности.

Отметим, что элитарность общества всегда вызывала пристальный научный интерес, но именно концепции элит Г.Моски, В.Парето и Р.Михельса дали толчок широким теоретическим и эмпирическим исследованиям групп, руководящих государством или претендующих на это[1]. Современные теории элит разнообразны. Но, в данной статье мы будем опираться на либеральный подход к элитарности общества, который отличают демократичность и отрицание ряда жестких установок классических теорий элит. К активным сторонникам этого подхода можно отнести австрийского социолога Йозефа Алоиса Шумпетера [2]. Следуя элитарной традиции, он определял элиту как властвующее меньшинство, занимающее в государственных и экономических институтах общества стратегические позиции и оказывающее значительное влияние на жизнь большинства людей путем принятия политических решений.

Термин «элита» в прошлом применялся к той части общества, в которой состояли наиболее богатые, авторитетные, почитаемые представители различных социальных групп. Особенностью современного политического положения в России является то, что на формирование политической элиты существенное влияние оказывают деструктивные социальные и экономические факторы, и, можно с уверенностью констатировать, что сейчас в современную российскую элиту входят представители, в том числе и криминально-олигархических группировок. Хочется отметить так же тот факт, что в результате глобализации произошло слияние если не самих элит разных государств, то, по крайней мере, их

экономических интересов, объединение их в «элитарный интернационал». Все это дает основание утверждать, что элитные группировки нашего общества могут лоббировать свои интересы зачастую в ущерб интересам национальной безопасности. Свидетельство этому является деятельность министра обороны А. Сердюкова и его команды в области реформирования Вооруженных Сил РФ, что привело к обратному результату – заметно снизилась обороноспособность страны [3]. Как известно, Анатолий Сердюков являлся последовательным сторонником закупок зарубежных вооружений и военной техники, за что постоянно критиковался в России. Практически каждый контракт такого рода сопровождался скандалами и намеками на наличие в нем коррупционной составляющей. Самым громким, долгоиграющим и дорогостоящим для России был скандал вокруг закупки у Франции абсолютно ненужных, по мнению экспертов, вертолетоносцев «Мистраль». Контракт стоимостью в несколько миллиардов евро был пролоббирован лично тогдашним президентом Франции Николя Саркози и одобрен тогдашним президентом России Дмитрием Медведевым. По мнению редактора авторитетного журнала *Moscow Defense Brief* Константина Макиенко, масштабные межгосударственные проекты по закупке вооружений часто сопровождаются «комиссионными». Со сделки минимальной стоимостью в 1,2 млрд. евро даже 1% составит 12 млн. евро. К. Макиенко также напоминает, что изначально цена контракта с французами предполагалась на уровне 980 млн. евро. А для французских ВМС такие корабли строятся и вовсе за 400 млн. евро, то есть в три раза дешевле той суммы, за которую «Мистраль» в конечном счете продали России [4]. Таким образом, можно предположить, что в данном случае некоторые российские элитарные группировки нанесли ущерб национальным интересам, а следовательно и национальной безопасности России. В конечном итоге сам Сердюков и некоторые из его приближенных оказались под следствием, а затем и на скамье подсудимых.

С приходом в военное ведомство нового министра С.К.Шойгу были приняты определенные меры по устранению имеющихся негативных последствий реформ предыдущего министра. Как нам кажется, в это время в политическом руководстве страны произошло осознание того, что сохранение общественного согласия и стабильности приоритетнее элитной сплоченности.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что актуализация роли элиты в обеспечении национальной безопасности связана со следующими моментами.

Во-первых. Российская элита не изолирована от мировой элиты. Сформировавшийся «элитарный интернационал» может существовать только в условиях перманентного получения прибыли. Следствием этого возможны ее действия в ущерб национальным интересам России.

Во-вторых. С другой стороны российская элита, получая свои дивиденды в основном на территории России, заинтересована в процессе

модернизации системы и минимизации рисков национальной безопасности, сохранении стабильности в обществе.

В заключение отметим, что Россия имеет уникальное геополитическое положение, занимая огромное пространство на земном шаре, она не изолирована от многих региональных и глобальных узлов противоречий и мировых центров сил. На территории государства сосредоточены огромные планетарные запасы сырья. В связи с этим актуализировалась особая роль элиты в защите национальных интересов страны.

Список литературы:

1. *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии//Диалог. 1990-1991; *Моска Г.* Правящий класс. //СОЦИС. 1994. № 10; *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
2. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. — М.: Экономика, 1995.
3. *Евсеев В.В.* Этапы военной реформы: что впереди? Перспективы развития вооруженных сил по-прежнему туманны//Независимое военное обозрение. 16.07.2010. http://nvo.ng.ru/realty/2010-07-16/4_reform.html Обращение от 24.04.2014.
4. *Смирнов В.* Контрразведка готовит Сердюкову и Медведеву «Дело Мистралей»? <http://www.apn.ru/opinions/article27471.htm> Обращение от 24.04.2014.

Тютюнников А. Л.,
Российский центр науки и культуры в Молдове (Республика Молдова)

ОСОБЕННОСТИ ПРИГРАНИЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ САРАТОВСКОЙ И ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Россия и Казахстан – многолетние стратегические партнеры. Между странами пролегает одна из самых протяженных в мире сухопутных границ, что создает благоприятные условия для тесного межрегионального и приграничного сотрудничества, начало которому было положено еще в мае 1992 года подписанием Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В виду усиливающихся между Москвой и Астаной интеграционных процессов благодаря формированию Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также принимая во внимание непосредственную географическую близость Саратовской области к территории Республики Казахстан, нами предпринята попытка проанализировать особенности сотрудничества двух приграничных территорий – Саратовской и Западно-Казахстанской областей.

Нормативно-правовую базу взаимодействия соседних регионов наряду с основными межгосударственными договорами [1] составляет Соглашение между Правительством Саратовской области РФ и Акиматом Западно-

Казахстанской области РК о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве [2], подписанное в сентябре 2008 года сроком на пять лет с возможностью продления на последующие пятилетние периоды. Спустя 4 года был парафирован Протокол мероприятий на 2012-2015 годы по реализации действующего Соглашения, предусматривающий осуществление совместных инвестиционных проектов, а также программ по обмену опытом в области здравоохранения и культурно-образовательной сфере. Кроме того, стороны оказывают помощь в установлении и расширении деловых контактов, обеспечении взаимовыгодных поставок продукции предприятий и реализации совместных научно-практических исследований [3].

Важную роль в развитии интеграционных процессов между Саратовской областью и ЗКО играют форумы межрегионального сотрудничества России и Казахстана на уровне глав государств, проходящие ежегодно, начиная с 2004 года. В работе форума принимают участие делегации всех приграничных регионов РФ и РК, включая Саратовскую область.

Будучи крупным транспортным узлом России, связывающим центральные районы страны с Уралом, Сибирью и Средней Азией, Саратовская область является одним из основных экономических партнеров РК. Неслучайно в регионе открыт филиал Торгового представительства Республики Казахстан (во главе с Русланом Бисенгалиевым). Снятие таможенного контроля на российско-казахстанской границе в 2011 году, обеспечение свободы движения товаров и капиталов на пространстве ТС и ЕЭП создает предпосылки для усиления торгово-экономических связей между регионами и роста товарообращения между ними. Основу саратовского экспорта в ЗКО составляют оборудование для нефтегазовой промышленности, высоковольтная и низковольтная техника, стройматериалы и др. Увеличиваются объемы поставок товаров стекольной, химической и пищевой промышленности [4]. В свою очередь импортируется продукция арматурного и бетонного заводов, продовольственные товары. В ходе официального визита в Саратовскую область Акима ЗКО Н. Ногаева в марте этого года стороны договорились о поставках на российский рынок казахстанского мяса [5].

Огромное значение для развития внешнеэкономических отношений между соседними регионами имеет железнодорожная и автомобильная магистраль «Озинки – Таскала», соединяющая Казахстан и Россию. В 2008 году Саратовская область и ЗКО находились на пороге реализации крупнейшего стратегического проекта – создания международного центра приграничного сотрудничества (МЦПС) «Таскала – Озинки». Суть его сводилась к тому, чтобы направить грузопоток из Средней и Юго-Восточной Азии в Европу по наиболее оптимальному пути, который проходит через Саратовскую область [6]. По сути, строительство МЦПС «Озинки – Таскала» являлось частью грандиозного плана КНР по восстановлению Великого

Шелкового пути, сулящего большие перспективы всем участникам программы. Однако откровенное бездействие должностных лиц в конечном итоге лишило область крупных инвестиций, отложив осуществление многообещающего проекта до лучших времен.

Следует также отметить, что два приграничных региона динамично сотрудничают в реализации совместных гуманитарных и образовательных проектов. Вузы Саратова обеспечивают подготовку квалифицированных специалистов для Казахстана. В рамках программ взаимодействия между высшими учебными заведениями осуществляется обмен преподавателями и лекторами, ведется подготовка квалифицированных рабочих кадров в сфере дополнительного профессионального образования [7]. В области созданы все необходимые условия для получения качественного высшего образования студентами из зарубежных стран. Основную долю иностранных учащихся составляют выходцы из Республики Казахстан, однако их количество незначительно [8, с. 5]. На наш взгляд, данной проблеме следует уделить особое внимание, поскольку расширение квоты на обмен студентами будет способствовать сохранению единого гуманитарного пространства, что в процессе интеграции становится остро необходимым.

Важным аспектом гуманитарного взаимодействия является укрепление культурных связей между народами России и Казахстана. Этому во многом способствует проживание в Саратовской области большой казахской общины. Согласно результатам последней переписи, казахи являются второй по численности этнической группой региона – 76 007 чел (3,09% населения) и расселены преимущественно в заволжских районах области. Наиболее многочисленна казахская община в приграничных с ЗКО районах: Александрово-Гайском (52 %), Озинском (28%), Новоузенском (25,2%), Дергачевском (20,8%) [9]. В ЗКО русские составляют 135813 чел. (22,6 %) и тоже занимают второе место в структуре населения [10, с. 10].

Укрепление и расширение культурных связей осуществляется посредством организации различных культурно-массовых мероприятий: официальных праздников национальных культур, фестивалей, выставок, спортивных мероприятий и т.п. Оказывается поддержка распространению печатных изданий, организации вещания телепрограмм на сопредельную территорию, строительству и реконструкции памятников культуры, трансграничным контактам национально-культурных объединений. Так, в Саратовской области ежегодно с большим размахом отмечается казахский национальный праздник весны «Наурыз Мейрамы», проводятся Дни казахской культуры, молодежные вечера. В регионе действует ряд казахских общественных объединений: Саратовский областной центр казахской культуры «Казахстан», «Ассоциация поволжских казахов», Казахская лига Поволжья, Саратовская городская национально-культурная казахская автономия, молодёжная организация «Асар» и др. Кроме того, в Александрово-Гае вот уже 15 лет работает казахская национальная школа, а в 5 средних образовательных учреждениях изучается казахский язык [4]. В

ЗКО функционируют свыше 30 школ, в которых обучение ведется на русском языке и более 70 средних образовательных учреждений с 2 языками обучения (русский и казахский) [11].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что развитие евразийского интеграционного процесса на региональном уровне, создает условия для долгосрочного и взаимовыгодного сотрудничества Саратовской и Западно-Казахстанской областей, для укрепления политического и культурного диалога между ними и, хочется надеяться, что это будет способствовать улучшению качества жизни проживающего в них населения.

Список использованной литературы:

1. Имеются в виду Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 25 мая 1992 года, Декларация о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие, от 6 июля 1998 года, Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о добрососедстве и союзничестве в XXI веке от 11 ноября 2013 года. Сайт Министерства иностранных дел [Сайт]. URL Режим доступа: http://mid.ru/spd_md.nsf/twowebscant?openview&RestrictToCategory=КАЗАХСТАН (дата обращения: 03.05.14)
2. Соглашение между Правительством Саратовской области Российской Федерации и Акиматом Западно-Казахстанской области Республики Казахстан о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве. Сайт Министерства регионального развития Российской Федерации [Сайт]. URL Режим доступа: <http://old.minregion.ru/volga/saratov/610/2500.html> (дата обращения: 03.05.14)
3. Подписан Протокол мероприятий по реализации Соглашения между Правительством Саратовской области Российской Федерации и Акиматом Западно-Казахстанской области Республики Казахстан. Сайт Правительства Саратовской области [Сайт]. URL Режим доступа: http://mininvest.saratov.gov.ru/news/?ELEMENT_ID=1572 (дата обращения: 03.05.14)
4. Бисенгалиев Р.С.: «Казахстан заинтересован в технологических инвестициях Саратовской области». URL Режим доступа: <http://365-tv.ru/index.php/analitika/kazakhstan/130-bisengaliev-r-s-kazakhstan-zainteresovan-v-tekhnologicheskikh-investitsiyakh-saratovskoj-oblasti> (дата обращения: 03.05.14)
5. ЗКО и Саратовская область РФ договорились расширять взаимную торговлю. URL Режим доступа: <http://24.kz/ru/news/economy/item/1262-zko-i-saratovskaya> (дата обращения: 03.05.14)
6. Создание МЦПС «Таскала-Озинки». Сайт Научно-образовательного центра сотрудничества со странами СНГ и Балтии СГУ им. Чернышевского [Сайт]. URL Режим доступа: <http://cis-center.com/index.php/2009-12-03-00-50-36/2009-12-03-00-40-55/59---1-r> (дата обращения: 03.05.14)
7. Журавлев Дм. Казахстан – один из самых близких наших союзников. Сайт Лаборатории общественно-политического развития стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Сайт]. URL Режим доступа: <http://www.ia-centr.ru/expert/17209> (дата обращения: 03.05.14)
8. Концепция миграционной политики Саратовской области на период до 2025 года. Утверждена 25 июля 2013 года. С. 5.
9. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Сайт]. URL Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7.xls (03.05.14)

10. Краткие итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Астана, 2011. С. 10.

11. Список государственных школ Западно-Казахстанской области. Официальный сайт Акимата Западно-Казахстанской области [Сайт]. URL Режим доступа: <http://bko.gov.kz/ru/obshchestvo/obrazovanie/srednie-obshcheobrazovatelnye-shkoly.html> (дата обращения: 03.05.14)

Федотов А. С.,
д. п. н., проф. каф. экономической
социологии, рекламы и связей с общественностью Саратовского
социально-экономического института «РЭУ им. Г. В. Плеханова»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Когда, чуть более десяти лет назад В. Путин начал свою административную реформу по укреплению «вертикали власти», он был поддержан подавляющим большинством населения. И поддержан, как мне кажется, по двум обстоятельствам. Во-первых, это зримые проявления начинающегося распада страны, что было недопустимо с точки зрения рядового российского человека, как носителя государственнической идеологии. Второе обстоятельство, связано с тем, что некоторые региональные политические режимы оказались значительно жестче, авторитарнее федеральной власти.

В этих двух обстоятельствах четко проявились особенности сложившейся ситуации, определяемые автономностью региональной власти от федерального центра и реальной возможностью формировать и проводить относительно самостоятельную политику. Данные возможности, несмотря на реальное укрепление и институционализацию контроля федерального центра за регионами, сохранились и в настоящее время.

Именно в рамках этих возможностей мне бы и хотелось выделить ряд проблем, решение которых позволило бы в той или иной степени как обеспечить относительно устойчивое развитие субъектов Федерации, так и создать предпосылки для реальных модернизационных преобразований. В этом отношении я бы выделил три стереотипа, три мифологемы общественного сознания, которые просто мешают нам реально оценить социально-политическую и социально-экономическую ситуацию как в стране в целом, так и в ее регионах.

Это мифологема либерализма, с его якобы универсальными возможностями; мифологема о готовности страны к успешной модернизации; мифологема места и роли мелкого бизнеса и предпринимательства в современном развитии общества.

Здесь сразу же хочу и оговориться, что это не мои оригинальные идеи, они давно представлены и обоснованы в научной литературе, я их лишь несколько интерпретирую.

В целом будем исходить из того, что к настоящему времени отношения федерального центра и субъектов федерации в основном уже поставлены на прочную правовую основу и между ними конституционно разграничены предметы ведения. Однако регионы Российской Федерации значительно различаются по экономическим, социальным, политическим и культурным характеристикам. Они значительно отличаются друг от друга по условиям жизни и труда граждан, по развитию социальной инфраструктуры, по активности граждан и по многому другому, что и определяет особенности их развития. Объединяет же регионы то, что большинство из них в настоящее время являются дотационными, а, следовательно, напрямую зависимыми от субвенций федеральной власти. Соответственно степень возможной самостоятельности субъектов определяется не их конституционным статусом, а ресурсными возможностями.

С точки зрения стратегического развития российских регионов основной задачей является достижение «устойчивого развития», что предполагает обеспечение максимально возможного на данный момент качества жизни его населения. Но в этом плане ресурсы большинства регионов являются ограниченными, а федеральный центр не в состоянии обеспечить их в достаточной степени. В этом контексте определяющим для развития региона выступает степень адекватности региональной политики ценностным ориентациям людей, их мотивации, повседневным практикам поведения и т. д., поскольку позволяет сохранить стабильность социально-политической обстановки.

С этой точки зрения рассмотрим первую из указанных мифологем, а именно мифологему либерализма. Что мы имеем к настоящему времени в этой области?

Во-первых, практика внедрения в общество системы либеральных ценностей уже привела к разрушению традиционных и тем самым естественных социальных структур российского общества, сломала общественные механизмы самоорганизации социальной системы. Новые гражданские структуры с этой задачей пока не справляются.

Во-вторых, реформаторская практика была нацелена на внедрение вульгарно понятых ценностей либерализма без наличия на то соответствующих социокультурных предпосылок. В силу этого либерализм в его российских формах, а также как совокупность принципов общественной жизни сегодня не может выступать организующим началом всей социальной жизни в России.

В-третьих, преобразовательные процессы привели к дегуманизации, массовой десоциализации, фрустрации общества, породив дефицит социальной активности, сформировав атмосферу эгоистического чисто потребительского индивидуализма и общественной апатии.

В-четвертых, для современного российского общества важно, прежде всего, определение «границ» или «коридора возможностей», выявление и активизации самих факторов социокультурного развития, способных вывести общество из состояния кризиса и запустить процессы самовыстраивания системы в соответствии с внутренними потребностями общества и современного мира.

В этом контексте очень важно учитывать настроения соотечественников, уровень их общественного сознания, что фиксируется результатами социологических исследований. Они, наряду с констатацией психологической и социальной неустойчивости сограждан, одновременно показывают укорененность в умах людей «советской модели» мировосприятия. Данная модель по-прежнему является для большинства референтной [2, с. 7-8; с. 155]. Другими словами, традиционные ценности (а ими являются именно позднесоветские ценности) нельзя быстро и радикально изменить, но можно и нужно использовать через государственный политический курс и политическую волю. Мы должны считаться с собственной социокультурной природой, с тем, что традиционные российские ценности в их советской модификации по-прежнему составляют базовую предпосылку формирования соответствующих качеств большинства граждан.

Таким образом, с этой позиции сейчас в стране не самые лучшие возможности для модернизации, но общий подход должен быть основан на понимании того, что рыночное стимулирование, рыночная мотивация по своей природе не могут быть стратегическими основами. Требуется долгосрочная мотивация, основанная на этических императивах духовности российского человека.

Мифологема вторая: мы располагаем всем необходимым для успешного развития в современности. Здесь бы я сначала выделил те процессы в экономике, которые начались в последнее десятилетие и которые связаны с обновлением промышленности. По данным В. Иноземцева, в 2008-2009 гг. в Россию было ввезено промышленного оборудования, машин и механизмов на 160 млрд. долл. И это было основной статьей (52%) российского импорта. В 2009 г. на долю станков и промышленных машин пришлось 43% всех зарубежных приобретений. Это свидетельствует об ошибочности представлений о том, что мы проедаем, пронашиваем наш импорт. Нет, страна в какой-то степени уже начала новую индустриализацию и это реальность [6]. Но этого явно недостаточно и об этом нужно прямо и четко говорить.

Мы должны исходить из того, что длительный глубокий спад производства практически во всех отраслях промышленности привел к тяжелой деградации материально-технической и кадровой базы народного хозяйства. Разрушено производство, распались технологические цепочки, потеряны квалифицированные рабочие и инженеры. Производственный

потенциал страны в разы сократился, особенно сократилось производство высокотехнологической продукции.

По мнению практиков, за последние 20 лет потеряно все, что ранее в стране умели делать и делали. На сегодняшний день, по их мнению, возможности эволюционного развития наукоемкого сектора экономики потеряны навсегда [4]. Некоторые отрасли в современных условиях уже «кадрово не воспроизводимы» (их и нельзя воспроизвести в нынешнем культурном климате, при существующих приоритетах, при навязываемых формах социального престижа).

Все эти вещи надо четко осознавать, а главное все же начать воссоздавать индустрию на местах, возрождать промышленность в провинции, резко поднять престиж тех профессий, в которых реализовал себя в XX в. русский народ. Именно это может мобилизовать рядового человека на модернизационные изменения.

Мифологема третья: мелкий бизнес и предпринимательство. Как свидетельствует социальная психология, во всем мире к предпринимательской деятельности способно порядка 5-12% активного населения. По данным Всемирного банка в развитых странах в 2004 г. численность всех предпринимателей и самозанятых колебалась в пределах 8-13% активного населения. Соответственно, все остальные трудоспособные относились к наемным работникам [1]. В России, по данным Росстата, в том же 2004 г. «бизнесменов» насчитывалось где-то около 7%, а работающих по найму порядка 92% активного населения [1]. Иначе говоря, нигде в развитой части мира средний класс, средние слои не состоят из предпринимателей и бизнесменов.

Вместе с тем, малый бизнес в развитых странах успешно работает и дает значительную долю в трудовой занятости. Это объясняется многими факторами, но важнейшими из них являются два. Первый связан, с так называемой, «выводящей постиндустриализацией». И второй – с мощной государственной поддержкой малого бизнеса.

Первое обстоятельство связано с появлением избыточной рабочей силы. В этом плане ситуация в России совсем другая. В стране нет избыточных трудовых ресурсов. Население страны сокращается на 700 тыс. человек в год.

Второе обстоятельство выражает реальную политику государства, когда рутинно и системно создаются условия для развития малого бизнеса через огромные инвестиции в его инфраструктуру, создание развитых систем информирования и консультирования, целевых программ именно для этого бизнеса и именно в таких объемах, которые требуются обществу в данных условиях [1].

В решении этих задач развитые страны накопили большой позитивный опыт, который, конечно, необходимо использовать. Но вот чего нет в современной России, так это психологии предпринимательского успеха, которая формируется столетиями в конкретных социокультурных

условиях. У нас нет ни этих условий, ни достаточного времени для ее формирования. По мнению ученых ИС РАН, «ценностная система россиян весьма устойчива и далека от идеала «американской мечты»... интересная работа устойчиво входит в число лидирующих ценностей, обгоняя значимость любых материальных факторов, а известность, власть, карьера – устойчивые аутсайдеры ценностного мира населения России» [3, с. 153]. Поэтому более важной проблемой на сегодняшний день является реиндустриализация страны, основанная на восстановлении реального промышленного сектора, чьи потребности могут быть удовлетворены специализированными производствами и в регионах страны.

И еще одно обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание, связано с тем, что мы живем в стране с очень креативным правительством, творчество которого не прекращается вот уже четверть века. Результаты этого творчества не всегда благоприятны для общества. В результате проводимой политики федерального центра регионы России все глубже погружаются в бедность. По подсчетам экспертов Высшей школы экономики, в группу риска сейчас попадает не менее трех десятков регионов. У них долг превысил 30% дохода, а в 15 регионах он уже более 50% [6]. В целом к началу 2013 г. финансовую помощь из центра получали 72 из 83 регионов. Истинной причиной такого положения, наверное, можно назвать то, что федеральному центру выгодно держать местные администрации в стесненных ресурсных обстоятельствах, и он вполне сознательно культивирует неравенство регионов.

К концу 2013 г. столичный регион сосредоточил четверть богатств страны, и пустил через себя 79% финансовых потоков. На Москву и Московскую область приходится 27% от ВВП всей России. Для сравнения: только у семи из 83 регионов доля в национальном ВВП превышает два процента. Таким образом, центр собирает доходы со всей страны и вроде бы это нормально. Но обычно поступают так: 30-40% доходов забирает центр, тогда как основная часть остается местным властям. Например, в Швейцарии эта доля составляет 90%, в Германии – 70%, в США, Китае и Канаде – 60-65%, в Индии и Бразилии – 40-50%

У нас же в стране все наоборот. Центр забирает 65% общего дохода. На уровне субъектов Федерации остается 25%, а муниципалитеты получают, если получают, - 10% [6]. При этом федеральный центр перекладывает основные расходы на социальную сферу на регионы. Они, естественно, занимают деньги на выполнение социальных программ и влезают в долги. В то же время политика центра по отношению с регионами, конечно, включает в себя и дотации, и субвенции, и субсидии и т. д. Но их распределение крайне не равномерно и количество депрессивных территорий только увеличивается. По данным д. э. н. В. Иноземцева, в 2012 г. в России было лишь 11 регионов-доноров, бюджеты остальных были дефицитны. А сами трансферты регионам были третьей по размеру статьей расходов госбюджета [7].

Данная ситуация безусловно сказывается и на развитии сельского хозяйства. К настоящему времени, как всем известно, Россия потеряла свою продовольственную независимость, но современная помощь сельскому хозяйству просто неэффективна. По данным К. Бабкина, поддержка сельского хозяйства в России в 33 раза ниже, чем в Китае, в 24,5 раза ниже, чем в ЕС, и в 5,4 раза ниже, чем в США [8]. Страну в целом, так и регионы не спасти без радикального изменения отношения правительства к крестьянству, к селу.

Поэтому не будет большой натяжкой вывод о том, что в регионах волей-неволей организован серьезный бюджетный кризис, результатом которого выступает разрушение социальной сферы, разрушение самой повседневной жизни людей на большей части пространства России. А это уже зримые материальные проявления мифологем в жизни российского общества. И в первую очередь того, что вульгарный либерализм, характерный для внутренней политики России в 90-е гг. XX столетия, до сих пор не преодолен, интересы сырьевых монополий, а также финансового капитала по-прежнему приоритетны.

А в целом один очень краткий вывод: без решения этих нематериальных, но фундаментальных проблем решение конкретных вопросов развития регионов, скорее всего, будет невыполнимо.

Список использованной литературы:

1. *Бялый Ю.* Мелочность // *Завтра*. 2008. № 32. Август.
2. *Горшков М. К.* Реформы в зеркале общественного мнения // *Социологические исследования*. 2011. № 10; *Готово ли российское общество к модернизации?* // *Общество и экономика*. 2010. № 6.
3. *Готово ли российское общество к модернизации?* // *Общество и экономика*. 2010. № 5.
4. *Гугучкин В.* Или промышленная революция, или путь в никуда // *Аргументы недели*. 2012. 18 октября; *Речменский В.* Потенциал есть, про модернизацию слышали // *Аргументы недели*. 2012. 1 марта.
5. *Гурдин К.* Новая индустриализация // *Аргументы недели*. 2010. 9 сентября.
6. *Гурдин К.* Колониальная политика набирает обороты // *Аргументы недели*. 2013. 21 ноября.
7. *Иноземцев В.* Бюджет иллюзий // *Аргументы и факты*. 2013. № 25.
8. *Рязанов С.* Спасти рядового крестьянина // *Аргументы недели*. 2013. 12 декабря.

Цаплин А.Ю.,
к. п. н, доцент кафедры политических наук
юридического факультета ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»

«ДВУЛИКИЙ ОБЛИК» СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Процессы преобразования традиционной системы государственного управления, формирование так называемого «e-Government», уже давно идут во многих странах мира и отчетливо приобрели сегодня глобальный характер. В одних работах это термин переводится как «электронное правительство», в других как «электронное государство» [1, с.105]. Так или иначе, отечественные и особенно зарубежные исследователи чаще всего пишут о формировании нового состояния государства, совершенно отличной от прежней модели публичного управления, изменяющей значительную часть ее параметров [4].

В доказательство различий между традиционным осуществлением власти и новым управлением приводятся обширный перечень аргументов. Приведу некоторые из них. Так, если раньше процессы принятия решений строились на контроле и выполнении команд, то теперь основными параметрами становятся согласие и договор. Традиционное управление большое внимание уделяло праву и регламентам, современное — непринудительным нормам, коллективным рекомендациям, моральным соглашениям. Традиционная власть осуществлялась правительствами, бюрократией и парламентами, новое управление в условиях сетевого общества все больше включает в публичную власть такие формы, как комиссии, форумы, большие демократически организованные группы. Если ранее информация для управления была централизованной и засекреченной, то сейчас информация становится распределенной, открытой, а информационные процессы связаны с интерфейсами и протоколами, становятся сетевыми, включают сетевые форумы, образование и др. [5, p.320]. Вполне очевидно, что эти характеристики имеют очень мало общего с реальностью. Скорее это некоторые идеи, описывающие новую модель государственного управления «светлого будущего», призванные, насколько это возможно, возродить общественный интерес к демократическим институтам. Поскольку, и это уже давно не секрет, в западном обществе наблюдается падение интереса граждан к политической жизни. Люди стали меньше интересоваться политикой, реже ходить на выборы, игнорировать политические партии, и в целом с недоверием относиться к деятельности политических институтов.

В этих условиях концепция «e-Government» задает новые политические ориентиры, ценности, которые планомерно внедряются в массовое общественное сознание. Создается миф, что внедрение практики «электронного правления» способно изменить природу власти, сделать ее

более открытой, доступной для общества, а сам механизм принятия решения более прозрачным. Создается иллюзия о включенности (вовлечении) граждан в процесс принятия политических решений в результате изменения возможностей общественно-политического участия, а именно развития механизмов электронной демократии (составной части электронного правления), таких как голосование через интернет, виртуальные общественные собрания и т.д.

В этой связи понятна и закономерна широко транслируемая установка, что в современном обществе произошла информационно-коммуникационная революция, которая стремительно преобразует все сферы общественно-политической жизни, в том числе и область государственного управления. Ее смысл - показать разрыв с предыдущей эпохой и наделить новые технологии свойствами неизбежной движущей силы перемен. Но так ли это на самом деле?

Сегодня неявным образом распространяется идея, что прежняя система государственного управления достигла предела своей эффективности и теперь повысить ее можно только с помощью новых информационно-коммуникационных технологий. В этом плане характерна позиция международной Организации экономического сотрудничества и развития, которая рассматривает информационно-коммуникационные технологии как инструмент достижения лучшего правления [8, p.41]. Иными словами как инструмент повышения эффективности государственного управления в рамках концепции «e-Government».

Конечно, новые информационно-коммуникативные технологии в определенной степени способны улучшить механизм государственного управления. Плюсы так называемого «электронного правительства» хорошо известны. Это и электронные базы данных, и система электронного документооборота, и электронные госуслуги и многое другое. Вопрос в другом: есть ли границы использования ИКТ в государственном управлении за которыми его эффективность не только не увеличивается, но и наоборот снижается, определенная зона риска, в которой использование ИКТ крайне нежелательно и может таить в себе угрозы стабильному функционированию государственных институтов? Действительно ли «электронное правление» способно изменить сущность власти и трансформировать современные механизмы представительной демократии?

Одним из главных принципов нового государственного управления является «публичность», что означает использование новейших коммуникационных технологий для расширения доступа граждан и институтов гражданского общества к интересующей их информации органов государственной власти и местного самоуправления.

Но насколько политическая власть стала более открытой в результате использования новых ИКТ? С одной стороны, и на Западе и в России органы государственной власти создали свои интернет-сайты, которые предоставляют большой объем информации. С другой стороны, нужно понимать какого рода информация там размещается. В основном это

справочная информация либо информация, которая в позитивном свете характеризует деятельность власти. Функциональность сайтов выражается не в усилении механизмов контроля общества за властью, а преимущественно в формировании положительного образа власти. Фактически власть получила еще один канал воздействия на общественное мнение, который частично выполняет функции правительственных СМИ.

Вообще, даже теоретически сложно представить обратную ситуацию, чтобы властные структуры использовали собственный информационный ресурс, каковыми фактически и являются сайты органов государственной власти, в ущерб своим интересам. На этом фоне, как на первый взгляд странное исключение, выглядит специализированный, независимый от ведомственных интересов информационный интернет портал «Госзакупки». Там действительно можно найти интересную информацию, которая раньше тщательно скрывалась. Но он позволяет отследить только один аспект деятельности власти, связанный с заказами на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг. То есть область публичности, сфокусирована, главным образом, на взаимоотношениях власти и бизнеса, на проблеме борьбы с коррупцией. Политическая же сфера остается большей частью закрытой. Границы публичности власти очень четко ощущаются. И это вполне нормально. Потому что если сделать власть полностью открытой, значит очень сильно подорвать основы ее легитимности. Именно поэтому правительства многих стран очень болезненно относятся к попыткам приподнять завесу «тайнства», придания гласности информации, которая не предназначена для разглашения. Всем хорошо известен такой информационный ресурс как «Викиликс» и судьба его основателя Джулиана Ассанжа. США и некоторые другие государства неоднократно пытались закрыть этот ресурс. А сам Ассанж с июня 2012 года скрывается от преследования в посольстве Эквадора в Лондоне.

С публичностью власти неразрывно связана прозрачность политических механизмов. Как отмечают многие авторы, благодаря тому, что информация о деятельности государственных структур, в том числе в электронной форме, становится доступнее, процесс принятия государственных решений оказывается более прозрачным [6,7]. Это опять же должно усилить общественный контроль и способствовать постепенному вытеснению из политической практики лоббизма в его традиционном понимании. Поскольку основой влияния лоббистов является их информированность, знание того с кем и когда нужно вступать в контакт чтобы было принято решение, знание о готовящихся решениях. Если же власть сама, с помощью Интернета будет подробно освещать каждый свой шаг, то надобность в таком институте действительно резко сократится, а основным инструментом воздействия общества на власть, станет механизм публичного выражения общественного мнения. Проблема здесь в том, что в этом случае открываются большие возможности для внешнего лоббирования из-за границы, с помощью хорошо отработанных на западе технологий

формирования общественного мнения. Это открытая дорога к «цветным революциям».

Не менее двусмысленно выглядит идея вовлечения граждан в процесс государственного управления. Можно ли с помощью новых ИКТ создать реально работающий механизм прямой демократии? По мере развития коммуникативных технологий возникали самые разные футурологические проекты. Распространение кабельного и спутникового телевидения послужило толчком для разработки концепции теледемократии. Ответом на появление компьютерных сетей стала теория кибердемократии. В современных исследованиях все чаще речь идет о электронной демократии с присущими ей механизмами электронного голосования, виртуальных народных собраний, общественных экспертиз и петиций и т.д. И это уже не фантастика. Так, идея дистанционного электронного голосования уже давно апробирована на практике во многих странах. Один из последних примеров это выборы в Европарламент, которые проходили 25 мая. В Эстонии почти треть от количества пожелавших участвовать в выборах избирателей сделали это с помощью системы электронного голосования. Это приблизительно 100 тыс. чел. из чуть более 300 тысяч, принявших участие в выборах. Небольшой опыт внедрения механизмов электронной демократии есть и у нашей страны. Это и различные формы электронного голосования на муниципальных выборах в разных регионах России, и проекты – «Выборы в молодежный парламент» (<http://mp.m-voting.ru/>), «Российская общественная инициатива» (<https://www.roi.ru/>) Я не буду их подробно рассматривать. Потому что и российские и зарубежные примеры говорят об одном: все проекты электронной демократии направлены на совершенствовании представительной демократии. Принятие властных решений остается за представительными и исполнительными органами власти, а отнюдь не делегируется народу. Другими словами, при вовлечении граждан в публично-властные отношения сегодня доминируют не стратегии принятия решений самими гражданами (прямая демократия), а стратегии разработки решений с участием граждан [3, с.14-15].

И здесь тоже существуют весьма жесткие границы использования новых ИКТ. Идея организации виртуальных народных собраний может работать только в небольших по численности общностях, например, муниципалитетах. Проведение виртуального схода граждан на уровне крупного политического образования (государства или субъекта федерации) абсолютно не эффективно. Потому что его участники будут не в состоянии ознакомиться с мнениями остальных, не говоря уже о детальном обсуждении включенных в повестку дня вопросов. Принятие решения таким органом власти может затянуться на неопределенный срок. Система государственного управления окажется полностью парализованной.

Значительно шире границы использования в политическом процессе электронного голосования. Это и голосование на выборах органов власти, и на выборах общественно-политических организаций, и голосование за различные проекты, инициативы и т.д. Но и здесь существуют определенные

риски, связанные с фальсификацией результатов голосования. Если на обычных выборах политические силы и общество в целом, с помощью наблюдателей, имеют возможность контролировать ход голосования и процедуру подсчета голосов. То в ходе дистанционного электронного голосования, такая возможность отсутствует. Процесс становится менее прозрачным.

При всем при этом нужно понимать, что новые ИКТ это не панацея от абсентеизма избирателей. Как отмечают многие специалисты, развитие компьютерной коммуникации практически не повлияло на уровень вовлеченности граждан в процесс принятия решений по публично-правовым вопросам. При проведении электронного голосования явка избирателей оказывается не выше, чем при голосовании на избирательном участке.

Как представляется, электронная демократия – это механизм контроля над политической активностью граждан. Вместо того чтобы выражать свое недовольство тому или иному политическому решению, в форме акций протеста на митинге или демонстрации, предлагается принимать участие в мало что по существу решающих процедурах обсуждения тех или иных вопросов и проблем, тем самым вызывается чувство соучастия в государственном администрировании. Фактически, механизмы электронной демократии не активизируют пассивную часть электората. А развивают пассивность у его активной части. Реальное политическое участие заменяется виртуальным. Думается, что в будущем эта тенденция будет только усиливаться. Массовое использование механизмов электронной демократии это только дело времени. Концепция электронного государства нацелена на то, чтобы отбить у человека всякое желание реального политического участия, чтобы оно стало пережитком прошлого, сделать их абсолютно не нужными, не рациональными. Зачем нужно куда-то идти и делать что-то самому, когда для этого есть электронный гаджет?

Одним из признанных лидеров в строительстве нового государственного управления является Южная Корея. В рейтинге ООН развития электронного правительства она неоднократно занимала первое место. В стране реализуется программа «Правительство для граждан», которая направлена на упрощение и минимизацию контактов государственных органов с гражданами и юридическими лицами. В России же, по оценкам многих ученых, внедрение нового государственного управления идет не такими быстрыми темпами как хотелось бы. По этому поводу опубликовано большое количество работ, в которых критикуется российское электронное правительство и перечисляются причины почему наша страна отстает от мировых лидеров в этом деле [2].

На самом деле, если сравнивать Южную Корею и Россия, то выясняется, что на первый взгляд, такие разные систему государственного управления порождают удивительно схожие проблемы. Приведу, на мой взгляд, два показательных примера. Крушение парома «Сэволь» в Южной Корее в апреле этого (2014) года. И крушение в нашей стране теплохода «Булгария» летом 2011 года. Эти трагедии объединяет тот факт, что они

стали результатом неудовлетворительного качества государственного контроля за водным транспортом. Хотя в первом случае это стало следствием сокращения количества бюрократических процедур, следствием сокращения числа лиц принимающих решения. А в российском – наличия большого количества административных инстанций, усложняющих жизнь для бизнеса и, как следствие, коррумпированности государственного аппарата. При всех внешних различиях причина одна - сохранение и там и там неизменной сущности бюрократического управления, стремлении бюрократии сохранить свою компетенцию и одновременно уменьшить ответственность. В одном случае это достигается перекалыванием ответственности друг на друга, с одного ведомства на другое, в другом - перекалыванием ответственности на сам бизнес. Как представляется, на самом деле практика оказания «электронных услуг» очень удобна для чиновников. В этом случае найти виновного очень сложно. Показательно, что в Южной Корее ответственность за крушение парома пришлось взять на себя премьер-министру, как известно, он подал в отставку. Хотя понятно, что в его круг обязанностей не входил контроль за паромами. Это как раз подтверждает, что проблема в самой системе.

Таким образом, многое свидетельствует о том, что электронное государство (e-Government) – это новая красочная, бросающаяся в глаза – «электронная упаковка» традиционных институтов государственной власти. Характер власти остается прежний. Новые ИКТ позволяют не столько создать новую, сколько оптимизировать старую систему управления. Электронное государство (e-Government) подобно Двухлицому Янусу: информатизация властных отношений, призванная сделать их более открытыми и прозрачными, оборачивается новыми возможностями для манипуляции, новыми вызовами для государственного управления.

Список использованной литературы:

1. *Богдановская И.Ю.* «Электронное государство» // ОНС. 2004. №6.
2. *Павлютенкова М.Ю.* Электронное правительство в России: состояние и перспективы // Полис. 2013. №1.
3. *Руденко В.Н.* Новые Афины, или Электронная республика (О перспективах развития прямой демократии в современном обществе) // Полис. 2006. №4.
4. *Сморгунов Л.В.* Электронное правительство, менеджмент знания и административные реформы // Политэкс, 2005. №2.
5. *Brodhag Ch.* Information, governance et development durable // International Political Science Review. 2000. Vol. 21. № 3.
6. *Gronlund A.* Electronic Government: Design, Applications and Management. London, 2002.
7. *Loader D.* Digital Democracy. Discourse and Decision-Making in the Information Age. New York, 2001.
8. *The e-Government Imperative.* Paris: OECD, 2003.

Черных Н.С.,
ассистент кафедры политологии Волгоградского государственного университета

ПОКОЛЕНИЕ «БУДУЩЕГО» – ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИИ⁶

В условиях затянувшегося идентификационного кризиса российских граждан, непрерывного поиска новых ценностных ориентаций и общегражданских идей актуальным представляется изучение сформировавшихся в последние десятилетия новых идентичностей. Влияние мировой глобализации и отечественных социально-политических преобразований привело к ускорению процессов политической идентификации, которые вылились в спутанность идентификационных ориентиров и проблемы формирования единой общегражданской идентичности у современного российского гражданина. Наиболее остро, в условиях политической модернизации, данная проблема затрагивает молодежь. Молодые люди быстрее, чем старшее поколение, адаптируется в меняющемся мире. Именно данная социально-демографическая группа на разных циклах модернизации может выступать носителем инновационных преобразований.

Современные политические процессы в России неотделимо связаны с идеями инноваций. Однако вызывает опасение тот факт, что на практике отсутствует единая сбалансированная стратегия разработки и реализации инновационных решений, зачастую проявляется их стихийность и даже противоречивость. Феномен инновационного развития (его процесс и результат) не возможен без субъекта – личности или группы, способной применять активно – преобразовательный метод взаимодействия с социально-политической средой. Государство и общество, находящиеся в процессе политико-модернизационных преобразований, особенно испытывают потребность в социально зрелых, активных людях, способных к созидательной самореализации в общественно-политическом пространстве, а также готовых к инновационным формам деятельности. Одной из главных задач российского общества в условиях модернизационных преобразований является формирование и развитие инновационно мыслящего индивида, характеризующегося помимо моральных качеств, совокупностью приобретённых им знаний и опыта. Среди молодежи в целом, на наш взгляд, особый научный интерес представляет студенчество как инновационная группа, которая в силу значительного образовательного уровня, предприимчивого возраста, активного социально-политического поведения может выступить основой стабильности современного российского государства. Являясь наиболее прогрессивной частью молодежи, студенчество наиболее остро ощущает происходящие перемены в жизни

⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01202

общества. В студенческой среде адаптация к инновациям происходит более осознано, чем у детей и более безболезненно, чем у людей зрелого возраста.

На государственном уровне вопрос формирования «инновационной личности» впервые был затронут в «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». Необходимо отметить тот факт, что целый раздел Стратегии, наряду с такими, как «Инновационный бизнес», «Содействие инновационному развитию секторов экономики», «Государственные закупки» и т.д. освещает проблему необходимости формирования «инновационной личности». В документе под ней понимают гражданина, который «должен стать адаптивным к постоянным изменениям: в собственной жизни, в экономическом развитии, в развитии науки и технологий, – активным инициатором и производителем этих изменений» [1]. При этом указаны компетенции, которым необходимо, соответствовать данному типу личности:

- способность к критическому мышлению;
- способность к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучение и самообучение, профессиональная мобильность, стремление к новому;
- способность и готовность к разумному риску, креативность и предприимчивость, умение работать самостоятельно, готовность к работе в команде и высококонкурентной среде;
- владение иностранными языками, предполагающее способность к свободному бытовому и профессиональному общению.

Первый выпуск открытого отчета о ходе реализации «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.» «Россия: курс на инновации» опубликовал экспертно-аналитический опрос о состоянии вышеуказанных компетенций у российских граждан. Эксперты из предпринимательской, научно – инновационной сферы, системы образования и реального сектора экономики полагают, что в наименьшей степени (42%) у российского «инновационного человека» на сегодняшний день развита такая компетенция как способность и готовность к разумному риску. 28% опрошенных ответили, что существует слабое стремление к непрерывному образованию. Присутствует слабое желание владеть иностранными языками (19%). Лучше всего у граждан нашей страны развита такая компетенция, как способность к критическому мышлению (11%) [2].

Таким образом, для повышения и реализации инновационных качеств у российской молодежи с целью стабилизации политической системы, государству и обществу потребуются решения таких задач как:

- разработка стратегии по воспитанию компонентов «инновационной личности»;
- внедрение конкретных технологий по обучению инновационным качествам;
- формирование методик выявления индивидуальных особенностей личности, склонных к инновационной деятельности;

- популяризация инновационной активности среди населения.

Эффективное решение данных задач позволит молодежи быстрее адаптироваться к меняющимся реалиям, четко формировать свою гражданскую позицию, тем самым значительно снизить уровень деструктивного поведения в обществе. В связи с этим, для того, чтобы студенчество представляло собой политически-активную общность, определяется потребность в научно-теоретическом анализе идентификационных стратегий молодежи как инновационной группы в процессе реализации национальной модели политической модернизации современной России. Спутанность и долгое решение проблемы выбора новых идентификационных ориентиров современной российской молодежи может существенно замедлить процесс формирования молодежной группы как стратегического ресурса социально-политического и экономического развития страны. Идентификационный кризис неизбежно будет приводить к девиантным формам поведения, склонности к национализму, ксенофобии и экстремизму, что в свою очередь, представляет угрозу политической стабильности государства в целом. Разработка новых идентификационных стратегий молодежной группы, с учетом устоявшихся политико-культурных традиций необходима как для предотвращения данной угрозы, так и для того, чтобы направить молодежь, обладающую инновационным потенциалом, не по пути деструкции, а в русло созидания и позитивных модернизационных преобразований.

Список использованной литературы:

1. Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года. URL: <http://elementy.ru/Library9/r2473.htm> (дата обращения 23.01.2014).
2. Россия: курс на инновации. URL: www.rusventure.ru/ru/programm/analytics/docs/Report_2_RU.pdf (дата обращения 25.02.2014).

Шестов Н.И.,
д. п. н., профессор кафедры политических наук юридического факультета ФГБОУ
ВПО «Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского».

СУБЪЕКТНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА: ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТА И ОБЪЕКТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

В отечественной политической регионалистике за последние десятилетия сложились некоторые принципиальные подходы к пониманию того, что такое современный российский регион в его социально-политическом измерении и по каким основаниям исследователи могут судить

о состоянии его политической субъектности. В выборе региона как объекта изучения политологи, вслед за специалистами по другим направлениям региональных исследований, ориентируются преимущественно на административно-территориальные и пространственно-географические показатели, отчасти дополненные показателями экономического районирования. Предметное поле в этом случае обычно включает в себя электоральную проблематику, различные аспекты элитогенеза в регионе и функционирования элит, а также проблемы нормативных и организационно-управленческих изменений. В частности, в известной работе В. Гельмана и С. Рыженкова конца 90-х гг. прошлого столетия, ставшей своего рода классикой теории последующих региональных политических исследований и многократно цитируемой в этих исследованиях, авторы утверждали: «... под политической регионалистикой мы понимаем совокупность исследований как макрополитических процессов на региональном и местном уровнях (изучение политических режимов, политического поведения и т.д.), так и специфических аспектов регионального и местного управления, связанных с процессами общенационального масштаба. ... мы можем выделить "три составные части" этой сферы научной деятельности с определенной степенью автономии: - анализ региональных электоральных процессов; - изучение региональных элит; - исследование федеративных отношений» [1, с. 1, 11].

То, какую устойчивость приобрел этот изначально заданный ракурс, позволяет представить не менее известная работа Р.Ф. Туровского 2010 года, в которой автор следующим образом структурирует объект и предмет: объекты исследований в политической регионалистике должны предполагать возможность районирования (деления на территориальные фрагменты по заданным критериям) или сравнения между субнациональными территориальными ячейками (что означает наличие различий между этими ячейками). Другими словами, каждый интересный для политической регионалистики политологический объект должен иметь территориальную проекцию.

С учетом этого правила возможными объектами исследований в политической регионалистике можно считать следующие.

1. Политические институты. Например, к политическим институтам относятся государство и его административные единицы. ... Также политическая регионалистика рассматривает такие институты, как партии, группы интересов и группы давления. ...
2. Политические системы и политические режимы. ...
3. Политические процессы. Здесь речь идет о территориальной проекции общенациональных политических процессов. Примером можно считать исследование региональных различий в результатах национальных выборов. ...
4. Политическая культура, политическое поведение и политическое участие. ...
5. Политические элиты и политическое лидерство. По аналогии с другими объектами исследований

здесь можно рассматривать процессы формирования региональных политических элит и политическое лидерство на региональном уровне. 6. Политические коммуникации.

Предметом политической регионалистики как особой политической науки является пространственное измерение политических явлений.

Этот предмет включает:

- политические отношения между центром и регионами (вертикальное измерение политической регионалистики);
- политические процессы (явления) в самих регионах (горизонтальное измерение политической регионалистики). «современной России» .

В устойчивости такого взгляда исследователей на объект и предмет регионального политического исследования есть положительная сторона: на протяжении уже более чем двух десятилетий имеется определенная матрица, пользуясь которой политолог-регионовед имеет возможность не только осуществлять долгосрочный мониторинг политических процессов в своем регионе и за счет этого повышать точность их прогнозирования, но и корректно сравнивать их динамику с тем, что происходит в других местностях Российской Федерации.

Есть у этой положительной ситуации, однако, и обратная сторона. Во-первых, ракурсы изучения жизни региональных социумов и элит, перечисленные выше, использует не только политическая наука. В том же направлении действуют социологи, юристы, специалисты по менеджменту и даже политгеографы. Правильнее было бы сказать, что именно эти научные направления задают политической науке общее понимание того, что есть регион как социально-политическое образование, и на что, конкретно, из ряда разнообразных проявлений региональной жизни исследователь должен обращать внимание в первую очередь, а на что – во вторую. К этому можно добавить еще и существенную общность методологии региональных исследований, осуществляемых сегодня представителями упомянутых научных направлений. Когда существует такая междисциплинарная общность объекта и предмета исследования (а также метода), то естественным образом возникает вопрос о том, а, собственно, в чем смысл существования политической регионалистики как таковой, в качестве самостоятельного научного направления. Получается, что сама политическая регионалистика, занимающаяся тем же, чем занимаются и другие ответвления регионологии, существует на том основании, что есть «большая» политическая наука, которую, помимо прочего, интересуют политические процессы на первичных уровнях социально-политической системы и политическая регионалистика этот интерес «большой» политической науки удовлетворяет.

Во-вторых, что очень заметно, все, что касается участия социума в региональном политическом процессе, оказывается именно в силу определенного структурирования объекта и предмета исследования

отодвинуто на второй план в сравнении с институциональными и функциональными аспектами политического участия элит. Такое структурирование объекта и предмета изначально нацеливает исследователя на понимание политической субъектности социума как зависимой, или даже производной от способности региональных политических элит сформулировать и реализовать определенные правила политической игры. В таком подходе к предмету и объекту недостаточно учтено важное обстоятельство: сами по себе географические и административные очертания региона, и даже вся совокупность проблем протекания в нем процессов элитогенеза, электоральных процессов и процессов нормотворчества и администрирования, в которых исследователи ищут и находят обнаружения политической субъектности социума – все это, по сути, приобретает в структуре политического анализа смысл лишь тогда, когда в структуру предмета вводится дополнительный показатель – способность социума влиять на устойчивость, либо неустойчивость протекания этих процессов в контексте общего состояния российского политического процесса.

Против такой критики можно привести возражение. Естественно, что когда речь идет о регионе как функционирующей демократической системе, то, есть все основания предполагать большее или меньшее участие социума и в электоральных кампаниях, и в элитогенезе, и в выработке административных и правовых норм, в соответствии с которыми строится вся региональная жизнь. Во всем том, что и может послужить индикаторами политической субъектности социума.

Это и так, и не совсем так. Если уместна такая образная параллель, то из факта, что человек сам регулярно работает, участвует в трудовой деятельности других людей и в функционировании производственных мощностей, и сам получает свою зарплату, не следует в обязательном порядке, что он может и сам определять свойства своей работы и свойства зарплату, и что свойства его работы и его зарплату будут точно характеризовать общее состояние производственных мощностей. Тут проявляется не столько субъектность человека, сколько мера его зависимости от других субъектов, в данном случае – субъектов хозяйственной деятельности. О субъектности человека есть смысл говорить тогда, когда у этого человека есть хотя бы в малейшей степени возможность и способность самоопределяться по отношению к окружающему миру, его свойствам, и свойствам проблем, с которыми ему приходится сталкиваться, окружающим проблемам. Для фактической субъектности необходима способность человека влиять на устойчивость, либо неустойчивость происходящих вокруг него процессов и на этой границе устойчивости и неустойчивости формировать собственную оригинальную стратегию и тактику жизненного поведения.

Переведем эту логическую последовательность из личностного формата в формат социальный, приложим ее к определению структуры

субъектности регионального социума как предмета исследования. Именно в качестве актора политического процесса, способного не только действовать на сцене региональной политики, но и определять устойчивость, либо неустойчивость собственного действия, региональный социум и может представлять для политической регионалистики интерес в качестве специфического объекта исследования, отличного от того, как этот объект для себя определяют другие науки. И, соответственно, для политической регионалистики могут иметь особый интерес в качестве предмета исследования, помимо уже упоминавшихся ранее проблем элитогенеза и функционирования региональных элит, региональных электоральных компаний, регионального управления, те проблемы социально-политической жизни, в самом существовании и динамике которых обнаруживает себя устойчивость, либо неустойчивость регионального политического процесса и способность социума каким-то образом на эту устойчивость и неустойчивость повлиять в собственных интересах.

Это, в частности, все, что обозначает саму границу устойчивости и неустойчивости во многих региональных процессах. Это, например, проблема перехода от неполитических задач и способов их решения, к политическим задачам и способам решения, и обратно. Это, затем, проблема, так сказать, «аналоговых» (по отношению к либеральным формам гражданской самоорганизации, часто принимаемым за эталон того, как должна самоорганизовываться социальная жизнь в регионе вообще). Социум в регионе самоорганизуется, становится обществом и начинает так или иначе, но проявлять свою политическую субъектность, ориентируясь, например, на традиции, на свой исторический опыт, на мифологические идентичности и мотивации, на все то, что может не совпадать с требованиями норм либеральной гражданской самоорганизации. На этом основании исследователи нередко отказывают региональным социумам в сложившемся гражданском качестве, а на деле имеет место как раз обратное: имеет место способность социума использовать внутренние и внешние ресурсы для того, чтобы стабилизировать (либо дестабилизировать, если речь идет, например, о региональных социальных конфликтах, или конфликтах социума и элит на этнической, религиозной или экономической почве) политическое пространство вокруг себя сообразно собственным интересам. Это, наконец, проблемы формирования структур региональной исторической памяти вообще, и политической памяти, в частности. То, как и что региональный социум вспоминает о своем прошлом, и какими «воспоминаниями о будущем» он живет, во многом зависит его способность эмоционально и рационально самоопределиться в отношении протекающих в современности политических процессов и повлиять на них в направлении их стабилизации, либо дестабилизации, как то диктуют его интересы.

Представляется, что такое изменение представления о научном объекте и такое расширение предметного поля политических региональных

исследований за счет дополнительного ряда проблем, решаемость, либо нерешаемость которых в региональном политическом процессе позволяет нам судить о состоянии и динамике политической субъектности регионального социума, может придать современным отечественным исследованиям по политической регионалистике дополнительный импульс.

Список использованной литературы:

1. Гельман В., Рыженков С. Политическая регионалистика России: история и современное развитие // Политическая наука. - М.: ИНИОН, 1999. - № 3. - с.172-255.
2. Туровский Р.Ф.. Политическая регионалистика , 2010 // <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-teoriya-politiki/regionalnaya-nauka-politicheskaya.html>. Дата обращения 10 мая 2014 г.

Шеховцова Н.А.,
к. с. н., доцент кафедры политологии Волгоградского
государственного университета
Барышева О.О., Кривошеева Н.И.,
студентки направления подготовки «Политология» Волгоградского
государственного университета

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ⁷

Современное либеральное сообщество обуславливает социальный запрос на публичность, открытость, гласность, прозрачность и подотчетность осуществляемой государственной политики, обеспечивающей условия для участия граждан в политическом процессе. Без гражданского участия в принятии властных решений, без активизации общественных ресурсов, плюрализма и конкуренции творческих идей, без готовности власти к компромиссу любые, даже самые либеральные импульсы «сверху» будут сталкиваться с объективными социальными, экономическими и политическими ограничениями, оставаясь «благими пожеланиями».

Однако институционализация публичной политики как инструмента согласования общественных интересов неразрывно связана с процессом интериоризации в отечественной политической культуре особой системы либерально-демократических ценностей. Более того, постепенная интеграция РФ в систему динамично развивающихся государств современного мира предопределяют особую важность не только самих либеральных ценностей, но и степени их признания отечественным социумом в качестве

⁷ Работа выполнена в рамках реализации Гранта РГНФ № 14-33-01202 на тему «Идентификационные стратегии студенческой молодежи в РФ как инновационная основа политической стабильности». Конкурс поддержки молодых ученых 2014 года.

высокозначимых и непререкаемых постулатов политического и электорального поведения. При этом в качестве основных современных либеральных ценностей на первый план перемещаются такие ценности, как гражданская свобода, политическое равенство (вне зависимости от идеологических предпочтений), неприкосновенность права частной собственности, а также толерантное отношение к оппозиционным политическим субъектам, альтернативным вариантам общественно-политического и социально-экономического развития.

Поэтому только формирующаяся на основе таких ценностей и на пересечении усилий гражданского общества и государства, публичная политика становится эффективным механизмом согласования интересов населения в процессе обсуждения, принятия политических решений, их реализации органами исполнительной власти и контроля результатов. Кроме того, большое значение имеют механизмы обратной связи между обществом и государством, с помощью которых субъекты политики (коллективные и индивидуальные) формулируют и представляют в органах власти общественное мнение, реализуя тем самым ценность свободы слова. Отсюда особенно важным становится приоритетная роль либеральных ценностей в развитии сферы публичной политики и условий коммуникативного взаимодействия социума и власти. Действительная эффективная реализация публичной политики возможна лишь на основе конкуренции либеральных идей и проектов, плюрализма мнений и способности участников процесса слышать и уважать мнение других, невраждебно встречать мнение, отличное от своего, другими словами, способность быть толерантными.

Публичная политика, предусматривающая согласование общественных интересов, признает наличие именно свободной конкуренции, а не конфликтной борьбы за власть. Конкуренция творческих идей гражданского сектора выступает самостоятельной ценностью, самостоятельным публичным институтом. Такая конкуренция в публичном пространстве может и должна осуществляться дозированно.

К сожалению, многие отечественные представители органов государственной и муниципальной власти, руководствуясь идеализированными соображениями безопасности и защиты общественного порядка, а также в силу собственных узкокорпоративных интересов, довольно часто стремятся по возможности ограничивать или блокировать импульсы «снизу» и, соответственно, политическую конкуренцию. Дефицит политической конкуренции, а, следовательно, внешнего контроля, механизмов обратной связи, выработки альтернативных решений немедленно сказывается на делиберализации политической жизни и технологическом качестве процессов принятия и реализации управленческих решений. В данной связи, решение проблемы слабого кадрового резерва в органах власти, недостаточной элитной конкуренции, а также невысокой активности структуры гражданского общества в современной России не

способны обеспечить безопасный «перезапуск» институтов публичной политики и либеральной политической конкуренции.

Сегодня достаточно сложно представить современного человека, совершенно не разделяющего либеральных ценностей - свободы выбора или свободы частной собственности. Но, несмотря на наличие конкуренции в публичной политике и публичной сфере, наиболее важной либеральной ценностью является толерантность. Толерантность есть не только нравственная характеристика отдельного человека, но и социально-политический механизм взаимодействия людей, который обеспечивает достижение целей через уравнивание интересов, убеждение сотрудничающих сторон в необходимости поиска взаимоприемлемого компромисса. Так понимаемая толерантность есть предпосылка, условие и одновременно продукт либерального, демократического общества.

Только в обществе, признающим в качестве высшей ценности и главного богатства свободную суверенную человеческую личность, толерантность становится естественным атрибутом цивилизованности. Отсюда следует, что эффективность согласования интересов в публичной политике определяется не только институциональными и процедурными факторами, но и готовностью участников процесса согласования к диалогу, т.е. понимать друг друга и искать компромисс. Приходится констатировать, что уровень такой готовности в российском обществе очень низок. Взаимное доверие субъектов взаимодействия (индивидов, групп, социальных институтов, государств) является важнейшим условием формирования установок толерантности. В свою очередь доверие базируется на достаточной взаимной информированности субъектов и на презумпции информационной открытости. Следовательно, можно выстроить следующую понятийную цепочку: информационная открытость - доверие - толерантность - социальное партнерство - объединение усилий - эффективное решение проблем - устойчивое развитие.

В итоге, открытый и беспрепятственный доступ к общественно значимой информации выступает не просто гарантом справедливого управления и свободного общества, но и важнейшим условием формирования установок толерантности, что, в свою очередь, способствует созданию атмосферы социального партнерства и объединению усилий различных субъектов в деле устойчивого развития общества. Все это ставит на повестку дня вопрос организации публичной политики открытого общества, т.е. формирования фундаментальных либеральных ценностей современной политической и коммуникативной культуры. Для этого необходимо обеспечить подлинную, а не декоративную прозрачность социальных процессов; необходимы реальные механизмы противодействия политическому популизму и попыткам манипулирования общественным мнением.

Очевидно, что для этого требуется модернизация и в структуре отечественного государственного управления, основанного на жесткой

властной вертикали, в направлении расширения действия либеральных принципов конкурентности, плюрализма, толерантности, открытости диалога – т.е. тех принципов, на которых должно основываться развитие институтов гражданского общества. Способность органов власти, бизнес-сообщества и иных гражданских ассоциаций к партнерству и консолидации – одно из важнейших условий внедрения и стимулирования инноваций, преодоления политической и технологической отсталости, повышения качества жизни и ценностно-ориентированной либерализации политической системы в России.

Юров О.В.,
к. п. н., доцент Западно-Казахстанского государственного университета
имени М. Утемисова, директор департамента стратегического
развития и качества г. Уральска, Республика Казахстан

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В Западно-Казахстанском государственном университете им. М. Утемисова (г.Уральск, Республика Казахстана) с 2008 г. отделом мониторинга и социологических исследований под руководством П.А. Добряева проводится мониторинг состояния межконфессиональных отношений в студенческой среде.

Цели и задачи данного мониторинга первоначально были направлены на совершенствование деятельности вуза, становление системы обратной связи, развитие межэтнической и межконфессиональной толерантности в молодежной среде, корректировку воспитательной и индивидуальной работы со студентами и т.п. Результаты исследований до определенного времени свидетельствовали о достаточно стабильной ситуации в этой области.

Однако в течение последних лет стали выявляться тенденции, свидетельствующие о деятельности деструктивных сил и появлении групп молодежи разделяющих радикальные религиозные взгляды.

Возросла и социально-политическая актуальность подобных исследований, что связано с проявлениями религиозного экстремизма и террористическими актами в 2011 и 2012 гг.. Несмотря на успешную деятельность правоохранительных органов по выявлению и пресечению экстремистских действий результаты этих исследований показывают, что в социально-политической идентификации молодежи (гражданской, этнической, религиозной) произошли заметные изменения существенно отличающиеся от декларируемых целей государственной политики.

Обращает особое внимание, что опрашивалась молодежь в возрасте от 18 до 23 лет, то есть та категория населения, которая родилась в постсоветский период и выросла под влиянием новых акторов социализации.

С учетом вышеизложенного в методологию мониторинга были внесены соответствующие изменения, что позволило более полно проводить зондаж представлений, мнений и ориентаций студентов, *характеризующих их самоидентификацию, оценку роли религии в жизни казахстанского общества, уровень религиозности, состояние и динамику межконфессиональных отношений, вероятность вовлечения казахстанской молодёжи в экстремистские религиозные организации, тех факторов, что побуждают молодёжь в эти организации вступить.*

Последнее по времени такое исследование проводилось в ноябре 2013 г. В 10% выборке были представлены выходцы из различных этнических групп, социальных слоев и населенных пунктов Западно-Казахстанской области.

В социально-политическом отношении большая группа респондентов заявила, что ощущает и осознаёт себя в первую очередь *не столько гражданами РК, казахстанцами*, сколько представителями определённого этноса (по результатам опроса относительно большинство опрошенных студентов – 38 % (в 2012 - 43%). Кроме того, 29% опрошенных студентов поставили национальность в иерархии идентичностей на второе место (а на первое, второе и третье места её поставили в общей сложности 81% опрошенных студентов).

Несколько большее количество респондентов – 41% (2012- 36%) – обозначили для себя в качестве приоритетной идентичности *гражданство РК*. То есть, часть студентов продолжает ощущать и осознавать себя в первую очередь именно *казахстанцами*, а не *казахами, русскими и прочими*.

Обращает внимание, что если *религию* как самую значимую данную идентичность отметило 3% (в 2012 – 5%) респондентов, то в общей сложности *на первое, второе и третье места* её поставила половина опрошенных студентов – 47%. Следовательно, религиозная принадлежность в самоидентификации респондентов занимает одно из важных мест.

Видимо поэтому не случайно, около 2/3 студентов, отвечая на соответствующие вопросы анкеты, стабильно высказывают мнения, что *религия* в жизни казахстанского общества *играет и должна играть важную роль*.

В тоже время подавляющее большинство опрошенных студентов университета - 82% (в 2011 г. – 78%, в 2012 г. – 84%) выражает желание жить в стране, в которой *влияние религии ограничено, вмешательство религиозных организаций в деятельность государственных организаций недопустимо*. То есть любые формы теократической организации общественных отношений для них не приемлемы.

Подавляющее большинство опрошенных студентов 75% (в 2011 г. – 84%, в 2012 г. – 76%) заявило о том, что считают себя *верующими*. В общей сложности 64% (в 2011 г. – 66%, в 2012 г. – 61%) опрошенных студентов университета составили те, кто заявил, что религиозные обряды ими *более*

или менее регулярно соблюдаются. В 2008 г. о более или менее регулярном соблюдении религиозных обрядов заявили лишь 27% респондентов.

О своей наибольшей активности в отношении *регулярных* посещений мечети, церкви или других мест для религиозных собраний заявили в общей сложности 13% (в 2011 г. – 27%, в 2012 г. – 12%) респондентов. Видимо этих опрошенных можно отнести к категории стремящихся максимально соблюдать религиозные догмы и обряды.

Состояние межконфессиональных отношений как в Республике Казахстан в целом, так и в конкретных населённых пунктах большинство опрошенных студентов оценило достаточно высоко – *как хорошее и очень хорошее*. В общей сложности, высоко оценили состояние межконфессиональных отношений в казахстанском обществе 63% опрошенных студентов (в 2011 г. – 69%, в 2012 г. – 46%), тогда как низкую оценку данному состоянию дали 8% респондентов (в 2011 г. – 3%, в 2012 – 12%). При этом следует учитывать, что значительная часть опрошенных – 22 % – оценила состояние этих отношений всего лишь как удовлетворительное. Обращает внимание, что доля респондентов давших низкую оценку близко к доле соблюдающих религиозные обряды.

подавляющее большинство опрошенных студентов (70%) заявили, что у них с организациями проповедующими разжигание межрелигиозной вражды никаких контактов не было, но почти каждый четвёртый респондент 24% (в 2011 г. – 19%, в 2012 г. – 24%) признал наличие таких контактов, что свидетельствует об активности религиозных сект.

Не случайно в этом году большая группа респондентов – 57% оценила вероятность вовлечения молодежи в секты как *высокую*. В целом в 2013 г. наличие такой угрозы видело в общей сложности 90% опрошенных студентов (в 2010 г. и в 2011 г. – 86%). То есть, по мнению подавляющего большинства опрошенных существует реальная опасность вовлечения казахстанской молодёжи в экстремистские религиозные организации.

Среди названных респондентами причин, чаще всего побуждающих молодёжь присоединяться к деструктивным религиозным организациям упоминались *социально-экономические проблемы* (29%). Следующими, по частоте упоминания, являются

- *семейные проблемы,*
- *психологическая нестабильность,*
- *активное воздействие на молодёжь представителей деструктивных религиозных организаций,*
- *личные проблемы,*
- *влияние со стороны круга общения и т.п.*

Обращает внимание, что причинами преимущественно являются субъективные факторы, т.е. они не являются необратимыми и могут быть скорректированы. Даже социально-экономические проблемы при соответствующем индивидуальном подходе могут быть решены (социальная помощь, временное трудоустройство, совмещение учебы и работы,

предоставление мест в общежитии и т.п.). Вывод, естественно вытекающий из этих данных, связан с организацией индивидуальной работы со студентами.

Среди студентов, как видимо и среди других категорий молодежи, существует группа риска. Хотя отрицательное отношение к возможным предложениям присоединиться к той или иной секте выказало подавляющее большинство опрошенных студентов 93%, (в 2012 - 90%) их определённая часть продемонстрировала положительное отношение к подобным предложениям 5% (в 2011 г. – 3%, в 2012 г. – 4%).

В 2013 г. подавляющее большинство опрошенных студентов (92%) заявили о своей неспособности беспрекословно подчиняться лидеру секты, 2% посчитали себя способными к такому подчинению, а 6% не смогли (или не захотели) дать себе в этом отношении определённую оценку.

Следовательно, работа по противодействию религиозному экстремизму должна носить адресный характер. Персональное выявление таких лиц должно стать важнейшей задачей молодежных организаций и при необходимости правоохранительных органов.

С тем, что *религиозный экстремизм можно искоренить* в той или иной степени согласились 72% (в 2011 г. – 60%, в 2012 г. – 70%) опрошенных студентов, тогда как 16% респондентов посчитали, что искоренить религиозный экстремизм нельзя, а 14% – не смогли высказать на этот счёт определённого мнения.

В отношении того, *какие меры следует в первую очередь предпринимать для искоренения религиозного экстремизма*, основная часть студентов высказала следующие мнения: их относительное большинство 37% (в 2011 г. – 36%, в 2012 г. – 33%) полагает, что такой мерой должно быть *ужесточение наказаний за участие в подобной деятельности*; другая, несколько меньшая их часть 28% (в 2011 г. – 24%, в 2011 г. – 26%) видит такую меру в *усилении просветительской и воспитательной работы*.

Среди тех опрошенных студентов, которые сумели определиться относительно *перспектив динамики межконфессиональных отношений в казахстанском обществе*, преобладают те, кто считает, что *состояние этих отношений либо изменится в лучшую сторону, либо не изменится* 55% (в 2011 г. – 54%, в 2012 г. – 51%). Хотя относительное большинство среди опрошенных студентов (32%) составили те, кто достаточно *оптимистично* оценил перспективы межконфессиональных отношений в казахстанском обществе, наличие значительного числа респондентов *не сумевших определиться* с оценкой динамики этих отношений, а также существенное количество тех, кто *пессимистически* оценил эту динамику свидетельствует о *наличии в данной сфере определённых рисков*.

К факторам способным *негативно* повлиять на состояние межконфессиональных отношений большинством опрошенных были отнесены

- активизация деятельности религиозных сект и культов – 35% (в 2011 г. – 37%, в 2012 г. – 38%,);
- нарушение политической стабильности – 21% (в 2011 г. – 21%, в 2012 г. – 25%,);
- ухудшение социально-экономической ситуации в обществе 23% (в 2011 г. – 24%, в 2012 г. – 22%).

Предварительная оценка результатов опроса показывает:

1. Сохраняется высокая доля молодежи, которая осознаёт себя в первую очередь *не столько гражданами РК*, сколько представителями определённого этноса (38-81%). Таким образом, **декларируемые цели по формированию гражданского общества в многонациональной республике, еще далеко не достигнуты.**

2. **Религиозная принадлежность в самоидентификации респондентов занимает одно из важных мест**, об этом заявила почти половина опрошенных.

3. Значительно выросла, за последние пять лет, доля студентов считающих себя *верующими*, с 27 до 75%. (В настоящее время это возрастная группа, как указывалось выше, родившаяся в годы независимости.) **Данная ситуация может свидетельствовать о кардинальном изменении общественного и индивидуального сознания.**

4. В тоже время подавляющее большинство опрошенных - 82%, выражает желание жить в стране, в которой *влияние религии ограничено, вмешательство религиозных организаций в деятельность государственных организаций недопустимо*. **То есть любые формы теократической организации общественных отношений для них не приемлемы.**

5. Отмечен **рост положительной оценки межконфессиональных отношений** в казахстанском обществе -63%, и некоторый рост оптимизма в то, что эти отношения еще улучшатся или не изменятся.

6. Опрошенные **демонстрируют высокую и несколько повысившуюся нетерпимость к радикальным религиозным течениям**. С тем, что *религиозный экстремизм можно искоренить* в той или иной степени согласились - 72%. 37% полагает, что такой мерой должно быть *ужесточение наказаний за участие в подобной деятельности*. Видимо нетерпимость, в какой-то степени обусловлена высокой вероятностью вовлечения молодежи в секты (57%).

7. Наблюдается **достаточно устойчивая группа** стремящихся соблюдать религиозные догмы и обряды - 13%, согласных присоединиться к сектам - 5%, негативно оценивающих межконфессиональные отношения - 8%. **Во многом это связано с высокой активностью религиозных сект, наличие контактов с их представителями отметили 24% респондентов. Сопоставление этих данных указывает на рост конфронтации в обществе, усилении борьбы, расколе по вопросу принадлежности к религиозным течениям.**

8. Среди **причин побуждающих молодёжь** присоединяться к деструктивным религиозным организациям упоминались *социально-экономические проблемы* (29%). Следующими, по частоте упоминания, являются - *семейные проблемы,- психологическая нестабильность,- активное воздействие на молодёжь представителей деструктивных религиозных организаций.*

Совокупность представленных данных позволяет внести коррективы в деятельность местных государственных и правоохранительных органов, молодежных объединений, учреждений образования и культуры. Тем более, что направления работы - пресечение деятельности религиозных сект в молодежной среде, выявление и организация индивидуальной работы с представителями группы риска, обоснованы и осуществимы.

С другой стороны ряд данных опроса требует уточнений связанных с проблемами самоидентификации молодежи, т.к. может свидетельствовать о необходимости внести существенные изменения в государственную политику.

Понимание феномена идентичности как основы политического поведения населения и легитимации государственности, наличие признаков кризиса идентичности, постановка проблемы системного анализа государственной политики формирования идентичности, необходимость широкомасштабных исследований для получения объективных данных и разработка мер по корректировке государственной политики могут быть положены в основу широкомасштабного научного проекта.

Содержание

<i>Вилков А.А.</i> Предисловие	3
<i>Барашков Г.М.</i> Особенности функционирования институтов гражданского общества в современной России (на примере Саратовской области)	5
<i>Богданов А.В.</i> Современное понимание гражданского общества: условия функционирования	11
<i>Вилков А.А.</i> Основные концептуальные трактовки политической субъектности в отечественной политологии	15
<i>Галкина Е.В.</i> Общественные объединения в структуре современного гражданского общества на юге России	22
<i>Головченко А.В.</i> Организационные инверсии либерализма в рамках партийного строительства на региональном уровне	28
<i>Данилов М.В.</i> Политизация гражданского общества: от конкуренции к монополии?	32
<i>Дыльнова З.М., Семенова Ю.А.</i> Развитие институтов предпринимательства в регионе (на примере Саратовской области)	38
<i>Ефанова Е.В.</i> Молодёжный радикализм в РФ: эффект социоструктурных изменений или политического индифферентизма?	42
<i>Казаков А.А., Савинов А.В., Шестов Б.Н.</i> Материалы СМИ об избирательных кампаниях в регионах: новые возможности анализа	48
<i>Карипов Б.Н.</i> Либеральная концепция равновесия взаимодействий между институтами гражданского общества и государства	53
<i>Ковалев В.А.</i> Региональные аспекты российской политической модернизации	57
<i>Койбаев Б.Г.</i> Избирательные тенденции в контексте формирования законодательной власти в республике Северная Осетия - Алания	63
<i>Колесников К.Ю.</i> Особенности региональной политики использования школы как субъекта патриотического воспитания	70
<i>Коротков Д.С.</i> Институт выборов в Украине как механизм элитообразования	73
<i>Кубанова Л.В.</i> Повышение качества жизни как один из факторов стабилизации регионального социума (на примере Карачаево-Черкесской республики)	79
<i>Кузина С.И., Ткачев А.В.</i> Проблемы взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса в Карачаево-Черкесии (экспертные оценки)	85
<i>Куфтов Н.С.</i> Особенности регионального восприятия политической субъектности российской армии	90
<i>Ливерко О.В.</i> К вопросу об участии военнослужащих в региональных выборах	92
<i>Луценко О.А.</i> Локальные этнические конфликты как фактор риска в условиях глобализации	95
<i>Митрохин В.А.</i> Парламентаризм и эмигрантская политическая элита: историко-политологический экскурс	98
<i>Морозов С.И., Костина Е.М.</i> Открытость интернет-ресурсов органов государственной власти как элемент антикоррупционной политики в современной России	101

<i>Никоненко С.А.</i> Особенности взаимодействия современных российских политических партий и гражданского общества	104
<i>Пасечник А.В.</i> Региональный аспект милиционной модели реформирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии	110
<i>Покатов Д.В.</i> Трансформация форм и механизмов рекрутирования региональных политических элит в современной России	113
<i>Поляков А.В.</i> Социальный капитал и развитие институтов гражданского общества	117
<i>Россошанский А.В.</i> Особенности политической субъектности региональных СМИ	125
<i>Савва М.В., Савва Е.В.</i> Региональная гетерогенность и институты гражданского общества в современной России	129
<i>Сайфулин И.С.</i> Политическая технология управляемого хаоса в контексте современного политического процесса России	134
<i>Санжаревский И.И.</i> «Сервисное государство» как особая политическая форма организации публичной власти и взаимодействия с гражданами	139
<i>Сергеев С.Г.</i> Модернизация внеконституционных институтов в Российской Федерации: особенности взаимодействия федеральных и региональных уполномоченных по защите отдельных категорий граждан	144
<i>Солдатова А.С.</i> Стейкхолдеры внутрирегионального пространства в системе территориального управления	152
<i>Соснин Д.П.</i> Перспективы эволюции городских элит в условиях реализации нового этапа реформы местного самоуправления	156
<i>Трофимова М.А.</i> Региональная политическая элита как актор политической модернизации на примере Волгоградской области	159
<i>Труханов В.А.</i> Роль элиты России в обеспечении национальной безопасности	163
<i>Тютюнников А.Л.</i> Особенности приграничного взаимодействия Саратовской и Западно-Казахстанской областей в контексте евразийской интеграции	165
<i>Федотов А.С.</i> Социально-политический потенциал региона: возможности и ограничения	169
<i>Цаплин А.Ю.</i> «Двуликий облик» современного государственного управления	175
<i>Черных Н.С.</i> Поколение «будущего» – основа политической стабильности России	181
<i>Шестов Н.И.</i> Субъектность регионального социума: проблема предмета и объекта политического исследования	183
<i>Шеховцева Н.А., Барышева О.О., Кривошеева Н.И.</i> Либеральные ценности в публичной политике современной России	188
<i>Юров О.В.</i> Религиозная ситуация в республике Казахстан (по результатам опросов студенческой молодежи в Западно-Казахстанской области)	191

Научное издание

Политическая субъектность региональных социумов и элит: динамика, проблемы и перспективы

Сборник научных статей по материалам международной научно-
практической конференции

Подписано в печать 28.08.2014 г. Формат 60х 84 1/16.

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Объем 12,4 ус.печ.л. Тираж 300 экз. Заказ 92

Типография ЦВП «Саратовский источник»

г. Саратов, ул. Кутякова 138 «Б», 4 эт.

т. 52-05-93

Издательство «Саратовский источник»